

Н. Л. Барабанов.

О МОЕМ ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ (1928–1945 гг.)

Москва, 2003 г.

Милые тени ушедших безвозвратно людей хочется, хотя бы слабо, запечатлеть на бумаге. Быть может, когда-нибудь, пройдя случайно через чье-нибудь ясное сознание, мои бледные образы вспыхнут и оживут хоть на мгновение?

Ради этого "быть может", ради небольшой отсрочки забвения и непроглядной тьмы — решаюсь взяться за перо.

Ольга Петровна Семенова-Тян-Шанская

Вводные замечания

Об одной из целей настоящих кратких записок сказано в эпитафии. В самом деле, люди живут, волнуются, учатся и работают, рожают и воспитывают детей, огорчаются и радуются, стареют, потом болеют и умирают. Некоторые из них, без сомнения, имеют какие-то, пусть малые, заслуги перед обществом, способствовали продвижению его, хотя бы малому, по пути прогресса и благосостояния. И если это так называемые "простые" люди, не пользующиеся достаточно громким общественным признанием, а таких огромное большинство, то память о них стирается в сознании живущих, и их как бы и не было на свете. Мои уже ушедшие родители и старшие родственники принадлежат к этому огромному большинству. Мне хотелось бы попытаться спасти память этих людей и отчасти итоги их деяний от забвения. Естественно, в записках упоминаются и кратко описываются место их действий и общественный фон, в условиях которого они жили и работали.

Другая цель — разобраться в своих истоках, вспомнить и понять, какие факторы, семейные (как психологические, так и биологические) и воспитательно-культурные, повлияли на становление моей личности, ее психического, да и физического, облика.

Еще одна цель и сокровенная надежда автора этих записок — сохранить от забвения сообщаемые сведения и дать пищу для возможного любопытства потомков к их прошлому; и, возможно, дать какой-то материал для их обобщений относительно как частной, так и социально-культурной (а может быть, и исторической) жизни России конца 19-го — начала 20-го столетий.

Семьи моих отца и матери

Семьи моих отца и матери жили в городе Раненбург, ранее Рязанской губернии, ныне Липецкой области. Здесь скажу кратко о географическом положении родного города моих родителей.

Город этот расположен на так называемом "Ряском поле" (в его южной части) — почти безлесной равнине, орошаемой небольшими реками, носящими название Ряса (каждая с поясняющим эпитетом). Воды этих рек, сливаясь, собираются в одну реку, Становую рясу, впадающую в реку Воронеж, приток Дона. Город расположен в основном на возвышении между Становой и Ягодной Рясами. Эти реки подходят друг к

другу в нижней части города очень близко (30–50м.), после чего несколько расходятся, но потом все же сливаются километрах в двух ниже по их течению. Часть города постепенно спускается к Становой и Ягодной Рясам, одна из улиц его (Островская) проходит по упомянутому перешейку между реками и тянется еще с 0,5 км на низменной пойме, называемой Островом. В прошлом, в начале 18-го века, эта часть города действительно была островом, позднее пролив между городом и островом был засыпан и застроен (подробнее об этом рассказано ниже, в очерке истории города). В конце Островской улицы расположен поперечный ряд домов, и на этом город до 1950-го года кончался (позднее он разросся дальше по пойме).

Дом моего деда со стороны отца расположен на Островской улице, на "Острове". Дом же деда со стороны матери находится в верхней части города, практически на другом конце его. В дальнейшем я опишу подробнее как город, так и местоположение домов обоих моих дедов, и другие подробности городской жизни в 30-е годы прошлого века, удержавшиеся в моей памяти.

Семья моего деда со стороны отца

Мой дед Иван Николаевич Барабанов имел брата Никифора Николаевича. Сведений о его родителях и их детях, (кроме Ивана и Никифора) у меня нет. Неизвестно также, кто из них старше. Дата рождения Ивана Николаевича (с высокой степенью вероятности) 1857 - 1858 гг. Гораздо менее точно определяется дата его смерти. Сопоставление имеющихся сведений позволяет заключить, что он умер не ранее 1918-го и не позднее 1927-го года. В 1880 – 1882 гг. он состоял на военной службе (чин и должность его неизвестны), которую он проходил в г. Орле. Кстати сказать, там вместе с ним проходил военную службу молодой раненбуржец Тверитинов, будущий учитель моего отца (подробнее об этом будет сказано ниже).

Сведений о занятиях моего деда у меня очень мало, да и те недостаточно достоверны. Мой отец, заполняя в 1937-м году свой личный листок по учету кадров, сообщил о своем отце, что до 1917-го года он был страховым агентом, а после этого года служащим. Однако, родственники мои говорили, что у него с братом Никифором имелось "дело" — производство (и торговля) колбасы и хлебобулочных изделий. После разорения он был исключен из купеческого сословия, вместе с Никифором, и стал мещанином, хотя и купеческим сыном. Родственники говорили также, что был он в городе человеком уважаемым, и даже был когда-то выдвинут городским Мещанским обществом на должность городского головы; однако, избрание его на эту должность не состоялось.

Жил мой дед вначале в большом двухэтажном каменном доме близко от центра города, на Нижней улице, простирающейся вдоль реки Ягодной Рясы, но на гребне высокого берега. Дом бывший его стоял до середины 60-х годов ушедшего века, я его видел. Однако после этого он был разобран по причине, как мне сказал знающий человек, из-за возможности сползания его в направлении реки. Причина оползней высокого берега реки, по-видимому, сплошное асфальтирование всех улиц города, вследствие чего вода не стекает равномерно мелкими потоками с улиц в реку, а стремится в нее в некоторых местах бурно, и размывает берег.

Согласно семейным разговорам, дед еще до 1917-го года разорился и перебрался в другой дом, на Островской улице, на окраине города. Дом этот поменьше прежнего, деревянный, однако, все же имеет 4 жилых комнаты на кирпичном полуподвале. После

разорения дед работал наемным служащим, а на месте его прежнего двухэтажного дома теперь разочаровывающий пустырь.

Дед Иван Николаевич, по-видимому, мало интересовался деловой деятельностью, поэтому она и не принесла ему успеха. Он, по рассказам, был либерал (такие тогда были в купеческой среде) и был заинтересован в просвещении народа. В первую очередь он полагал, что его дети (а их было шестеро) должны получить хорошее, желательно, высшее образование, и это ему в основном удалось, как увидим ниже.

В самом начале Островской улицы жила в 30-х годах пожилая женщина, о которой было известно, что она наша (Барабановых) родственница. Звали ее Анна Николаевна. Возможно, что она — младшая сестра деда Ивана Николаевича, то есть моя двоюродная бабушка. Впрочем, это далеко не достоверно.

Перехожу к рассказу о моей бабушке. Впрочем, вначале скажу о первой жене моего деда, умершей вскоре после свадьбы от скоротечной чахотки (туберкулеза). Потомства от этого брака не было.

Бабушку мою, вторую жену деда, звали Надеждой Ермолаевной, и была она родом из города Моршанска Тамбовской губернии, из семьи торговца, разбогатевшего после реформы 1861-го года, по фамилии Платицына. Я еще застал ее в живых, но на моей памяти это была миниатюрная, согбенная старушка, не выходившая из дома и едва реагировавшая на внешний мир. Она умерла в 1936-м году, я присутствовал при ее похоронах. Могила ее, также как и деда Ивана Николаевича, не сохранилась.

Скажу несколько слов о Никифоре Николаевиче Барабанове, точнее, о его сыне Алексее Никифоровиче. Алексей Никифорович жил в Москве и работал, по имеющимся у меня сведениям, в Научной библиотеке Политехнического музея, будто бы, ее директором. Правильно ли последнее сведение, не знаю, но одна из моих родственниц в 40-вых годах встречала его на улице возле музея.

Перехожу к рассказу о детях моих деда и бабушки. Их было шестеро. Старшим ребенком была, по всей вероятности, дочь Софья (моя тетя Соня), родившаяся ориентировочно в 1887-м году. Тетя Соня образования не получила по причине ее малой способности. Она долгое время помогала матери в ведении домашнего хозяйства и была к ней сильно привязана. По натуре она была человеком, так сказать, "домашним", в обществе была застенчивой, но в домашнем кругу чувствовала себя вполне психологически комфортно.

После смерти матери тетя Соня решила устроиться на какую-либо канцелярскую работу, для чего требовалось окончить среднюю школу. Она поступила в заочную среднюю школу, которую через несколько лет и окончила, с немалым трудом. После этого она пыталась (вероятно, не очень упорно) устроиться на работу, но безрезультатно. Так она и осталась до конца жизни домашней хозяйкой. Жила она в родительском доме, возле которого имелся небольшой приусадебный участок, часть которого она использовала под огород. Обработывая его, она собирала немного картофеля и овощей. На участке был и небольшой сад, о котором будет подробно сказано ниже. Тетя Соня держала немного кур (только для собственного пропитания), и ей оказывали помощь (нерегулярно) братья Владимир и Леонид. Тетя Соня была моей крестной матерью, и ко мне всегда относилась ласково и любезно. Она умерла приблизительно в 1970-м году.

Следующим ребенком моих деда и бабушки был сын Сергей. О моем дяде Сереже я знаю очень мало, сообщу здесь то немногое, что знаю. Родился он в 1888-м или в 1889-м году, где и как учился — мне не известно. В 1910-м году он работал телеграфистом на железнодорожной станции Астапово (теперь Лев Толстой), километрах в 20 от Раненбурга. Он работал на этой станции и тогда, когда там болел и умирал знаменитый Лев Толстой (умер 7-го ноября 1910-го года).

Сергей Иванович был участником мировой войны 1914 — 1918-годов, где он был ранен. Вернувшись с войны, он вскоре переехал в Рязань, где и жил до конца жизни. Он был женат и имел двух детей: девочку Надежду и мальчика Евгения (приблизительные годы рождения которых соответственно 1921 – 1922-й и 1924 – 1925-й). Он умер довольно рано (естественно, не раньше середины 20-х годов), как говорили, от последствий фронтовых ранений. После его смерти связи с его семьей у моей раненбургской родни не было (по неизвестной мне причине), поэтому мне о нем и его семье ничего больше не известно.

Следующим (третьим) ребенком в семье моего деда был сын Леонид. Так как Леонид Иванович (год рождения 1891-й) — мой отец, то я расскажу о нем подробнее, но ниже, после рассказа о других детях моего деда Ивана Николаевича.

Третий сын и четвертый ребенок в семье деда — сын Владимир, родившийся в 1893-м году. Где и как он учился в детстве, мне не известно. До 1917-го года он работал помощником землемера и землемером в окрестностях Раненбурга. Он участвовал в гражданской войне 1918 – 20-го годов на стороне Красной армии, и был ранен. Вернувшись в Раненбург, он продолжал работать землемером, но вскоре уехал в Москву, где окончил Мелиоративный институт и стал инженером по гидросооружениям. В начале 30-х годов он участвовал в строительстве химического комбината в г. Бобрики (ныне Новомосковск) Тульской области.

Дядя Володя был женат на Екатерине Карловне Теллер (тетя Катя), по национальности немке. У них было двое детей — сын Борис (1926-го года рождения) и дочь Инна, родившаяся в апреле 1928-го года. Дядя Володя после Бобриков работал в Москве в различных проектных институтах и жил с семьей в доме, расположенном, по счастливой случайности, очень близко от дома, в котором в те годы жил я, в том же Хавско-Шаболовском переулке. Наши две семьи, живя рядом, очень часто общались, о чем я расскажу подробнее ниже.

В 1960-м году дядя Володя овдовел и вскоре вторично женился на уроженке Раненбурга. В последние годы жизни дядя Володя был пенсионером и жил со второй женой в однокомнатной квартире в Москве. Характер у него был общительный и самоуверенный. Ко мне он всегда относился внимательно и дружески, по-родственному. В 1973-м году он умер.

Расскажу о детях дяди Володи и немного о потомстве Бориса Владимировича. Мой двоюродный брат Боря после учебы в средней школе поступил на работу и окончил заочно Энергетический техникум, а позднее и институт. После этого он работал по специальности, работал успешно, на работе его ценили и ценят. В 1956-м году он женился, жена его Галина Кирилловна (Галя) работала преподавателем в Институте связи, по информационной технологии. Теперь оба они пенсионеры, не работают, но Боря часто бывает на своей прежней работе, участвует в написании исторических трудов касательно его прежней организации. Боря всю жизнь интересовался техникой (автомобили, самолеты и проч.), собирал модели их, фотографии (последние — не

только техники, но и другие, по текущей истории).

В 1957-м году у Бори с Галей родился сын Александр (Саша). В настоящее время он работает художником в редакции журнала "За рулем". У Саши есть дочь Ирина, которая живет у бабушки и работает по художественной части.

Теперь скажу об Инне, сестре Бори. Прежде всего упомяну, что ее мать, тетя Катя, долгое время страдала от туберкулеза, и умерла в 1960-м году от осложнений на основе этой болезни.

Инна работала в годы войны 1941 – 1945-го годов секретарем у жившего тогда в Москве американского журналиста. Потом она училась в художественном училище и работала в средней школе преподавателем рисования. Она в эти годы заболела туберкулезом, упорно лечилась, в частности, прожила однажды лето в Раненбурге, где лечилась козьим молоком, В конце 50-х годов она ходила на неспешные прогулки вместе с моей матерью Екатериной Михайловной, часто в Нескучный сад, расположенный недалеко от нашего жилья.

В 1961-м году Инна заболела раком и, несмотря на хирургическое лечение, осенью 1961-го года скончалась, в возрасте 33 с половиной лет.

Пятым ребенком Ивана Николаевича был сын Николай, дядя Коля, родившийся в 1896-м году. Дядя Коля был мобилизован в российскую армию и участвовал в войне 1914 – 1918-го годов. В ходе войны он попал в плен, какое-то время провел в немецком плену. По характеру он был необщителен, скромн, даже застенчив. В 20-х годах он уехал на учебу в Ленинград, окончил там институт по специальности "сельское хозяйство". Затем он работал агрономом где-то на Севере, кажется, в Архангельской области. Там он женился и в середине 30-х годов вернулся в Раненбург, где и поселился вместе с женой Ниной Федоровной в родительском доме, и жил там до своей кончины.

Когда мы, дети (Боря, Инна, я и дочь младшего ребенка деда Ивана Варвары Ивановны Ксения, о которой ниже) приезжали на лето в Раненбург, он охотно занимался с нами, например, играл в прятки (прятался очень искусно). Однажды он заимствовал у одного из соседей лодку и поплыл с нами (детьми) на "экскурсию" вниз по реке Ягодная Ряса, в поисках чилимов (водяных орехов), которые, видимо, когда-то в этой реке водились. Орехов мы не нашли, но поездка, тем не менее, была детям интересна.

В 1941-м году дядя Коля был опять мобилизован в армию и участвовал в войне 1941 – 1945-го годов. Вернувшись домой после ранения в руку, он работал в раненбургском Сельскохозяйственном техникуме преподавателем. Человек он был культурный, интеллигентный, интересовался развитием наук в послевоенный период. Работая преподавателем, он обрабатывал и огород при доме, кроме того, он держал кроликов; для их прокормления требовалось много травы, заготовкой ее он постоянно занимался, где только было возможно, в том числе и в саду, устроенном когда-то другим моим дедом, Михаилом Гавриловичем (об этом ниже).

Настроенность души его была романтическая, даже поэтическая. В таком духе он воспринимал местоположение Раненбурга — на возвышенности между двумя реками, и пейзажи окрестностей города, которыми ему удавалось любоваться во время его кратких загородных прогулок.

Было у него четверо детей, из которых старший сын Лев, родившийся в конце 30-х годов, умер в возрасте 10 – 11 лет; у него было нездоровое сердце. Уже после войны

1941 –1945-го годов в его семье родились еще трое детей, все они выросли. Старший, Алексей живет в г. Плавске Тульской области и работал в 70-х годах прошлого века мастером по ремонту радио- и телеаппаратуры. Состав его семьи мне не известен. Старшая дочь Вера вышла замуж за специалиста по энергетике и жила с семьей в 70-е годы в г. Мичуринске (ранее Козлов) Тамбовской области. У нее был тогда пока один сын Аркадий. Младшая дочь дяди Коли Зоя окончила пищевой техникум в г. Пскове по специальности хлебопечение, вышла замуж и жила (70-е годы) с семьей (не известного мне состава) в г. Ленинграде, ныне Петербурге.

Остается рассказать об обстоятельствах трагической смерти дяди Коли. К 1975-му он стал очень плох: почти совсем оглох (ранее плохо слышал) и стал плохо узнавать своих собеседников, развилась общая слабость. В это же время заболела его жена Нина Федоровна, в мае 1975-го года ее поместили в больницу. В раненбургском доме Барабановых жили уже только она и дядя Коля. Когда дядя Коля остался в доме один, сын его Алексей, решив взять его на время в свою семью, повез его поездом в Плавск. Там на железнодорожной станции медлительный и глухой дядя Коля случайно попал под вагон и был раздавлен, смерть наступила мгновенно.

После похорон дяди Нина Федоровна, оставшись в доме одна, не захотела оставаться в Раненбурге, продала родовой дом Барабановых и уехала на житье к своему брату в Ленинград. Перед отъездом она зашла проститься к моим тетушкам Рыжковым и, так как была намного их моложе (а было им в тот год 83 – 85 лет) попросила их известить ее, когда кто-нибудь из них умрет, и тогда она приедет в Раненбург на похороны. Однако после этого мои тетушки прожили в добром здравии еще около 10 лет, а Нина Федоровна, по имеющимся у меня сведениям, вскоре после переезда в Ленинград, умерла от рака.

Последним, шестым ребенком деда Ивана Николаевича была дочь Варвара, появившаяся на свет примерно в 1900-м году. Где и как она училась, живя в Раненбурге, я не знаю. После окончания событий 1914 – 1921-го годов она училась в Москве в Институте геодезии и картографии, после окончания его жила в Москве и работала по специальности. Жила она в центре Москвы в Лучниковом переулке в небольшой комнатке на втором этаже. В этой комнатке жили многие дети Барабановы, приезжавшие на время из Раненбурга в Москву.

Варвара Ивановна была замужем за преподавателем Борисом Лыжиным, было у них двое детей. Старший мальчик умер в младенчестве, а дочь Ксения (Ксения, родившаяся в январе 1931-го года), здравствует поныне. Варвара же Ивановна вскоре после рождения дочери с мужем разошлась.

Во время войны 1941 – 1945-го годов тетя Варя заболела жестокой дистрофией и летом 1943-го года умерла. Похоронена она на Пятницком кладбище (близ Рижского вокзала). Отмечу, что ко мне тетя Варя относилась всегда с любовью и, во время редких встреч, ласково.

Ксения первое время после смерти матери (около года) жила в Раненбурге у тети Сони, потом вернулась в Москву. После окончания средней школы Ксения поступила на учебу в Институт легкой промышленности, который окончила через 5 лет, после чего работала по специальности. В начале 50-х годов Ксения вышла замуж за студента-механика (тогда) Глеба Пазельского. В семье родился сын Михаил (Миша), ныне здравствующий. Ксения, работая преподавателем в Полиграфическом институте, защитила диссертацию и стала кандидатом технических наук.

В 70-х годах Ксения развелась с мужем Глебом и вскоре вышла замуж за преподавателя Алексея Денисова, чью фамилию ныне носит. Алексей же Денисов вскоре после вступления в брак с Ксенией умер.

Сын Ксени Миша работает, он женат, у него двое детей, мальчики. Старший сын Дмитрий (Дима) кончает учебу в Институте радиоэлектроники и автоматики. Младший сын Александр (Саша) учился в строительном лицее, потом был мобилизован в Вооруженные силы. Недавно срок его службы кончился, и он вернулся в Москву.

Ксения много времени и труда тратит на занятия садоводством-огородничеством на собственном дачном участке. В то же время, с удовольствием слушает концерты классической музыки в Московской консерватории.

Перехожу теперь к заметкам о моем отце, Леониде Ивановиче, третьем ребенке (и втором сыне) Ивана Николаевича. Отец родился в конце октября 1891-го года.

О ранних годах жизни моего отца мне известно очень мало. Рассказывали, что в детстве Леонид был довольно озорной мальчик. Так, однажды он забирался по крутой каменной лестнице на колокольню раненбургского Троицкого собора. В каком-то месте он сорвался со ступени, покатился по ступеням вниз и, не сумев остановиться, выкатился из колокольни на соборную площадь. Прохожие подняли его, поставили на ноги и спросили, где он живет и может ли идти домой. Мальчик ответил, что может. Ему сказали, чтобы он шел, и он пошел. Придя домой, он лег, немного полежал, потом встал, и случай этот последствий не возымел. Известно также, что в детстве Леонид был весьма гибок, и получил от товарищей по играм прозвище "Человек-змея".

Мальчик Леонид учился в Раненбурге в городской трехклассной школе, которую и окончил с отличием. В каком-то году, не ранее 1899-го, он получил в школе в награду за хорошую успеваемость книгу избранных произведений Пушкина (небольшую, год издания 1899-й). В книге имеется вступительная статья известного в те годы литературоведа (народнического направления) Ч. Ветринского (1866 – 1923-й годы, псевдоним, настоящая фамилия Чешихин В. Е.).

Сохранилась его фотография времен юности. Тонкие черты лица, взгляд спокойный, нижняя часть лица не имеет выраженных признаков чувственности или упрямства. Впрочем, сохранились несколько парных фотографий его с братом Сергеем, видимо, в юности братья были дружны. Мне известно, что Леонид в возрасте 15 лет в одиночку отправился в Москву, вероятно, посмотреть город. В Москве он поступил в 1906г. окончил в 1909г. слесарно-ремесленное училище по специальности мастер по механическому делу. В более позднее время, уже на моей памяти отец выказывал, среди прочих, некоторое пристрастие к ручной работе. В 30-е – 40-е годы он, в качестве отдыха от умственной работы занимался починкой обуви, для чего у него имелся набор подходящих инструментов и материалов. Отец хорошо чертил, у него была большая готовальня. Отец сделал для меня так называемую кассу. На листках плотной бумаги он вычертил крупно и четко буквы русского алфавита и поместил их в самодельный картонный переплет. Составляя из этих карточек слова, я учился читать. Также он немного умел рисовать. Он нарисовал для нас, детей, игральные карты взамен износившихся.

Трудовую деятельность Леонид Иванович начал в 1910-м году. С 1910-го по 1914-й год он работал десятником на строительстве земских школ в Раненбургском уезде. Однако,

уже с 1911-го года (по 1914-й год) работал учителем в начальной школе села Лапотки, близ Раненбурга. С 1914-го года по октябрь 1915-го года работал помощником землемера в Раненбурге. В сентябре 1915-го года был мобилизован в армию. Его воинская часть стояла в Ярославле, отец на военной службе работал ветеринаром. Военную службу он начал в чине (и окончил ее в Красной армии) в одинаковой должности — рядового.

Вернувшись в январе 1918-го года в Раненбург, он вновь стал работать землемером, одновременно он учился во вновь (1918-й год) организованном педагогическом институте РИНО (Раненбургский институт народного образования). Окончив в 1922-м году РИНО и получив свидетельство о праве преподавания физики и химии в средней школе (в силу случайных обстоятельств Леонид Иванович не получил аналогичного свидетельства о праве преподавания математики, хотя соответствующее отделение РИНО он тоже кончил), Леонид Иванович уехал в Москву для продолжения образования, а РИНО был в том же году преобразован в педагогический техникум.

В РИНО председателем правления (ректором) работал уроженец Раненбурга дипломированный психолог Николай Дмитриевич Левитов. Так как Н. Д. Левитов оказал, по-видимому, значительное влияние на становление личности, а позднее и на социальную и профессиональную жизнь моего отца, как его учитель и старший коллега по работе, расскажу здесь кратко об этом значительном педагоге и психологе.

Николай Дмитриевич Левитов, младший сын раненбургского соборного священника (и благочинного) Дмитрия Васильевича, родился в 1890-м году. С ранних лет он отличался выдающимися способностями в учении, в частности, склонностью к изучению иностранных языков. Блестяще окончив Раненбургское духовное училище, он завершил свое образование в Рязани, а затем в Петербурге, и в 1914-м году получил право преподавания литературы и психологии. После кратковременного периода преподавания в Рязанской духовной семинарии, он переехал в Раненбург и, руководя институтом РИНО, стал работать там преподавателем психологии и логики. Он был одним из ведущих преподавателей в институте, и оказал существенное влияние на личность Леонида Ивановича как преподаватель, и как высокообразованный, культурный человек. В дальнейшем я дополню рассказ об этом значительном человеке, так как и в дальнейшем (в Москве, куда Николай Дмитриевич переехал в 1921-м году) он оказал существенное влияние на жизнь Леонида Ивановича (попросту, устроил его на подходящую для него работу) а косвенно — и на мою. Подробный рассказ об этом последует.

Другой значительной личностью в РИНО был преподаватель математики Константин Николаевич Рашевский, родившийся в 1874-м году. Будучи уже известным математиком-педагогом, он приехал в 1919-м году в Раненбург, где и преподавал математику в РИНО, а затем в педагогическом техникуме до 1949-го года, умер он в 1956-м году. Константин Николаевич, как следует из разговоров моего отца со мной, также оказал существенное влияние на направление его образования и вообще на образ его мышления.

Мы увидели, таким образом, что во время учения моего отца в РИНО он подвергся мощному влиянию незаурядных людей в направлении рациональных, позитивных наук — математики, психологии, логики. И это влияние оказало свое воздействие: в его дальнейшей жизни, и в частности, профессиональной, рациональное начало играло существенную роль. Но он не был полностью "рациональным" человеком, сознание его было значительно сложнее, включая в себя существенные элементы чувства. Об этом

будет подробнее рассказано позднее.

Окончив РИНО, Леонид Иванович уехал в Москву и в августе 1922-го года поступил на Высшие научно-педагогические курсы при 2-м Московском Государственном университете, на отделение педагогических техникумов, по специальности математика. Однако курсы эти Леонид Иванович не окончил. В июле 1924-го года он уехал в г. Петропавловск Акмолинской губ., где с июля по август 1924-го года работал руководителем-лектором губернских курсов по переподготовке учителей. С сентября 1924-го года по январь 1925-го года он жил в г. Златоусте, на Урале, и работал преподавателем в педагогическом техникуме. С января 1925-го года жил в Москве и работал в Центральном институте труда (ЦИТ) в качестве научного сотрудника сенсорной лаборатории и одновременно учился на шестимесячных курсах консультантов по организации труда, окончив их в октябре 1925-го года. С 1 января 1926-го года он работал старшим научным сотрудником психотехнической лаборатории Института по изучению профессиональных заболеваний и гигиене труда им. В. А. Обуха(1870 – 1934 гг.) на Воронцовом Поле, относившемся к системе Народного комиссариата здравоохранения. Там научным руководителем Леонида Ивановича был Н. Д. Левитов.

В мае 1927-го года Леонид Иванович женился на уроженке Раненбурга Екатерине Михайловне Рыжковой (род. в 1899-м г.), о которой будет подробный рассказ ниже. В июле 1928-го года в семье родился сын Николай, автор настоящих строк.

В июле 1936-го года Леонид Иванович ушел с работы в Институте Обуха в связи с ликвидацией (там, да и во всей стране) направления психотехники и ликвидацией лаборатории психотехники. С августа 1936-го по июль 1937-го года Леонид Иванович работал в Методическом бюро санитарной статистики Института гигиены при 1-м Московском медицинском институте старшим экономистом.

В годы 1937 – 1941 Леонид Иванович преподавал элементарную математику, но не в обычных средних школах, а на различных курсах, в порядке усовершенствования ответственных работников среднего звена, так называемых выдвиженцев, и в так называемых, как он говорил, "точках". Причина — он не имел законченного высшего образования, а может быть, отрицательно сказывалась его работа на опальном поприще психотехники до 1936-го года.

В частности, в 1940 – 41-м годах он работал на медеплавильном заводе им. В. Молотова на Варшавском шоссе инструктором по обучению рабочих кадров. Кроме того, он преподавал математику индивидуально, на дому, одному из руководителей завода выдвиженцу Павлину Сахарову, жившему близко от нашего дома, на Серпуховском валу. Между учителем и учеником установились хорошие отношения.

В эти годы отец часто нервничал из-за нестабильности положения с его занятостью и, соответственно, материального положения. Он в это время много курил, причем дешевые третьесортные папиросы "Бокс". У него зародилась и стала постепенно развиваться гипертоническая болезнь. Позднее, заболев гипертонией серьезно, он от курения отказался. Впрочем, в эти же годы отец находил время и ходил со мной в близлежащие музеи: Музей народов СССР и Палеонтологический на Б. Калужской улице, а также существовавший тогда

Антирелигиозный музей в Большом соборе Донского монастыря. Он также рассказывал мне избранные эпизоды из истории России, материал для этих бесед он, возможно, черпал из трудов историка Д. И. Иловайского, уроженца Раненбурга.

Отец всю жизнь интересовался шахматной игрой. Он собрал небольшую шахматную библиотечку. Иногда к нему приходил приятель и бывший сослуживец Николай Иванович Жердев (тоже раненбуржец), и они играли в шахматы, поддразнивая друг друга. Позднее, уже будучи пенсионером, отец в летние дни выходил в наш дворик и играл с такими же пенсионерами в шахматы (и только в шахматы). Зимой же он сидел дома за столом и читал классическую литературу только на английском языке, например, Диккенса или Голсуорси. Впрочем, он неплохо знал также немецкий и французский языки.

Освещу последние годы жизни моего отца. После 1941-го года жизнь его фактически стала клониться к закату, хотя прожито было к тому году только 50 лет. В 1941-м году, через несколько месяцев после начала войны он был призван в вооруженные силы, работал в военном госпитале заместителем начальника по хозяйственной части (в основном по снабжению). Работа эта совершенно не соответствовала его характеру: он был необщителен и в житейском смысле непрактичен. В условиях войны, к тому же в ее первые неудачные месяцы, служебные трудности его усугублялись. В конце 1941-го года он, вместе с госпиталем, спешно отступал из г. Калинин (теперь Тверь) через Москву на Урал, где разместился тогда его госпиталь. Однако гипертоническая болезнь прогрессировала, и летом 1942-го года он был демобилизован по болезни и приехал сначала в город Шатуру, под Москвой, потом, после дополнительных хлопот, в Москву, к своей семье. По болезни он получил инвалидность 2-й группы. Он поступил на работу в одну из соседних средних школ секретарем и резервным учителем математики. Однако вскоре он ушел из школы и стал работать на расположенном неподалеку от нашего дома Металлообрабатывающем заводе им. Н. А. Семашко (протезном) инструктором по технике безопасности труда. Проработав на этом заводе несколько лет, он был вынужден в 1950-м году уйти на пенсию по болезни.

К этому же времени относился визит к нам его знакомого по Раненбургу, некоего Кряжева (или Кряжова), пригласившего отца на работу под его руководством по вопросам психологии, на хороших условиях. Этот визитер произвел даже на меня тогда впечатление несерьезного человека, болтуна. Отец категорически отказался от его предложения, и больше этот человек у нас не появлялся.

В дальнейшем отец занимался в основном несложными домашними делами (покупка продуктов для семьи и т. п.). Дальше окрестностей дома он не ходил. В летнее время он часто выходил в наш двор, чтобы сыграть партию в шахматы с соседями-пенсионерами. Там у них для игры был облюбован столик с вкопанной скамейкой. В работах по хозяйству практически не участвовал, сидел за столом и читал классическую литературу, почти всегда на английском языке. У него была небольшая шахматная библиотечка, ныне не сохранившаяся.

В конце 50-х годов, по мере налаживания жизни в стране после окончания войны, возобновились наши связи с родственниками в Раненбурге, мы иногда ездили туда летом на короткое время. Здоровье отца не улучшалось, однажды его поместили на лечение в 5-ю Советскую больницу, но улучшения здоровья не было. В апреле 1962-го года у отца ухудшилось зрение, его помещали в больницу и после обследования предлагали сделать операцию по поводу глаукомы, но отец отказался.

В начале июня того же 1962-го года он вместе с моей матерью уехал в Раненбург, чтобы навестить родственников. Примерно 20-го числа того же месяца я получил от них сообщение, что они собираются вернуться в Москву. Однако вечером 26-го июня я

получил из Раненбурга телеграмму о скоропостижной смерти Леонида Ивановича в результате инсульта.

Расскажу о некоторых подробностях события. В Раненбурге Леонид Иванович почувствовал себя хуже, однажды, находясь в саду, он упал и не мог подняться. Когда его поднимали и ободряли, он сказал, что ничего особенного не произошло, и он ничего не боится. Проведя после этого сколько дней в постели, он встал и продолжал обычную жизнь. За день до смерти он посетил свою сестру Софью Ивановну в своем отцовском доме (а жил он в доме Рыжковых), расположенном на противоположной окраине города, однако, обратно он пришел в сопровождении тети Сони, которая проводила его, так как он чувствовал слабость. На следующее утро он встал, оделся и вышел в сад. Там, около 11ч. 30мин., когда он сидел на скамейке, с ним случился гипертонический криз (инсульт), в просторечии апоплексический удар, он упал со скамейки и скоропостижно умер.

Я приехал на следующее утро в Раненбург, а на следующий после этого день Леонид Иванович был похоронен на раненбургском кладбище (примерно в полукилометре от дома Рыжковых), вблизи полуразрушенной церкви. Рядом с его могилой были могилы Рыжковых, моих дедушки и бабушки, а также их сына, моего дяди Анатолия, умершего в начале того же 1962-го года (о них будет сказано ниже). В настоящее время их могилы, за исключением могилы отца, не сохранились. На похоронах Леонида Ивановича присутствовал, в частности, Алексей Дмитриевич Левитов, старший брат психолога Николая Дмитриевича. Алексей Дмитриевич, музыкант и поэт, человек исключительной скромности, жил в Раненбурге и преподавал музыку (игра на скрипке) в местной музыкальной школе.

Перечислю кратко награды Леонида Ивановича (они были малозначительны): медали "За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941 – 1945 годов", "За победу над Германией в Великой отечественной войне 1941 – 1945 годов", а также медаль "В память 800-летия Москвы" (награжден в 1948-м году).

Семья моего деда со стороны матери

О моих родственниках со стороны матери я знаю больше, чем о родственниках со стороны отца. Здесь я кое-что знаю о моем прадеде. Звали его Гавриил Егорович, он был столяр и жил на северной окраине Раненбурга (вне его исторического ядра), на Крепостной улице (ныне улица Ленина) в том самом доме, где довелось жить и мне (дом и сад будут описаны позднее). Дошли до меня некоторые сведения о его привычках. Так, он имел обыкновение сам ходить за продуктами для всей семьи на базар (рынок по-современному). Базарный день (когда продавцы привозили продукты) был два раза в неделю — среда и суббота. Закупив продукты, он заходил в трактир и пил там чай (только чай) со своими приятелями. Однако, по рассказам его внучек, он имел обыкновение перед обедом выпивать рюмку водки (только одну), "для аппетита". Отойдя от дел и, видимо, передав свое "дело" старшему сыну Михаилу (мой дед), он проводил время, занимаясь, в частности, ловлей перепелов в окрестностях Раненбурга, в чем ему помогали его внуки, благодаря чему эти сведения и дошли до меня. Добавлю еще, что в детстве я видел его портрет, висевший в доме его второго сына Николая Гавриловича, моего двоюродного деда. На портрете был изображен почтенный пожилой человек, без бороды и усов, волосы не длинные, но с пробором посредине головы. Портрет этот не сохранился.

Это все, что мне о нем известно. О прабабушке моей, также как и о его второй жене, я ничего не знаю. Известно только, что у прадеда была сестра, которую моя мать и тетушки называли в разговорах "бабушка Егоровна".

Со стороны моей бабушки Екатерины Константиновны прадед мой о. Константин Гусев был священник в селе Соловые, расположенном примерно в 10 км от Раненбурга в сторону Рязани. О нем мне известно только, что он имел некоторую склонность к алкоголю, что, впрочем, не удивительно для сельского священника. Во время антирелигиозных гонений в России его родственники, священнослужители, пострадали, но один из них Леонид Васильевич Гусев, уцелел и даже посещал дом моих тетушек в Раненбурге, и я его видел в 30-е годы, он носил тогда обычную штатскую одежду.

Перехожу к моему дедушке Михаилу Гавриловичу. Дедушка жил со своей семьей в Раненбурге, в доме на улице Крепостной (Ленина 22). По профессии был он, как и его отец, столяр (также и плотник), работал на дому, частным образом, никаких помощников, в том числе и наемных, у него никогда не было. Года его рождения я в точности не знаю, но очень вероятно, что это 1865-й или 1866-й годы. Умер он в Раненбурге в 1933-м году, можно сказать, "сгорев на работе".

Он повез на ручной тележке-двуколке выполненный им на заказ какой-то предмет мебели на дом к заказчику. По дороге он почувствовал себя плохо, его доставили в здание железнодорожного вокзала, где он и умер от сердечного приступа на скамье в зале ожидания. Похоронен он на раненбургском кладбище, могила его не сохранилась, но местоположение ее, возле могилы моих родителей, мне известно.

Дедушка изготовлял различные предметы мебели, какие именно — можно было получить представление по мебелировке его дома. Перечислю эту мебель. Это два стола, две деревянные кровати, два больших сундука, комод. Платяного шкафа не было, но был буфет с резными украшениями по моде начала 20-го века. Кроме того, им были сделаны два изящных столика на одной длинной ножке для мелких предметов, причем столешница была круглая, небольшого диаметра, а у ножки были внизу три фигурные подпорки. Названия таким столикам в русском языке я не нашел, а во Франции такие столики назывались "геридоны". Поверхность буфета и столешниц "геридонов" были лакированы. Из всей этой мебели ныне ничего не сохранилось. Впрочем, из его работ сохранились и имеются у меня два предмета: небольшая деревянная шкатулка, облицованная под карельскую березу (в плохом состоянии) и футляр-крышка для швейной машинки. Столярными работами дедушка занимался в подвальном помещении своего дома (так называемый "низ", о нем ниже). Там еще недавно стояли его верстак и токарный станочек с ножным приводом, для вытачивания круглых деревянных деталей мебели. Теперь ничего этого не сохранилось.

В связи со столярными работами дедушки следует упомянуть и его плотничьи труды. Здесь на первом месте стоит дом, упомянутый выше, в котором жил он с семьей. Дошли до меня сведения, что прежде семья Гаврила Егоровича жила в другом, меньшем доме, без полуподвального помещения, располагавшемся в будущем саду, с выходом на улицу, перпендикулярную ул. Ленина, называвшуюся в 30-х годах Пролетарской, позднее ул. Молотова, а теперь Октябрьской. Усадьба моего прадеда занимала площадь около 12 соток (может быть, чуть больше) на углу Крепостной и упомянутой Пролетарской улиц. Гавриил Егорович имел двух сыновей от первого брака — мой дедушка Михаил и брат его Николай Гавриловичи. После смерти первой жены он женился вторично и имел еще двух сыновей Ивана и Александра

Гавриловичей. Повзрослев, они стали работать на строящейся в 70-х – 90-х годах 19-го века железной дороге, проходившей через Раненбург и предназначенной для связи Москвы с Саратовом и Астраханью (Павелецкий вокзал в Москве). Семья прадеда разрасталась: у старшего сына Михаила, в свою очередь, появились дети (первый ребенок в 1889-м году), о которых речь будет ниже. Старый дом стал тесен, поэтому мужчины Рыжковы построили новый, более просторный дом на самом углу Крепостной и (позднее) Пролетарской улиц. Этот новый дом (в котором и мне довелось жить, а позднее гостить в летние месяцы) был построен, по-видимому, в первые годы 20-го века (около 1910-го года). Стены его, как говорили, были сложены частично из бракованных железнодорожных шпал, ставших доступными, вероятно, не без помощи Ивана и Александра Гавриловичей.

В первые годы после постройки дома Гавриил Егорович и его новая семья жили в верхнем (наземном, деревянном) этаже, а Михаил Гаврилович с разрастающейся семьей ютился в полуподвале. В то же время старый, более тесный дом был перенесен на новое место (в усадьбе же) и поставлен фасадом на Крепостную улицу, в нем поселился, вернувшись из своих рабочих странствий по Сибири, Таврической губернии, второй сын Гавриила Егоровича Николай Гаврилович и его семья. В это же время Иван и Александр Гавриловичи ушли из родительского дома, где и как они жили после этого, мне не известно, я их никогда не видел. Однако, в 30-е годы, уже на моей памяти в наше жилье в Хавско-Шаболовском переулке заходил сын кого-то из них по имени Геннадий, и общался с моей матерью. Он был советский работник, получал приличную зарплату и утверждал, что может часто покупать пирожные, что в то время было доступно далеко не всем простым труженикам. Но в конце 30-х годов Геннадий был репрессирован и погиб. Из всех моих довольно многочисленных родственников и свойственников он был одним из немногих пострадавших от коммунистических властей (к таким относились также Гусевы, как было сказано выше).

Возвращаясь к моему деду Михаилу Гавриловичу. К числу его плотничьих работ относится постройка сарая во дворе и небольшого садового домика, называемого в семье "беседка". Сарай был неказист, но довольно велик по площади, примерно 15 кв. метров. Стены его были частично дощатые, а частично из плетня, обмазанного глиной, но стропила и крыша (железная) были обычные. В нем хранился садовый и огородный инвентарь. Там же висели и сушились большие листья курительного табака; высушенные листья табака дедушка крошил, собирал в кيسет, сворачивал из газетной бумаги "козьи ножки" и, вставив ножку в мундштук, курил этот табак, по его словам, "очень жестокий". Рядом с этим сараем дедушка возделывал небольшую делянку курительного табака.

После смерти Гавриила Егоровича его усадьба была разделена между его старшими сыновьями ровно пополам. Братья жили дружно, никаких заграждений между их участками (садами) не было.

Примерно в 25 км. северо-западнее Раненбурга, близ села Урусово, у железной дороги на Москву расположено бывшее имение Семеновых, из которых Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский широко известен как выдающийся ученый-естествоиспытатель, географ, путешественник, просветитель, государственный деятель. В имении Семеновых Рязанке, принадлежавшем во второй половине 19-го века брату Петра Петровича Николаю Петровичу, в 1997-м году был пожар, усадебный дом серьезно пострадал. В восстановлении дома участвовали искусные плотники из Раненбурга братья Михаил и Николай Рыжковы. После выполнения этой работы Николай Петрович, знаток и любитель садоводства, помимо денежной платы, подарил братьям

Рыжковым саженцы (или веточки для прививки) редкого в то время сорта груши желтого цвета "лимонная", очень вкусной и сладкой, в чем я еще тогда, в 30-е годы, имел удовольствие убедиться.

О саде дедушки скажу подробно позднее, а здесь отмечу, что сад его был хорошо ухожен, в нем росли яблони, груши разных сортов, сливы, вишни, малина, один куст крыжовника, но никакой смородины. Были и цветы: пионы разных цветов, куст жасмина, куст "золотого шара", мальва (в просторечии "бабья рожа") разных цветов. Итак, помимо своей основной столярской работы, дедушка много и усердно работал во дворе и в саду.

У дедушки Михаила Гавриловича было шестеро детей, в том числе трое мальчиков. Мальчики учились не очень усердно, но шалуны были изрядные. Играя, они иногда попадали мячом или другим предметом игры в окна школы, и были случаи, когда разбивали стекла. В этих случаях дедушка, узнав о провинности детей, не говоря ни слова, шел в школу и лично вставлял целые стекла вместо разбитых (все инструменты и материалы для этого у него были). При этом провинившихся детей он не наказывал.

Отмечу, что когда я жил в его доме, он немало со мной занимался, гулял со мной на небольшие расстояния; иногда я сидел у него на коленях, при этом помню, что брал его за бороду, обращая его внимание на себя. У него была небольшая бородка клинышком и усы.

Дедушка совершенно не был пристрастен к алкоголю, а именно, никогда не пил никаких спиртных напитков. Видимо, он был достаточно загружен и увлечен своей работой, и к тому же имел большую семью. В жизни его был эпизод, когда ему пришлось некоторое время поработать продавцом алкогольных напитков ("целовальником") в селе Чемоданово, где-то недалеко от Раненбурга. И даже тогда, в постоянном соприкосновении с алкоголем, общении с нетрезвыми людьми и алкоголиками, он совершенно не пил алкогольных напитков. О том, что он был заядлый курильщик табака-самосада, было сказано выше.

Таков был мой дедушка Михаил Гаврилович — труженик, созидатель, видимо, находивший удовлетворение в своем труде и его результатах. Он был не чужд стремлению к красоте в своих столярных изделиях и в саду, который он содержал в порядке, несмотря на отсутствие подвода воды для поливки растений на участке. Вся жизнь дедушки прошла в непрерывных трудах, как оказалось впоследствии, очень плодотворных.

В начале 30-х годов он посетил нашу семью, жившую в Москве, в Хавско-Шаболовском переулке. Было это зимой, года я не помню. После кратковременного пребывания у нас он вернулся в Раненбург, а в 1933-м году умер.

Моя бабушка Екатерина Константиновна Рыжкова, урожденная Гусева, была дочерью священника о. Константина из села Соловые. К сожалению, о ней мне почти ничего не известно. Будучи матерью шестерых детей, она всю жизнь занималась их воспитанием, заботилась об их одежде и пище. На эти заботы и трудные, при ограниченных средствах семьи, хлопоты, ушла вся ее жизнь. Она была очень религиозна и всю жизнь регулярно посещала церковь (для этого в последние годы жизни ей приходилось ходить в пригородное село Кривополянье). Год ее рождения мне не известен, а умерла она в марте 1937-го года и похоронена рядом с дедушкой.

Здесь скажу еще об одном лице. Это — дьякон по фамилии Живаго, женатый на какой-то из родственниц семьи Рыжковых. Он жил поблизости от дома Рыжковых на той же Крепостной (Ленина) улице, у самого края тогдашней застройки города. О доме его я скажу позднее. Говорили, что дьякон этот был весьма привержен к алкоголю, и после очередного скандала был изгнан с работы, после чего уехал (вместе с семьей) из Раненбурга.

Перехожу к рассказу о детях Михаила Гавриловича и Екатерины Константиновны — моих матери, тетушках и дядях.

Старшая дочь Зоя (и первый ребенок) моих дедушки и бабушки родилась в 1889-м году. О ее школьном образовании и занятиях до начала 20-х годов я ничего не знаю. Вероятно, как было принято в многодетных семьях, старшая дочь помогала матери в ее многотрудных хлопотах по воспитанию братьев и сестер. В дальнейшем Зоя Михайловна была медицинском работником. В начале 20-х годов (1923г.) она училась в кружке по оказанию первой помощи РОКК (Российское общества Красного креста) в Раненбурге и, повидимому, получила свидетельство о прохождении курса занятий. Учитывая все сопутствующие обстоятельства, удалось достоверно датировать эти занятия 1921-м – 1924-м годами, а наиболее вероятная дата 1923-й год.

Начиная с этого года, тетя Зоя принимала активное участие в медицинском обслуживании горожан и крестьян Раненбургского уезда. В 20-х и начале 30-х годов должность у нее была — оспопрививательница. В то время медицинская служба СССР была занята искоренением одной из самых распространенных тогда и опасных заболеваний — оспы. Болезнь эта в те времена, когда крестьяне (тогда огромное большинство населения) были малограмотны и не имели никаких гигиенических знаний и навыков, соответственно, не соблюдали никаких гигиенических правил. Часто разражалась эпидемиями, со значительными человеческими жертвами. Тетя Зоя, состоя на государственной службе, обходила городское и сельское население всего района и делала на дому инъекции (прививки) вакцины от оспы сплошь, всему населению. Деревенские жители постепенно поняли пользу ее работы и были ей благодарны.

Тетя Зоя была человек общительный, у нее было множество знакомых; практически, весь район ее знал. Она рассказывала такой (анекдотический) случай с ней. На базаре она хотела купить какой-то молочный продукт (сметану или творог). Но торговавшая этим продуктом баба сказала ей: "Зоя Михайловна, ты сегодня у меня не покупай", видимо, в тот день она торговала не очень-то качественным продуктом, что было ей, конечно, прекрасно известно. После победы над оспой (в начале 30-х годов) тетя Зоя стала работать в туберкулезном диспансере. Туберкулез бал в те времена также крайне опасной и не менее смертоносной инфекционной болезнью, чем оспа, хотя и не такой массовой. Однако, известный писатель, сам врач А. П. Чехов умер в 1904-м году от туберкулеза, прожив только 44 года. В 30-е годы действенных лекарственных средств против туберкулеза еще не было, лечение было мало эффективно; тем важнее и значительнее (и опаснее) была ее работа — борьба с жестокой болезнью. В тубдиспансере тетя Зоя работала до своего выхода на пенсию. К этому времени уже были известны эффективные лекарства против туберкулеза (одно из них называлось тогда "паск"). Болезнь понемногу отступала, лечение становилось все более и более успешным. В улучшение медицинского обслуживания жителей Раненбурга и уезда (района) Зоя Михайловна, тетя Зоя внесла значительный вклад, работая тихо, без шума, но результативно.

Тетя Зоя активно помогала своей сестре Екатерине в воспитании ее сына, своего

племянника, автора этих строк; особенно активно во время его раннего детства, до 3 – 4-х лет, но и позднее тоже, до 12 лет, хотя и в меньшей степени. Своей семьи у нее не было, а к племяннику она всю свою долгую жизнь относилась сердечно, с любовью, на что племянник отвечал, боюсь, недостаточной теплотой. Здесь я отмечаю это и выражаю (с достойным порицанием опозданием) мою глубокую признательность и искреннюю любовь к покойной тетушке Зое.

Как было сказано, тетя Зоя была человек общительный; она находила общие интересы с представителями разных социальных слоев — городскими обывателями (в том числе служащими), крестьянами, а также и с некоторыми дворянами (до 1917 г. помещиками), но не с коммунистическими функционерами. Так, я слышал от тетушки Шуры, ее сестры, что какая-то помещица из близлежащего села пригласила тетю Зою, погостить у нее, и тетя Зоя поехала к ней и какое-то время гостила. У нее были две приятельницы в селе Журавинки (примерно в 10 км. от Раненбурга в направлении на Москву), пожилые сестры учительницы по фамилии Дмитриевские, из семьи сельского священника. О них я подробнее скажу ниже.

Тетя Зоя работала на медицинском поприще до выхода на пенсию (50-е годы), после чего жила на покое в родительском доме еще около 30 лет. Здесь упомяну интересный эпизод из ее жизни. В 1976-м году ее посетила внучка ученого географа П. П. Семенова-Тян-Шанского Вера Дмитриевна Болдырева, приехавшая в Раненбург на 94-м году своей жизни (а всего она прожила 101 год), чтобы хлопотать об организации музея в бывшем имении своего знаменитого деда Рязанка, близ села Урусово. Беседа тети Зои с гостьей касалась ее повседневной жизни в пожилом возрасте. Хлопоты Веры Дмитриевны о музее оказались успешными, музей был организован и теперь работает. Посетить Зою Михайловну посоветовал известный знаток города Раненбурга (и окрестностей), радатель восстановительных работ в городе Вячеслав Павлович Шлыков. Характерен для тети Зои анекдот, который она рассказывала: Шла старушка в город Сапожок и, чтобы не забыть название, постоянно твердила про себя; "Сапожок, Сапожок". Случайно наехал на неё мужик на телеге, она упала и, поднявшись, стала твердить: "Башмачок, башмачок". Поняв свою ошибку, она сказала в сердцах: "Фу ты черт, на целое голенище ошиблась".

В последний год своей жизни тетя Зоя страдала склерозом, не узнавала окружающих ее. Скончалась она в доме престарелых в Липецке в августе 1983-го года на 95-м году жизни и погребена на липецком Городском кладбище.

Теперь расскажу о второй дочери (и втором ребенке в семье) моего дедушки Михаила Гавриловича. Звали ее Александра Михайловна (тетя Шура), родилась она в апреле 1891-го года. О ее детстве и юности мне почти ничего не известно. Она училась в городской гимназии, видимо, неплохо. Когда в ноябре 1910-го года знаменитый писатель и общественный деятель Лев Толстой, уйдя из своей Ясной Поляны, умер на железнодорожной станции Астапово (теперь Лев Толстой), что примерно в 20 – 25 км. от Раненбурга, тетя Шура ездила в Астапово и присутствовала при выносе тела Толстого из дома, в котором он умер. Этот церемониальный акт проходил при большом стечении народа.

В 20-х годах Александра Михайловна училась в Москве, на историческом факультете тогдашнего Первого Московского университета. После окончания университета она недолго работала в городе Ижевске, в Предуралье (Удмуртская автономная республика), потом вернулась в Раненбург, где работала преподавателем истории вплоть до выхода на пенсию (в 40-х годах).

Тетя Шура в 1942-м году летом приезжала в Москву и помогала своей младшей сестре Екатерине Михайловне в присмотре и воспитании ее сына, автора этих строк, которому было тогда 14 лет. Дело в том, что зимой 1941 – 1942-го годов школы в Москве не работали, и курс 6-го класса я проходил летом 1942-го года дома. Тетя Шура помогла мне самостоятельно освоить некоторые трудные предметы, в частности алгебру и ботанику. Она объяснила мне основы алгебры, а в дальнейшем я самостоятельно освоил школьный курс по всем предметам за 6-й класс, и осенью пришел в 7-й класс средней школы. В конце 1942-го года, когда вернулся домой из армии мой отец, тетя Шура уехала к себе в Раненбург, выполнив свою миссию в семье сестры.

Тетя Шура в ранней молодости вступила в ВКП(б), видимо, поддавшись пропаганде. всю жизнь она была членом коммунистической партии, хотя, в сущности, не была убежденным коммунистом. Преподавание истории в школе было тогда делом сложным, так как велось под строгим партийным контролем, поэтому тетя Шура в годы своей работы в школе сильно нервничала. По характеру тетя Шура была человек скромный, даже застенчивый, и искренний. Поэтому она по достижении пенсионного возраста тотчас же ушла из школы и с тех пор жила дома, получая пенсию. В эти годы тетя Шура посмеивалась над устаревшими догмами коммунистического учения.

Когда у автора этих строк родились дети (двое, в начале 70-х годов), тетя Шура вместе со старшей сестрой тетей Зоей покупала летом черную смородину (в Раненбурге она тогда бывала дешева), перетирала ягоды с сахаром и ведрами переправляла в Москву с оказией. Иногда она переправляла в Москву также детские книжечки и даже учебники, полезные, по ее мнению, в деле воспитания детей. В то время ей было уже около 85 лет. Эти ее заботы продолжались в течение нескольких лет, не менее пяти. За это внимание и другую помощь ему автор этих строк очень благодарен тете Шуре (к сожалению, запоздалая благодарность, задним числом).

Последние полтора года своей жизни тетя Шура жила в доме престарелых в Липецке, где автор этих строк ее регулярно навещал (примерно дважды в год). В январе 1985-го года тетя Шура скончалась, не дожив нескольких месяцев до своих 94-х лет, и была погребена на кладбище в Липецке. На ее могиле стараниями автора этих строк установлен небольшой гранитный надгробный памятник, и упомянутый автор ежегодно навещает ее могилу.

Третий ребенок в семье моего дедушки — сын Анатолий, дядя Толя, родился ориентировочно в 1893-м году. Он был примерно сверстник моего отца, и в детстве (в Раненбурге) они хорошо знали друг друга (и впоследствии умерли в один год и похоронены рядом на раненбургском кладбище).

Дядя Толя еще в молодости уехал жить и работать в г. Ростов-на-Дону, там он работал бухгалтером. По-видимому, учение давалось ему не очень легко, и все же он доучился до бухгалтерской профессии (По сравнению с образованием его братьев это было неплохо). В Ростове он снимал квартиру (или комнату) в частном доме, где и жил все время своего пребывания в городе. В Ростове же он женился. Жена его Виталия Казимировна (польского происхождения, фамилию ее до брака я не знаю) была женщина умная, но бесхитростная, трудолюбивая, благожелательная в обращении. Еще в 30-е годы дядя изредка приезжал с женой в родительский дом, иногда при этом их сопровождала мать Виталии Казимировны, маленькая седая старушка, которую я помню постоянно шьющей что-то на ручной швейной машинке. Кем работала Виталия Казимировна, я не знаю.

У дяди Толи и Виталии Казимировны родился в августе 1922-го года сын Юрий. Юра иногда проводил летнее время в Раненбурге. Я тоже, как правило, жил летом в Раненбурге. Но я мало общался с Юрой, так как он был намного старше меня, к тому же был он мальчик шаловливый, озорной, а я — спокойный, необщительный, застенчивый, даже робкий. Поэтому общих интересов у нас было мало. А в последние годы перед большой войной Юра в Раненбург не приезжал.

Война 1941 – 1945-го годов налетела на семью дяди Толи, как буря. В армию его не мобилизовали, он продолжал работать бухгалтером. Но оказалось, что бухгалтер во время сильнейшего недостатка предметов потребления ("все для фронта, все для победы!") — профессия довольно опасная. Работая бухгалтером, дядя Толя допустил какую-то ошибку, может быть, покрывал нечистое на руку начальство (сам-то он был, без сомнения, чист). Так или иначе, но он попал в тюрьму. Во время войны были трудности с едой, в особенности, конечно, в тюрьме. Мои раненбургские тетушки, особенно тетя Шура, очень страдали морально от этого, и, отрывая от себя, посылали ему продовольственные посылки (неизвестно, доходили ли они по адресу). Наконец, война кончилась, кончилось и заключение дяди Толи. Несколько лет он доработал в Ростове и, выйдя на пенсию в 1953-м году, переехал с женой в Раненбург, где жил в родительском доме. Алкоголем он никогда не интересовался, был простым в обращении, добрым человеком. В начале 60-х годов он серьезно заболел и в январе 1962-го года умер.

Сын его Юра в начале войны был мобилизован в армию, участвовал в боях, был пленен и прожил какое-то время в плену. После окончания войны и освобождения его поселили где-то на Урале, не разрешая вернуться в Европейскую Россию. Там он окончил механический техникум, женился и где-то работал. Через несколько лет ему разрешили уехать. Он приехал с женой в Раненбург, остался там жить, поступил работать на Чугунолитейный завод. Кто по профессии была его жена и даже как ее звали, мне не известно. Юра построил для себя домик на вновь образовавшейся на Острове улице Дачной, там у него родились дети — дочь Наташа и сын Миша. Работая на заводе, он стал главным инженером, вступил в КПСС и вскоре стал директором завода.

Хозяйственная и административная работа в советской России, особенно директором завода, была трудной и требовала от него многообразных талантов. Видимо, у Юры были не все из требовавшихся, и, испытывая трудности, он стал отвлекаться с помощью алкоголя. Это осложнило его производственную и семейную жизнь. Дети его подросли и уехали продолжать образование, Наташа — в Воронеж учиться в университете на факультете иностранных языков, а Миша — в Рязань, учиться в военном училище. Жена от Юры ушла и уехала к себе на Урал, а самого Юру освободили от работы в Раненбурге но направили на работу в г. Усмань (Липецкая область, но близко от г. Воронежа) на завод аналогичного с Чуглитом профиля, в должности ... тоже директора. Юра переселился в Усмань, получил, по должности, хорошую квартиру и, работая директором завода, вторично женился. Его вторая жена Лида — воспитательница в детском саду.

После смерти дяди Толи Виталия Казимировна еще несколько лет жила в доме моих тетушек в Раненбурге. Приезжая время от времени в Раненбург, я видел ее, общался с ней. Это была умная, культурная женщина, общаться с ней было приятно. Однако, здоровье ее ухудшалось, в 1978-м году Юра приютил ее у себя в квартире в Усмани. В марте 1979-го года она скончалась от инсульта и была похоронена в Усмани. В это

время Юра еще работал. По достижении пенсионного возраста (1982-й год) он тотчас же вышел на пенсию, а в марте 1986-го года скончался от сердечного приступа. Он был похоронен в Усмани, детей от второго брака у него не было.

Теперь о детях Юры. Наташа, кончая университет по специальности преподаватель немецкого языка, вышла замуж за студента этой же специальности, украинца из Западной Украины по имени Василь. Окончив университет, они вместе уехали на Украину, поселились в городе Донецке, оба преподают немецкий язык в средних школах. По последним сведениям (пятнадцатилетней давности) у них пятеро детей. Миша, сын Юры, окончил военную школу, женился (жена его по имени Ольга) и уехал служить, по сведениям тоже пятнадцатилетней давности, в Казахстан, в район озера Балхаш. У него было двое детей. Больше про Наташу и Мишу мне ничего не известно.

Четвертым ребенком у дедушки был сын Иван (Иван Михайлович, дядя Ваня), родился он ориентировочно в 1896 или 1897 году. О детстве его мне известно только, что был он озорным мальчиком, интереса к учению у него, по-видимому, не было. После школы (неизвестно какой, и окончил ли он ее, неизвестно) он поступил работать на железную дорогу, где занимал административные должности, сначала невысокие, потом все более важные. Получая указания от начальника, он каждый раз говорил, что выполнит его, но выполнял только то, что его устраивало. Такая тактика привела к тому, что он всегда был у начальства на хорошем счету.

В тридцатые годы, на моей памяти, он жил уже в Москве, работал на Казанском вокзале и, занимая какую-то военизированную должность, носил армейскую военную форму (военную форму он носил уже в 1930-м году). Звания у него в те времена были уже офицерские (невысокие). По своей работе он получил комнату в двухкомнатной коммунальной квартире в новом (тогда, в середине 20-х годов) жилом доме в Аптекарском переулке, на углу Плетешковского пер., близ Бауманской улицы (ранее Лефортовская). Квартира была на 6-м этаже, для подъема пользовались лифтом. Кроме дяди Вани в квартире жила многодетная семья неких Афиногеновых, алкоголиков и скандалистов.

Дядя Ваня был из всех детей дедушки ближе всего по возрасту к моей матери Екатерине Михайловне, поэтому мать, живя в Москве, навещала, вместе со мной, дядю в его комнате. Однажды, летом 1939-го года дядя Ваня, получив отпуск, поехал в Раненбург, взяв меня с собой, там он пожил некоторое время. В качестве отдыха он либо загорал, лежа в саду, либо помогал в оборудовании дома. Так он, вдвоем со своим дядей Николаем Гавриловичем, пристроил небольшую, нехитрую веранду к выходной двери, ведущей из дома непосредственно в сад (ранее у этой двери были лишь несколько ступеней вниз).

Личная жизнь у дяди Вани была, насколько я понял, сложной, при мне об этом не говорилось. Однажды, когда мы с матерью были у него в Аптекарском, в комнате у него была женщина с ребенком 1,0 – 1,5 года, которого мы застали во время кормления. Возможно, это была его "гражданская" жена с ее ребенком. В следующее наше посещение его в его квартире, ни этой женщины, ни ребенка уже не было, и с тех пор я о них ничего не слышал. Впрочем, незадолго до войны (может быть, за год) дядя Ваня, по-видимому, женился (об этом я слышал мимолетные, при мне, упоминания) на украинке из Чернигова, по имени Мария Владимировна. Эта женщина нашим Рыжковым (моей матери и тетушкам) чем-то очень не нравилась и разговоров о ней при мне было мало, либо вообще не было. Как будто был у нее от дяди Вани сын (в браке рожден или нет — не знаю).

Когда началась война, дядя Ваня, как человек военный, участвовал в ней, занимаясь охраной железнодорожных путей сообщения. В 1942-м году летом были ожесточенные бои в центральной России, в частности, в Воронежской области. К югу от Воронежа расположена узловая железнодорожная станция Лиски. Немецкие войска, наступая, подвергали ее ожесточенным бомбардировкам. Дядя Ваня охранял эту станцию, организуя противовоздушную оборону. Во время одного из воздушных налетов дядя Ваня погиб от немецкой авиабомбы, и был там же похоронен.

После его смерти Мария Владимировна поддерживала с Рыжковыми минимальные отношения, если какие-либо, и как только Черниговщина была освобождена от немцев, уехала туда вместе с сыном. С тех пор о ней и сыне не было никаких известий.

Последним, шестым ребенком у дедушки Михаила Гавриловича был сын Константин. Дядя Костя родился после 1900-го года, может быть, в 1901-м году, может быть, в 1902-м. О дяде Косте я знаю очень мало. Учился он, по всей вероятности, неважно. Он рано уехал из Раненбурга и жил в городе Льгове (или окрестностях его), работал механизатором (кажется, трактористом) в сельском хозяйстве. Он был женат, имел ребенка — дочь. Говорили, что он рано овдовел, но вскоре женился на сестре своей первой жены. О каких-либо других его детях мне не известно.

К сожалению, дядя Костя приобрел заметную склонность к алкоголю. В 1939-м году он был призван в армию и направлен в Монголию, где участвовал в столкновении с японской армией у озера Халхин-Гол. Там, в Монголии он, как говорили, заболел какой-то инфекционной азиатской болезнью и умер там в госпитале. Я видел его один единственный раз, когда он направлялся в Монголию (1939-й год). Он пришел к нам на квартиру в Хавско-Шаболовском переулке в весьма веселом состоянии (это даже мне, одиннадцатилетнему мальчику, было заметно). После непродолжительного визита он ушел, и больше его никто из родственников не видел.

Дочь его Галина выросла, выучилась на врача и в 70-х годах занимала на своей родине какой-то существенный медико-административный пост (она была членом КПСС). Больше о ней мне ничего не известно.

Теперь перехожу к рассказу о моей матери Екатерине Михайловне, пятом ребенке моего дедушки Михаила Гавриловича.

Екатерина родилась 30-го октября 1899-го года. Училась в раненбургской гимназии, и училась хорошо. Об этом свидетельствуют, в частности, награды, которые она получала ежегодно за успехи в учебе. Награды эти представляли собой книги — сочинения известнейших русских классиков — Пушкина, Гоголя и Жуковского, однотомники, довольно полные собрания. Эти книги были в числе первых прочитанных мной и усвоенных в детстве.

После окончания гимназии Екатерина Михайловна в мае 1918-го года поступила на работу служащей в раненбургский земельный отдел. В 1919-м году стала работать школьной учительницей в сельском пригороде Раненбурга, а с 1920-го года по сентябрь 1922-го работала руководительницей детского сада в Раненбурге. Одновременно с работой она продолжала свое образование в Раненбурге.

В ноябре 1918-го года Екатерина Михайловна поступила на учебу в раненбургский Институт народного образования, готовивший преподавателей средней школы. В 1922-м году, прослушав курсы по 28(!) предметам и выдержав испытания, она получила

свидетельство о присвоении ей квалификации школьного работника по преподаванию физики и химии. В том же году она уехала в Москву для продолжения образования.

Екатерина Михайловна поступила на медицинский факультет 2-го Московского Госуниверситета, расположенный в районе Пироговских улиц (этот район в старину назывался Девичье Поле). Учась во 2-м МГУ, она жила в общежитии на ул. Погодина (Погодинка) В этом университете она проучилась 2 года, а летом 1924-го года перешла на аналогичный факультет 1-го Университета, учась в котором, жила в общежитии в Козицком переулке (около Тверской улицы). Об этом периоде ее жизни я скажу подробнее ниже.

У Екатерины Михайловны были две близкие подруги (обе из Раненбурга): Лидия Петровна Распопова, дочь видного купца, одно время городского головы, и Мария Ивановна Правдолюбова, дочь священника из пригородного села Кривополянье. Дружбу с ними Екатерина Михайловна сохранила до конца своих дней, хотя обе они жили в Ленинграде.

Во время учебы в Раненбургском ИНО Екатерина Михайловна довольно часто фотографировалась, сохранились 3 или 4 ее парных фотографии с Лидией Петровной. Фотографировал их в разных местах города некто Г. Ф. Голубев (Гриша), на одной из фотографий он также фигурирует (сфотографированы там трое), это молодой парень, юноша с простоватым на вид лицом. Он работал секретарем-делопроизводителем в РИНО.

Известно, что там же училась Лидия Петровна, а Мария Ивановна, видимо не училась. Также учился там интересный молодой человек Леонид Иванович Барабанов, который, в отличие от Голубева, тоже уехал в 1922-м году в Москву и там продолжил свое образование. В 1926-м году Голубев, по-видимому, приезжал из Раненбурга в Москву, встречался с Екатериной Михайловной и, в частности, сделал групповую фотографию, которая сохранилась, где изображена, вероятно, группа студентов-медиков, и в том числе Екатерина Михайловна. На обороте этой фотографии (снимок был сделан 8-го августа 1926-го года) он написал:

*На память!
Екатерине Михайловне
от Г. Ф. Голубева.*

*Для сердца прошедшее ясно! ...
Помни, люби и пиши...
Сним. 8-го августа 1926 г.*

Снимок этот, предположительно, сделан в Москве, предположительно в каком-то парке или сквере. Эта фотография была прислана Голубевым Екатерине Михайловне в Москву из Раненбурга. Фотографию эту она хранила до своей кончины.

Когда после 1924-го года Екатерина Михайловна жила в общежитии 1-го Московского мединститута (относившегося к 1-му Мосуниверситету) в Козицком переулке, там же в то время жила, по рассказам, ее старшая сестра Александра Михайловна, так что последняя, видимо, училась в то время на истфаке 1-го МГУ. В это время Екатерину Михайловну навещал в общежитии ее раненбургский знакомый и соученик по РИНО Леонид Иванович Барабанов, впоследствии мой отец. По рассказам, он очень плохо переносил алкогольные напитки, так как, видимо, никогда их не пил. Однажды, по

рассказам, когда он пришел навестить Екатерину Михайловну, студентки, ее соседки по комнате, угостили его коньяком. Он выпил рюмку, и ему стало так плохо, что пришлось уложить его на кровать, где он и проспал благополучно до следующего утра.

4-го мая 1927-го года Екатерина Михайловна и Леонид Иванович вступили в брак. На первое время их приютил ее брат Иван, тогда уже живший в новом доме в Аптекарском переулке. По рассказам, он устроил их на временное житье во времянке во дворе этого дома. Однако, в то время уже строился, на кооперативных началах, дом в Хавско-Шаболовском переулке, в котором Леонидом Ивановичем была куплена в рассрочку комната в трехкомнатной квартире. В этой комнате мне довелось прожить около 35-ти лет, так что и сама она, и дом этот, и вообще житье-бытье нашей семьи в тех местах со всей возможной полнотой будут описаны ниже.

В июле 1928-го года у Екатерины Михайловны родился сын — автор этих строк. К этому времени семья уже жила в купленной комнате, о чем свидетельствует следующий эпизод. В те годы в Москве был недостаток мест в родильных домах. В одной из комнат нашей квартиры жила в то время медсестра из родильного дома, расположенного в Шелапутинском переулке (между Николаямской набережной р. Яузы и Николаямской улицей, близ Таганской площади), по фамилии Матус. Эта соседка по квартире поспособствовала, по-соседски, помещению Екатерины Михайловны в этот родильный дом (носивший имя Клары Цеткин), в котором 17-го июля автор этих строк и появился на свет. В настоящее время в этом роддоме ведется ремонт, а что в нем будет после ремонта, не известно. Таким образом, наш дом в Хавско-Шаболовском переулке был закончен постройкой и заселен между концом мая 1927-го и началом июля 1928-го года. Примерно через 2 месяца после моего рождения мать ездила вместе со мной в Раненбург, где меня крестили в Троицком соборе; восприимниками были мой дедушка Михаил Гаврилович и тетушка Софья Ивановна, тетя Соня.

Отмечу, что в Раненбурге ходил по улицам "городской дурак" — взрослый мужик по имени Вася. Несколько "дураков" жили в нашем доме в Хавско-Шаболовском. Среди них Геня, пожилая уже, сидящая женщина, которую жестокие в силу своего возраста гулявшие во дворе дети постоянно дразнили, а она гонялась за ними с палкой, что доставляло детям живейшее удовольствие. Был у нас во дворе и молодой "дурак" Коля Жинкин, чуть старше меня. Я, в силу наивности, не сразу и понял, что он душевнобольной.

До моего рождения мать прослушала все полагающиеся курсы на медицинском факультете университета, но не успела держать выпускные испытания. С помощью подруг по факультету она смогла подготовиться к выпускным испытаниям (одновременно ухаживая за младенцем-сыном), и осенью 1928-го года выдержала их. Ей полагалось еще поработать 2 – 3 года медицинским стажером. Обычно начинающих врачей посылали для этого в какую-нибудь сельскую местность. Екатерина Михайловна поехала в Раненбург, точнее, в село близ этого города, взяв маленького сына с собой. До отъезда она еще поработала врачом-стажером (терапевтом) в больнице вблизи от нашего московского дома.

С июля 1929-го года Екатерина Михайловна работала в селе Соловые, около 10 км. от города Раненбурга, участковым врачом; с февраля по июль 1931-го года в той же должности в селе Колыбельское, лежащее по другую сторону от Раненбурга, к югу от города, примерно на таком же расстоянии от него, что и Соловые. По совместительству она еще заведовала противомалырийной станцией и работала в больнице в Раненбурге.

Ей помогали видные ранenburgские врачи — хирург А. Н. Боголюбов, терапевт О. Ф. Спасская, офтальмолог А. Ф. Капустин и другие. Ребенок (то есть я) оставался в городе на попечении бабушки, дедушки и тети Зои. Леонид Иванович жил в это время в Москве и "берег" комнату в доме в Хавско-Шаболовском переулке.

В мае 1930-го года Екатерине Михайловне на основании выдержанных испытаний была присвоена квалификация врача. В июле 1931-го года она, с разрешения ранenburgского Райздравотдела Исполкома Сов. деп. тр-ся, уволилась с работы и уехала в Москву, где жила с тех пор в упомянутой комнате в Хавско-Шаболовском переулке. В ноябре 1931-го года стала работать врачом по охране здоровья подростков (ОЗП) в Краснопресненском районе Москвы. С апреля 1932-го года работала врачом в Едином диспансере N 7, по месту жительства, Варшавское шоссе. С 1948-го года она работала там же, в поликлинике N 67, организованной на основе названного диспансера. Живя в Москве, она заботилась о здоровье своего единственного сына, то есть меня, а также пыталась углублять свои знания по медицине, для чего выписала "Большую медицинскую энциклопедию", тома которой (32) нам приносили на дом. Но читать ее ей было некогда, и позднее, в 50-х годах, эта энциклопедия была переправлена в Ранenburg, где вскоре и сгинула.

В начале войны, летом 1941-го года Екатерина Михайловна было мобилизована на военную службу и в течение 1 месяца проходила военно-медицинскую подготовку в каком-то лагере под Москвой, однако, видимо, с учетом наличия ребенка, вскоре была демобилизована и вернулась домой. Леонид Иванович в тот месяц был еще дома, он был мобилизован позднее, после возвращения домой Екатерины Михайловны.

В 1956-м году она была назначена заместителем главного врача поликлиники по экспертизе, но уже через год освободилась от этой должности ввиду близкого ухода на пенсию. В январе 1958-го года, в возрасте 58 лет ушла с работы и стала пенсионеркой. С той поры спокойно жила на пенсии (больше никогда не работала) в той же комнате в Хавско-Шаболовском переулке до июля 1971-го года, время от времени навещая двух старших сестер в Ранenburgе, который, кстати сказать, с 1948-го года стал называться Чаплыгин, и называется так и поныне (впрочем, городская железнодорожная станция не перестала называться Ранenburg, называется так и по сию пору).

До примерно 1973 – 1974-го года здоровье Екатерины Михайловны было удовлетворительное. В 1971-м году она переехала, вместе с сыном и его семьей, в район Москвы Тушино, в квартиру на Штурвальной улице, а 6 лет спустя в другую квартиру, там же, на Туристской улице. Начиная с 1975-го года Екатерина Михайловна уже не могла выходить из дома на улицу из-за болезни ног, но дома по возможности управлялась с домашними работами и помогала воспитывать внуков, которых было двое. В начале 1982-го года она тяжело заболела и 23-го октября скончалась. Тело ее было кремировано, и 11 ноября того же года прах ее был захоронен на кладбище в Ранenburgе, рядом с могилой ее мужа, Леонида Ивановича (внутри одной оградки).

Екатерина Михайловна была награждена тремя медалями: "За оборону Москвы" (в 1944-м году), "За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941 – 1945-м годов" (в 1947-м году), и "В память 800-летия Москвы" в 1948-м году.

Мой двоюродный дед Николай Гаврилович Рыжков и его семья

Скажу кратко о моем двоюродном дедушке Николае Гавриловиче Рыжкове, его семье и потомстве. Он жил в доме, соседнем с домом моего дедушки; ограды между этими двумя усадьбами не было, и когда я в детстве жил летом в Раненбурге, я часто посещал его в его доме, иногда оставаясь там надолго; я общался с ним, и он, таким образом, участвовал в моем воспитании.

Николай Гаврилович родился в 1868-м году. Внешне он заметно отличался от своего старшего брата Михаила: был статен, высок ростом, в молодости физически силен. По профессии он был плотник. Повзрослев, он дома не остался, но уехал и стал работать на строительстве Российской-Тихоокеанской железной дороги, которая строилась как раз тогда, в 90-е годы 19-го века. Он работал в Сибири и, судя по его рассказам, еще где-то на Украине, как он говорил, в Таврической губернии. Поработав в дальних краях, он вернулся в Раненбург и привез с собой сына; где-то там, на чужбине, была у него и жена, но мне о ней ничего не известно. Сына его звали Алексей, я застал его уже взрослым человеком. Он был женат и жил отдельно от отца. Имел он пристрастие к алкоголю и работал кое-где и кое-кем, одно время, кажется, милиционером. Дед Николай, никогда не употреблявший алкоголя, долго, но тщетно уговаривал Алексея отказаться от этой пагубной привычки. Как-то, приехав на лето в Раненбург, я уже не встречал Алексея у отца, видимо, он куда-то уехал, и что с ним было потом, я не знаю.

Дед Николай, как кажется, охотно занимался с ребенком, ныне автором этих строк. Он ходил с ним на прогулки за город, в поле, обычно по направлению к руинам взорванного около 1930-го года монастыря, что в 3 км. от города. В разговоре со мной, он употреблял старинные народные слова и местные, раненбургские слова и выражения. Все это я подробнее расскажу в дальнейшем.

Занятий его я что-то не помню, кроме работ по двору, саду и огороду. В те годы ему было уже за шестьдесят лет, видимо, он уже не работал и получал пенсию. Замечу, что характер у него был вспыльчивый.

В Раненбурге дед Николай женился, жена его Зинаида (отчества не знаю, бабушка Зина) была женщина кроткая, спокойная, работающая. От него я также слышал старинные народные слова, выражения и поговорки, например: Ну, дождались сныти, теперь будем сыти. Была у них дочь Антонина, 1917-го года рождения. Войдя в возраст, она вышла замуж, в году 1938 за Николая Евгеньевича Тырнова, сына землемера по имени Евгений Григорьевич. Про Евгения Григорьевича ходили разговоры, что он охотно потреблял спиртные напитки. Николай Евгеньевич был тоже землеустроитель, он кончил Московский институт землеустройства. В молодости он был спортивный молодой человек, в частности, играл в любительский футбол на импровизированной спортплощадке, за тогдашним пределом городской застройки, на "лугу" перед кладбищем, от дома метрах в трехстах. Дед Николай, человек старого закала, по этому поводу ворчал: "Отец семейства, а бегаёт по лугу без штанов, как мальчишка". У него и Антонины, действительно, был уже к тому времени сын, родившийся году в 1939-м или 40-м, его назвали Геннадий. Позднее родилась дочь Маргарита. Антонина Николаевна выучилась на зубного врача и работала потом в Раненбурге всю жизнь на этой работе. Она была умная, общительная женщина, обладала твердым, решительным характером, член Коммунистической партии. Мои две тетушки, жившие в соседнем доме, ее не полностью понимали, видимо, вследствие несходства характеров. На своем служебном поприще она достигла значительного мастерства и пользовалась признанием.

У деда Николая был поврежден и плохо видел один глаз, зрение постепенно

ухудшалось. В 1948-м году, когда я, после длительного перерыва, снова приехал в Раненбург, зрение его значительно ухудшилось. Вскоре после этого ему в Рязани сделали операцию на глазе с целью ликвидировать катаракту, но зрение улучшилось мало. В 1952-м году он умер.

Зять его Николай Евгеньевич по своим служебным делам много ездил по району, любил также рыбалку и охоту. В этих поездках он иногда любил приложиться к бутылке, мои тетушки видели, как он возвращался домой в заметно "веселом" состоянии. К тому же, он много курил. Впоследствии, ближе к старости, он от алкоголя отвык, но курить продолжал, и пришлось ампутировать ему ногу. После этого он прожил недолго и умер в 1996-м году, в возрасте около 80 лет.

Дочь Антонины Николаевны Маргарита — врач, живет с семьей в г. Спас-Клепики, близ Рязани. Антонина Николаевна умерла в ноябре 2000-го года, похоронена в Раненбурге.

Сын Антонины Николаевны и Николая Евгеньевича Геннадий в молодости работал в Калуге на каком-то заводе, там и женился. Приехал с женой Людмилой Михайловной в Раненбург, работал администратором на автобусном транспорте (на автобусной станции). Людмила работала служащей на Агрегатном заводе (вблизи от железнодорожной и автостанций), теперь работает также служащей в городском отделе социального обеспечения (Собесе). Есть у них сын Александр (Саша), который после окончания средней школы окончил Липецкий индустриальный институт по специальности строитель. Он работает почему-то не по специальности, тренером в детской спортивной школе.

Саша женат (жену его я не видел, не знаю), у него растет сын-школьник, Дмитрий, которому теперь 14 лет. Саша, вместе со своим отцом, начал перестройку дома моего дедушки Михаила Гавриловича, в котором когда-то (30-е годы) жил в летние сезоны и я. Однако последние несколько лет Саша дома не живет, а склонность Геннадия к алкоголю все возрастала. Летом 2001-го года Геннадий после болезни умер в больнице. Перестройка дома не кончена, дом так и стоит в недостроенном состоянии. Прилегающий к дому двор и оставшийся небольшой сад запущены, не обрабатываются.

Резюме предыдущих разделов

Оглядываясь на рассказ о моих родственниках, следует отметить некоторые общие, преобладающие черты характера моих родителей и старших родственников. Они трудолюбивы, все работали, никто из них не стремился урвать себе незаслуженные блага. Многие из них трудились на поприще особенно полезных для общества работ, имели профессии медицинских работников, педагогов, и. т. п. Были они люди бесхитростные, искренние, честные. Честными были они и в личных, семейных отношениях, не было у них никаких связей "на стороне". Некоторые не смогли создать свои семьи, но те, кто создали, имели семьи прочные, созданные навсегда. Много внимания уделяли они воспитанию своих детей, рассматривая это как свою первейшую задачу и в то же время как несравненное удовольствие. Мои старшие родственники не увлекались алкоголем, хотя многие из мужчин курили табак, и временами помногу. Однако, они, как правило, к концу жизни отказывались от курения.

Особенно скажу о моих родителях. Оба они были выходцы из малообразованных

семей, но с юных лет стремились к образованию, желали уйти от провинциального, растительного образа жизни с его инерцией, стремлением достичь только материальных благ, которые только и ценятся в таком обществе. Они же стремились к духовной жизни, но не в религиозном смысле (далеко не в таковом), а в смысле обладания знаниями, обретения ценностей культуры и гуманного образа мышления. Я думаю, это им в основном удалось. Что-то из таких настроений передалось и их сыну (пишущему эти строки).

Отмечу также моего дядю Николая Ивановича, младшего брата отца, который в сложное, трудное для простого интеллигента время прожил едва ли не образцовую жизнь. Был хорошим семьянином, вырастил троих детей, никогда не брал в рот ни капли спиртного, не курил, но всю жизнь работал, и в то же время стремился не отстать от научно-технического прогресса. Участник двух мировых войн, он уцелел, хотя и был ранен во второй из них. У него был совершенно бесхитростный характер, он был честен и бескорыстен, специальные агрономические знания, которыми обладал, передавал молодежи. В Раненбурге старожилы его помнят и с благодарностью поминают и поныне.

Думаю, можно сказать, что с родителями и родственниками мне повезло. В детстве мне было с кого брать (бессознательно) пример. За это я им сердечно благодарен (жаль только, что задним числом).

Город Раненбург (Чаплыгин), характеристика его и частной жизни в нем в 30-е годы

Местоположение города

Город Раненбург расположен в Окско-Донской низменности, в южной части так называемого Рясского поля, вблизи от водораздела между бассейнами рек Оки и Дона, к югу от этого водораздела, в бассейне Дона.

Ряса — это топкое пространство, поросшее мелким лесом. Скопление влаги в нем являлось следствием близости водораздела между бассейнами двух рек. Рассматриваемое Рясское поле расположено в переходной полосе от лесов, покрывавших в давние времена Рязанскую землю (ныне Рязанская область), к лесостепной полосе и далее к южнорусской степи. В настоящее время все мелколесье Рясского поля вырублено, кроме нескольких дубовых рощ и кое-где нешироких полос зарослей вдоль русла рек. Вокруг Раненбурга простираются обширные обрабатываемые поля.

В окрестностях Раненбурга протекает несколько рек, в названия которых входит слово "Ряса". Самая полноводная из них — Становая Ряса. Город расположен на невысоком холме между Становой и впадающей в нее примерно в одном километре ниже города

Ягодной Рясами. Строения города стоят над обеими этими реками, но есть место в его пределах, где они сближаются до расстояния 30 – 40 м., но не сливаются, а расходятся до 400 – 500 м., а в 1.0 — 1,5 км. ниже города сливаются. Примерно в 3 км. к северу от Раненбурга протекает небольшая река, которую обычно называют Московская Ряса, но точнее она называется Мостковая (Московская) Ряса. Река эта впадает в Становую Ряску. Кроме этих Ряс, текут еще Раковая и Гущина Рясы, первая (почти пересохшая) впадает в Становую ниже города, а вторая — в Ягодную Ряску чуть выше Раненбурга. Упоминаются в старой литературе и другие Рясы — Моховая, Хвойная, Колодезная, но в новых географических источниках и современных картах эти реки не упоминаются, вероятно, они высохли и более не существуют.

Прежде на месте города Раненбурга было село, именовавшееся в старинной литературе "Усть Становых Ряс под Слободским Липягом"(1638 г.). Слово "Липяг" или "Липяк" означает возвышенность, покрытую каким-либо (не обязательно липовым) лесом. Видимо, когда-то на месте города (возвышенное место между двумя реками) рос какой-то лес, от которого теперь осталась только небольшая дубовая рощица в 3 км. севернее города, да кое-где по городу отдельные деревья, среди них и дубы.

Город Раненбург состоит из двух частей, возвышенной и низменной. Возвышенная часть расположена на невысоком холме между реками Становая и Ягодная Ряса. Эта возвышенность довольно круто обрывается к каждой из двух рек. К северу эта возвышенность плавно понижается. По мере сближения двух рек их берега понижаются, и в месте наибольшего сближения рек они весьма низки. Однако, дальше, там, где реки расходятся, берега несколько повышаются. Там между реками вновь появляется небольшое возвышение, называемое Остров. Когда-то там, действительно, был остров, отделенный от города нешироким и неглубоким проливом. Позднее этот пролив был засыпан, теперь на его месте и далее по Острову проходит Островская (и южнее еще две) улица. Эта низменная местность ныне почти полностью заселена.

В старину (15-й – начало 16-го в.) по реке Становой Рясе проходил торговый путь из русских княжеств (Московское, Рязанское, Новгородское и др.) в Азовское и далее в Черное моря. Водный путь шел по реке Оке, ее притоке Проне, притоке Прони Ранове и притоке последней реке Хупте. Далее следовал недлинный (2 – 3 км.) волок до Становой Рясы, впадающей ниже Раненбурга в реку Воронеж, последняя впадает в Дон, и далее путь шел в южные моря. Конечно, некоторые из этих рек, в особенности, Становая Ряса и Хупта, довольно маловодные, однако, следует полагать, что встарь они были полноводнее, в особенности, весной и осенью.

Таким образом, Раненбург расположен на южном, донском склоне водораздела Ока – Дон, и недалеко, километрах в 5 – 10 от него. На северном, окском склоне водораздела Рясское поле продолжалось, в частности, известный город на реке Хупте, на юге Рязанской области, Ряжск, когда-то раньше назывался Рясск. Да и сама Рязань, судя по названию, также имела, следует полагать, какое-то отношение к Рясе.

Кратко об истории Раненбурга

Город Раненбург расположен вблизи рубежа между лесным краем и южнорусскими степями. Поэтому на месте его расположения жили попеременно жители преимущественно лесов (и возделываемых полей, пастбищ близ него), и ставили свои кочевья степные народы. Перемены в населении зачастую осуществлялись драматически, а иногда и трагически. Город расположен на возвышенном месте, на

берегах двух рек, на торговом пути из Русской земли в страны Черного и Средиземного морей, что было удобно как для устройства стана торговых людей, ведения торговых и иных переговоров, так и для учреждения военных постов и укреплений.

Первоначальным населением местности были племена финского происхождения, наиболее вероятно, мордовские. Эти люди занимались скотоводством, охотой и собирательством в лесах, земледелия они не знали. В то же время южнее, по берегу Дона жили ираноязычные скифо-сарматские племена. Во 2-м веке н. э. в степное Придонье пришли ираноязычные кочевые племена, но до местности будущего Раненбурга они, видимо, не дошли.

Отмечено, что в 9-м веке было массовое переселение на Дон славян, по-видимому, с верхнего течения реки Оки. Верхний Дон осваивает славянское племя вятичей. Однако в 10-м веке значительная часть древнерусских городков у Дона прекращает свое существование под натиском пришедших из степного Поволжья тюркоязычных кочевников печенегов. Русские князья Киевской Руси упорно защищали от них славянские поселения, и в конце 10-го века печенеги были разбиты и рассеяны. Но уже в середине 11-го века их в Придонье сменили половцы — также кочевой тюркоязычный народ. Русские князья воевали и с половцами, но последние после военных неудач вторгались на донские земли снова и снова.

Тем временем к Верхнему Дону в конце 11-го — первой половине 12-го века устремился новый славянский колонизационный поток. Основу его составляли переселенцы из Черниговской земли, которую населяли славяне из племени северяне. Они населяли земли, расположенные восточнее и северо-восточнее Киева, ближе к степям, где преобладали кочевые тюркские племена печенеги, позднее половцы. Земледельцы-славяне переселялись на земли, лежащие севернее, в меньшей степени подверженные набегам кочевников. В начале 12-го века из Черниговского княжества выделилось Рязанское княжество, на берегах Верхнего Дона и его притоков возникают голода и селения, тяготеющие к Рязани. В это время (12-й век) образовалось селение и на том месте, где теперь расположен Раненбург.

Приходили сюда и половцы. Русские Владимиро-Суздальские и Рязанские князья неоднократно собирались, ходили на половцев походом и прогоняли их в степь, но как только русская рать уходила в свои города, половцы вновь приходили и располагали свои кочевья в междуречье Дон – река Воронеж. Все же к началу 13-го века наступило относительное успокоение. Некоторые половцы принимали христианскую веру и присоединялись к славянскому населению.

И в это время на славянское население Восточной Европы обрушилась новая, жесточайшая беда. В глубине Азиатского материка под началом монгольского хана Батыея (1208 – 1255 г. г.) собралось огромное войско монголо-татар, и двинулось на Русские земли. В 1237-м году это войско напало на Рязанское княжество. При этом войско прошло именно по той местности (притоки реки Воронеж), где позднее был расположен Раненбург. Были завоеваны и опустошены многие города Рязанского княжества, в том числе Рязань, опустошены были и селения по берегам Воронежа и Рясы. При этом половцы были частично истреблены, часть оставшихся смешалась с монголо-татарами, а часть их ушла в западном направлении (и постепенно достигла Венгрии и даже Австрии, где стали известны под названием куманы). В 1380-м году войско татарского (золотоордынского) полководца Мамаея, готовясь разгромить русские княжества, прошло через местность, где позднее был расположен Раненбург, вновь подвергнув ее опустошению. Имеется авторитетное свидетельство очевидца,

проплывавшего в 1389-м году по Дону из Москвы на юг, и заметившего, что берега его, начиная от города Данкова (примерно в 50 км. западнее Раненбурга) опустошены и совершенно лишены населения (но зверей было множество). В 15-м веке после поражения татарского войска на Куликовом поле иго татар над Русской землей постепенно ослабевает, и вновь начинается русское заселение придонских земель. Рязанское княжество во второй половине 15-го века постепенно переходит под управление крепнущего Московского великого княжества, превращавшегося в Русское централизованное государство.

В это время, начиная с середины 15-го века, путь через Дон и его притоки стал проторенной торговой дорогой. В течение приблизительно 150 лет торговые люди везут свои товары водным путем из Оки, по рекам Проня, Ранова, Хупта, далее недлинный волок, и затем по Становой Рясе, мимо будущего местоположения Раненбурга, по рекам Воронеж, Дон и далее в южные моря. Путь этот был небезопасен из-за бандитских нападений отдельных татарских (ордынских) отрядов и многочисленных разбойничьих шаек, действовавших в лесах Рязанской земли и в лесных зарослях по берегам реки Воронеж (они частично сохранились по сию пору). Для защиты от нападений купеческие струги (весельные суда) сопровождали отряды казаков — вооруженных государственных служилых людей. Первоначально казаков набирали из татар (начал это делать рязанский князь для своей личной охраны), потом стали набирать казаков и в Москве, из русских людей. По указанию великого князя Ивана III-го этих сопровождающих купеческие струги казаков не пускали дальше Рясского волока. В это время и началось интенсивное заселение придонских земель. При слиянии рек Становая и Ягодная Ряса образовался стан, ниже которого по реке казаки не имели права плыть. Здесь во множестве велись торговые операции между русскими купцами и торговцами из южных стран (Крым, Турция и др.). Здесь же оседали некоторые казаки, не желавшие порывать отношения с Московским княжеством, но также не желавшие (по каким-либо причинам) возвращаться в Москву. Такие казаки, видимо, селились вблизи от стана, образуя селение, позднее слободу или село Усть-Рясское, под липягами, которое позднее стало называться село Слободское. Само название показывает, что жили в селе люди вольные, свободные от княжеской службы. Вероятно также, что часть осевших в этой местности казаков селились около протекавшей вблизи речки Иловой (течет параллельно Становой Рясе и впадает в Воронеж), основав село (или станицу) Иловайское. Село Слободское впервые упоминается в историческом источнике в 1638-м году, когда одиннадцать служилых людей, в том числе Рыжков, Гвоздев, Распопов и другие, основали это село. Отмечу, что часть казаков все же уплывали со стругами вниз по Рясе, порывая таким образом связь с Московским княжеством; они селились в местностях по нижнему течению Дона, становясь вольными казаками.

После отказа Московского государства платить дань Золотой Орде последняя распалась на три ханства: Казанское, Астраханское и Крымское. Интенсивность заселения верхнего Придонья русскими поселенцами усилилась. В середине 16-го века к Русскому государству (с того времени царству) были присоединены Казанское и Астраханское ханства, открылся водный торговый путь по Волге, и движение торговых судов через Рясский волок прекратилось. Однако умножились грабительские набеги крымских татар на южнорусские земли, вплоть до Москвы. Для защиты от набегов в середине 16-го века была построена Тульская засечная черта (дороги преграждались срубленными деревьями, что мешало проходу татарской конницы.) Однако, защищая от татар Тулу и ее окрестности, эта черта не защищала города по Дону. Для их защиты в первой половине 16-го века была построена Белгородская засечная черта через Белгород, Воронеж, Добрый, Козлов, Тамбов (в этих городах были построены

крепости). В селе Слободском, оказавшемся на этой черте, крепости не было, только сторожевой пост. Наконец, в середине 17-го века была сооружена и третья засечная черта Рановско-Шацкая, она проходила частично по реке Ранове, на ней были укрепленные города Скопин, Ряжск, Сапожок, Шацк. К концу 17-го века набеги крымских татар прекратились, и с той поры в местности по Дону, в частности и в окрестностях села Слободского, позднее Раненбурга, никаких военных действий не велось.

Движение русской колонизации по Дону на юг продолжалось; к концу 17-го века по всему Дону были расположены русские поселения, за исключением небольшого участка вблизи его устья, где была хорошо укрепленная турецкая крепость Азов. Царь Петр I решил освободить все течение Дона от недружественного влияния. Попытка взять Азов с помощью флота, сооруженного в Москве (1695-й год) оказалась неудачной. На следующий год на верфях Воронежа на реке Воронеж был построен более сильный флот, с помощью которого и под руководством самого Петра крепость Азов была взята. Однако попытки российских судов продвинуться дальше в сторону Черноморского побережья оказались безуспешными. Поэтому строительство военных кораблей на верфях Воронежа продолжалось.

По делам строительства флота в Воронеже Петр I часто туда ездил, при этом ему было удобно останавливаться на ночевку в селе Слободское. Для Петра и его свиты близ Слободского на возвышенности над Ягодной Рясой был построен сначала небольшой путевой дом, а вскоре обширный двухэтажный, с бельведером на крыше, дворец. В конце 1702-го года Петр I подарил этот дворец с окрестностями своему ближайшему помощнику А. Д. Меньшикову (1673 – 1729 гг.) за то, что он отличился в войне со Швецией. В начале февраля 1703-го года Петр, переночевав со свитой в этом путевом дворце, решил построить вокруг него крепость, так чтобы образовался укрепленный замок, который по-нидерландски называется "бурх". Петр послал Меньшикову, в тот раз его не сопровождавшему, план намечаемой к строительству крепости, представлявшей собой земляной вал в виде пятиугольника, с пятью кирпичными бастионами по углам. К постройке крепости приступили немедленно. Петр в упомянутом письме к Меньшикову дал крепости название: "Ораниенбурх", что по-нидерландски значит "Апельсиновая крепость". Название звучит по-нидерландски, так как в 1697-м году Петр жил в Нидерландах, и уклад жизни в этой стране произвел на него большое и благоприятное впечатление. Непонятное населению название Ораниенбурх вскоре трансформировалась в более легкое для произношения Раненбург (с немецким окончанием).

Для довершения сходства местности с нидерландской Петр приказал преградить Становую Ряску ниже города плотиной, вследствие чего река разлилась и образовала небольшой остров, отделенный от двorca неглубоким проливом. На острове по приказанию Петра построили небольшую фортецию, в которой расположили оружейный арсенал. В 20-х годах, однако, плотина вышла из строя и вскоре была ликвидирована, остров соединился с материком, но здание арсенала осталось, правда, без склада оружия. Остатки кирпичного здания арсенала сохранялись на Островской улице города до начала 90-х годов 20-го века. Автор настоящих записок видел руины арсенала и в 30-е годы, и позднее, вплоть до 90-х.

В 1711-м году по указанию Меньшикова в 3-х километрах к северу от крепости Раненбург был основан мужской монастырь, названный Петропавловским. В 18-м веке там постепенно строили церкви, в том веке пока деревянные. Также по указанию Меньшикова в 1704-м году в Ораниенбурге был сформирован драгунский конный

эскадрон (около 100 чел.), который в последующие годы принял участие в войне против Швеции, в частности, сражаясь под Полтавой. После окончания военных действий на территории России отряд в 1714-м году был расформирован. Кончая рассказ о Меншикове, скажу, что ему довелось-таки пожить в своем имении Раненбург. В 1727-м году, после смерти императрицы Екатерины I-ой Меншиков с семьей был сослан в Раненбург придворными противниками. Однако ему довелось прожить в Раненбурге лишь несколько месяцев. В 1728-м году его с семьей отправили в гораздо более отдаленную ссылку, в Березов (в Сибири), где он вскоре умер.

Внутри крепости были построены каменные здания, где были размещены присутственные места, приходское училище, тюрьма и проч.

В 1730 – 35-м годах в Ораниенбурхе (Раненбурге) жил в ссылке злейший политический противник Меншикова князь С. Г. Долгоруков с семьей. В 1742 – 43- м годах туда же была сослана бывшая (недолго) правительница Анна Леопольдовна (1718 – 1746 гг.) с мужем Антоном-Ульрихом Брауншвейгским, и их малолетний сын Иван, носивший титул императора Иоанна VI-го (1740 – 1764 гг.)

По свидетельству местной жительницы, в 30-е годы 19-го века дворца Меншикова в крепости уже не было. Оставались некоторые надворные строения, остатки крепостных стен и ворот, наполовину скрытые бастионы (без пушек) и глубокие рвы. К 60-м годам 19-го века на месте крепости среди пустыря стояло лишь одно двухэтажное здание постройки начала 18-го века, окруженное со всех сторон грудями кирпича, камня, мусора. Вблизи виднелись остатки скрытого вала и рва, в виде неглубокой канавы. К началу 20-го века рвы были засыпаны, вал и бастионы скрыты, надворные строения разобраны, за исключением одного из корпусов, в котором ранее располагалось казначейство. Дом этот существует и поныне, недавно он был отреставрирован. На месте бывшей крепости был устроен городской сад. В 30-х годах 20-го века я видел в этом саду последние остатки крепостной застройки: два небольших пруда, соединенных узкой протокой, через которую был перекинут легкий пешеходный мостик. В настоящее время оба пруда спущены в Ягодную Ряску, от верхнего пруда осталось мелкое углубление круглой формы.

В 1779-м году Ораниенбурх, ставший к тому времени Раненбургом, был сделан уездным городом Рязанской губернии. К этому времени была проведена планировка города, выполненная с учетом его исторического прошлого, несмотря на то, что крепость и здания в нем уже сильно обветшали и были частично разрушены. План был составлен так, чтобы начертание кварталов и сетки улиц полностью соответствовало пятиугольнику крепости.

Перехожу к заметкам об истории города в 19-м веке. Прежде всего отмечу, что хотя военных и политических событий тогда в городе и окрестностях не было, военно-политическая история страны находила в городе какое-то отражение. На территории городского кладбища было отведено место под могилы живших в городе турок, пленных войны 1878 – 79-го годов.

В 19-м веке город развивается как административный и торговый центр сельскохозяйственного региона. Развивалось земледелие, скотоводство, садоводство и огородничество, для чего многие жители города снимали в аренду участки земли в своем и соседнем уездах. Фабричное производство занималось, главным образом, переработкой сельскохозяйственных продуктов: изготовление патоки, свеклосахарное, табачное и винокуренное производства, мыловарение; строились мельницы и

крупнорушки. Особенно было развито выращивание гречихи, также скотоводство и торговля скотом и мясом. Развивалось и ремесленное производство: сапожное, столярное дело, шитье тулупов, вязание сетей, плетение дерюг, и др. В городе строились общественные и жилые помещения. В административном центре города, близ бывшей крепости в конце 18-го века была построена первая каменная церковь города (церковь Вознесения).

Раненбург (а ранее селение Слободское близ Рязского стана) издавна был центром торговли, чему способствовало его местоположение на торговых путях и на рубеже между лесной и степной зонами России (в подстепье). В городе издавна ежегодно собирались многотысячные ярмарки, куда сельскохозяйственные продукты привозили из Раненбургского и соседних уездов сами производители и купцы-скупщики. Эти продукты скупались более крупными коммерсантами и вывозились в другие регионы России на продажу. Поэтому в городе жило немало богатых купцов, строивших себе просторные двухэтажные дома с торговыми помещениями на первом этаже. Такие дома в первой половине 19-го века строили главным образом на спуске от центра города к реке Становая Ряса, к бывшему местоположению стана, а также по сторонам Торговой площади. Немало таких домов сохранилось по сию пору. В первой половине 19-го века на этой площади были построены два здания торговых рядов (из них сохранилось одно). Тут же на Торговой площади в первой половине 19-го века был построен главный храм города: монументальный Троицкий собор с колокольной, увенчанной высоким шпилем. В 1866-м году в Раненбурге насчитывалось 4816 жителей.

В 1882-м году в городе было 5000 жителей, в том числе дворян и духовенства 400 чел. купцов 300, остальные — мещане, мелкие торговцы, чиновники, интеллигенция. Растут пригороды — села Крючки и Лучки, непосредственно примыкающие к городу, Заречье (за рекой Становая Ряса), и село Кривополянье за Ягодной Рясой. Город богатеет, и это отражается, в частности, на строящихся домах. Во 2-й половине 19-го века было построено немало общественных и частных домов, характерных по архитектуре для модного в то время стиля "эkleктика» (об этом будет сказано ниже). К началу 20-го века общий торговый и промышленный оборот Раненбурга и пригородных сел составлял около двух миллионов рублей, в том числе на собственно город приходилось около полутора миллионов.

Главными предметами торговли были хлеб (зерновые) и скот. Более всего славилась гречиха, пользовавшаяся большим спросом на крупных центральных рынках России. Скот закупали в южных селениях уезда, его забивали на месте или отправляли живьем по железной дороге в Москву.

Большое значение для развития экономической и общественной жизни в Раненбурге имело то, что в конце 19-го века была построена проходящая близ города (полкилометра) железная дорога Москва – Саратов, вскоре продленная до Астрахани. Эта линия вначале была дотянута до станции Павелец (отсюда Павелецкий вокзал), позднее (1974-й год) была продлена до ст. Милославская, и тут "продвижение" линии приостановилось, а Раненбург остался без железнодорожного сообщения. Такое положение было для раненбургских экспортеров сельхозпродукции невыгодно, они терпели убытки. Тогда они, в рамках земства (муниципальная власть) профинансировали строительство участка железнодорожной линии (длина участка около 80 км.) от Милославской через Раненбург до станции Богоявленск (на линии Москва - Тамбов), позволившей создать прямую железнодорожную линию Москва - Саратов (позднее Астрахань). Железнодорожная станция Раненбург была построена в

1890-м году, и с тех пор поныне через Раненбург идут поезда Москва - Саратов и Москва - Астрахань, и обратно. Кроме того, через Раненбург ежедневно идут 2 поезда Москва – Тамбов (и обратно).

Кроме торговли хлебом и скотом, в городе и уезде продолжало развиваться фабричное производство. К началу 20-го века здесь были 4 мыловаренных завода, 2 паточных завода, 2 кожевенных завода, 2 табачных фабрики, винокуренный и кирпичный заводы, 27 крупорушек, 2 водяных мельницы.

К началу 20-го века Раненбург можно охарактеризовать как крупный торговый центр (купеческий город). В городе ежегодно проводились 3 многолюдных ярмарки, еженедельно собирались 2 базара, были 3 гостиницы, 8 постоянных дворов, 2 трактира, 6 харчевен. В Раненбурге была сильна муниципальная власть (земство), что отражало материальное преуспеяние горожан. Развивалось кооперативное движение. В 1917-м году в городе и уезде действовало 29 кооперативов с общим числом членов 22 тыс. человек, сумма продукции кооперативов превышала 2,5 млн. рублей. Кооперативы успешно конкурировали с купцами и частными предпринимателями.

Наряду с улучшением материального положения горожан, повышался уровень их культуры. В начале 20-го века возник очень действенный источник культуры — открылась общественная библиотека. В конце 19-го – начале 20-го века в Раненбурге устраивались театральные представления. На ул. Большой (ныне ул. Крупской) в двухэтажном доме (бывшее земство, построено в 1864-м году) было дворянское собрание, в нем в двухсветном зале с небольшой эстрадой ставились спектакли, главным образом классические пьесы, посещавшиеся дворянами и чиновниками. В дальнейшем в этом здании было музыкальное училище, в котором преподавали музыканты, приезжавшие из Москвы. Ныне музыкальное училище находится на Базарной (Соборной) площади, в бывшем доме городского головы П. Распопова. В здании же на Большой улице размещено одно из отделений районной поликлиники.

Купеческое собрание было в доме на Советской (ранее Козловской) улице, на углу Соборной площади. Купцы предпочитали смотреть на сцене какие-либо "живые картины", напр. натуралистическое изображение на сцене известной картины Н. Н. Ге (1831 – 1894 гг.) "Царь Петр и царевич Алексей". Был и народный клуб, для "простых людей", на улице Мещанской (ныне Кирова) в длинном деревянном здании близ реки Ягодной Рясы. В этом клубе ставились силами драмкружка пьесы классиков, напр. А. Островского (1823 – 1886 гг.) В Раненбург приезжали из Москвы и принимали участие в спектаклях местных любительских трупп известные артисты В. А. Орлов (1896 – 1974 гг.) (брат его Н. А. Орлов работал в Раненбурге начальником почтовой службы) и его племянник Н. Н. Орлов, выступавшие в Московском Художественном театре. Приезжали в Раненбург и известные певцы, один из них пел как-то на богослужении в городском соборе.

Была в городе и заметная музыкальная жизнь. Существовали самодеятельные оркестры, в частности, оркестр под руководством А. Ф. Волкова, в котором в начале 20-го века участвовали три брата Левитовы (из семьи священника): Алексей Дмитриевич (скрипка), Михаил Дмитриевич (труба) и Николай Дмитриевич (фортепьяно). Левитовы - любители искусства — иногда ездили в Москву на один вечер, на очень интересовавший их театральная спектакль или концерт, возвращаясь на следующий день в Раненбург.

В городе зимой устраивали каток на льду Ягодной Рясы, где иногда играл

самодетельный, иногда военный духовой оркестры. Последний играл также по воскресным дням в Городском саду, я слушал его еще в 50 – 60-х годах.

В ноябре 1917-го года большевики (коммунисты), организовав несколько демонстраций, бескровно взяли власть. В 1919-м году в городе разыгрался один из эпизодов гражданской войны. Летом 1919-го года казачья дивизия генерала Мамантова (1869 – 1920), прорвав фронт Красной армии, продвинулась на север и заняла город Козлов (теперь Мичуринск). Утром 14-го августа 1919-го года оттуда прискакал в Раненбург на лошадях отряд казаков и овладел городом (но не станцией). Когда казаки стали продвигаться к железнодорожной станции, там уже стоял бронепоезд с батальоном стрелков Красной армии под началом известного командира Я. Ф. Фабрициуса (1877 – 1929 гг.). К вечеру 14-го августа Раненбург был отвоеван у белых, казаки отступили в село Кривополянне, за реку Ягодную Рясю. Утром 15-го августа казаки выстрелили несколько раз по городу из небольшой пушки, но, понимая бесполезность дальнейшей борьбы, ускакали на юг, в направлении Лебедянь – Елец. К 20-му августа на территории Раненбургского уезда не осталось войск белых. 21-го августа 1919-го года в город приехал один из руководителей советской России М. И. Калинин (1875 – 1946 гг.). Он провел ряд собраний, в том числе на железнодорожной станции, и митинг в Городском саду.

В 1929-м году на базе одной из табачных фабрик был организован в Заречье Чугунолитейный завод, число рабочих на котором в 1950-м году было 170 чел., а в 1963-м — 1600 чел. Одновременно с Чуглитом на спичечной фабрике купца Оловникова организовали ремонтный, позднее Агрегатный завод, где изготавливают детали для сельскохозяйственных машин.

Во время войны 1941 – 45-го годов никаких сражений в Раненбурге и районе или бомбардировок с воздуха не было. Во время наступления войск Германии они достигли мест не ближе 100 – 120 км. от города (близ городов Михайлов на северо-западе и Елец на юго-западе от Раненбурга).

По моим впечатлениям 30-х годов, город и район еще не оправались от последствий военных и революционных изменений 1914 – начала 30-х годов, и переживали материальный и культурный упадок. Внешне это отражалось на облике общественных, например, культовых зданий; новые здания не строились, а старые стояли обшарпанные, не ремонтировались. Впрочем, в годы после 1953 – 1956-го наметился некоторый подъем, который, однако, в 70-х годах, по-видимому, выдохся.

Природные особенности Раненбурга и его окрестностей

Малые города обычно обеспечивают связь населения, в том числе жителей крупных городов, с природой. Поэтому следует кратко остановиться на природных особенностях Раненбурга и его окрестностей.

Прежде всего, о почве. Она представляет собой плодородный чернозем, что в значительной степени предопределило сельскохозяйственное направление экономики района.

Отмечу еще одну особенность, постоянно (до конца 80-х годов) замечавшуюся мною. По вечерам и ночам на небосводе над городом ярко сияло множество звезд. Видимо, это объяснялось относительно малой запыленностью воздуха в городе. В 30-х годах

мне доводилось не раз видеть в августе звездопад, когда на пути Земли встречаются небольшие небесные тела — астероиды. А однажды (кажется, в 1938-м году) мне удалось наблюдать в Раненбурге солнечное затмение, близкое к полному. Событие произошло около 6 часов утра. Горожане, в том числе мои тетушки, заранее приготовили закопченные стеклянные пластинки, сквозь одну из которых я видел, как большая часть диска Солнца покрылась тенью, вдруг сильно потемнело и дохнуло прохладой. Явление это продолжалось недолго, примерно 1 – 2 минуты, после чего Солнце вновь засияло во всем своем блеске.

Остановлюсь на растительности. Бывшие в старину вокруг города и на самой его территории леса к началу 20-го века были сведены, город окружали обширные поля. Поля эти пересекались дорогами, обочины которых были довольно широки. Обочины были покрыты травяной растительностью типа степной или близкой к тому. В частности, там росли в большом количестве тмин, полынь, а дед Николай, который ходил со мной на прогулки, находил там какую-то траву, которую он называл "горлюпа". Он выкапывал корешки этого растения и угощал меня. Корешки эти я с удовольствием съедал, а как в действительности называлась эта трава, не знаю и по сию пору.

Из лесной растительности к 30-м годам 20-го века осталась только небольшая дубовая роща вблизи от бывшего монастыря (3 км. от города). Город же утопает в зелени, что особенно заметно, если посмотреть на него издали и снизу, с лугов по другую сторону реки Становой Рясы (из села Юсово). В основном это зелень садов, обычно к каждому дому примыкает сад фруктовых деревьев и кустов. Впрочем, в саду моего дедушки Миши росли несколько дубов, возможно, это остатки того "липяга", который покрывал в старину возвышенность, где теперь расположен город. В саду дедушки Ивана также росли, наряду с фруктовыми, несколько нефруктовых деревьев.

Из растительности типа парковой, довольно редкой в городе, заслуживают упоминания старые деревья, тополи и липы, в городском саду. В последние годы в городском саду подсаживают молодые деревья, они пока еще небольшие. Начиная с 2000-го года, ведутся работы по благоустройству и реставрации садовых сооружений, например, фонтана. На высоком берегу Ягодной Рясы сооружена круглая смотровая площадка с несколькими скамьями. С площадки открывается вид на противоположный низкий берег реки и дальше, далеко, на равнину.

В центральной части города сохранялся тогда небольшой зеленый массив возле церкви св. Николая (Никольской) на ул. Большой, и дальше по направлению к железнодорожной станции, вокруг исторического здания земской больницы на ул. Широкой. Возле Никольской церкви на огороженной церковной земле (прочная чугунная ограда с кирпичными столбами) была небольшая роща из старых липовых деревьев. Ни эта роща, ни ограда не сохранились. Рошица вокруг больницы сохранилась. Улица Большая на участке от Никольской церкви до больницы озеленена, там стоят два ряда небольших деревьев. Заслуживают упоминания и старые деревья, высаженные когда-то вдоль дороги на станцию (близко от нее). Это осокори, тополя, высаженные в один ряд, с равными промежутками между ними. По-видимому, они очень старые, с мощными кронами и толстыми стволами диаметром 1,0 – 1,5 м. (В последнее время, начиная с 2003-го года, эти старые деревья заменяют на более молодые или обрезают их мощные кроны). Около железнодорожной станции тоже имеется небольшая роща из старых, высоких деревьев (липы, вязы, осокори), на которых ютится многочисленное воронье население.

Вот, пожалуй, и все общественные зеленые насаждения города. Добавлю сюда еще и три больших дерева, росшие на улицах около дома дедушки Михаила Гавриловича: два тополя и вяз. Впрочем, город в те далекие уже годы был весь застроен одноэтажными жилыми домами (и домишками), и возле каждого был небольшой участок земли с огородом и садом фруктовых деревьев, кустов и цветов.

Замечу, что с водным обеспечением города дело обстояло в целом благополучно, (рядом две реки, под городом струились и подземные потоки). Но доставка воды к дому и саду требовала немалых усилий, так как водопровода в городе в те давние времена не было. Доставка воды к дому будет подробно описана ниже.

Сады и дома моих дедушек

Расскажу здесь о садах моих дедушек. У отца моей матери дедушки Миши был сад площадью примерно 6 – 8 соток, рядом был равной площади сад моего двоюродного деда Николая Гавриловича. Ранее оба сада были частями единого сада моего прадеда Гавриила Егоровича. Сады обоих братьев не были разгорожены, и я свободно ходил по обоим.

Когда-то в саду были расчищенные садовые дорожки, которые располагались по периферии единого сада. Но уже к середине 30-х годов (ранний предел моей систематической памяти) заросли травой, их следы были отмечены только некоторыми удлиненными углублениями.

Перед домом, с его садовой стороны, были две небольших грядки, на которых высаживали огурцы и помидоры. Летом срывали эти овощи и ели их, только что с грядки. По краям одного из этих огородов ("помидорного") возвышалось несколько стеблей подсолнечника, который, однако, не достигал полной зрелости, семена в головках были белые либо беловатые. В конце 30-х годов там же высаживали кукурузу, в соответствии с указаниями сверху и модой. Отмечу, что в то же время, вследствие настоятельной потребности государства в натуральном каучуке, колхозники района получили строгое указание сажать на полях некие среднеазиатские травы-каучуконосы кок-сагыз и тау-сагыз. В городе была даже открыта контора по приему этих растений от населения. Но в нашем саду этих растений не было.

В саду росли плодовые деревья: яблони, груши, вишни, сливы. Были 2 грушевых дерева сорта бессемянка; груши зеленого цвета, но когда спелые — очень вкусные (но плохо сохраняются). Еще более вкусные были груши желтого цвета (таких было несколько деревьев, кажется, 3). Груши этого сорта, которые мы называли "лимонные", по их цвету, довольно плотные, но сочные и очень сладкие. Саженцы груш этого сорта были получены моими дедушками Михаилом и Николаем за хорошую работу по ремонту усадебного дома в поместье Рязанка, близ села Урусово (30 км. к северо-западу от Раненбурга), пострадавшего от пожара в 1897-м году. Мои деды были приглашены для ремонта как искусные плотники, а усадьбой тогда владел Николай Петрович Семенов, брат известного ученого-естествоиспытателя и географа Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Николай Петрович (1822 – 1906 гг.) был большой любитель садоводства и искусный садовод.

Груши, в отличие от яблонь, довольно высокие деревья. Когда плоды груш созревают,

необходимо их снять с ветки, чтобы не дать им упасть на землю (груши, в отличие от яблок, довольно нежные плоды, и при ударе о землю многие из них портятся). Для снятия груш с дерева, не влезая на него, применяли приспособление, называвшееся съём. На конце длинного шеста закрепляли небольшую деревянную корзиночку (в форме вазы) с узорными, зубчатыми краями, с зубцами, расположенными близко друг от друга. Веточку, на которой висит груша, заводили между двумя зубцами и резко двигали съём в сторону. Веточка разрывалась, и груша падала на дно корзиночки, куда предварительно клали мягкую подстилку.

В саду росли яблони; летние грушовка и коричная (в просторечии коричневая) по одному дереву, и зимние — антоновка и яблони с очень вкусными плодами, называвшимися у нас "целеба". Не знаю, как они по-настоящему называются. Яблоки этого сорта крупные, толстокожие, зеленые с красными проблесками, сладкие, но с приятной кислинкой. Зимних яблонь было по несколько деревьев обоёго сорта. С сожалением скажу, что во второй половине 30-х годов на зимние яблони нашего сада нападали гусеницы (личинки каких-то насекомых) и пожирали листья яблонь, урожай яблок, естественно, снижался. В иные годы гусеницы съедали всю листву яблонь, которые являли собой жалкий вид.

Росли в саду два или три сливовых дерева, небольшая рощица (стволов 10) вишневых деревьев, куст крыжовника. Имелись три плантации малины, в том числе одна, дававшая белые (желтоватые) ягоды. Плантации были довольно большие по площади, когда мне было лет 5 – 6. я углублялся в эти заросли и мог "пасть" там часами.

Были в саду и цветы. Вдоль одного из огородов стоял рядок пионов (кустов 5 или 6). В первой половине лета они давали крупные розовые, красные и белые цветы. Росли также 2 куста жасмина, которые цвели многочисленными ароматными цветами. Рос куст крупных желтых цветов — "золотой шар". На обочинах огородов и непосредственно у дома росли несколько высоких стволов мальвы (называемой также шток-роза) с множеством крупных белых, розовых или красных цветов (в форме колокольчиков). Растения эти назывались нами в просторечии "бабья роза". Была также небольшая грядка мака, зернами которого, после их созревания, я любил лакомиться, срывая и разрывая его "головки". Упомяну здесь и небольшую плантацию табака-самосада, листья которого дедушка Миша сушил, подвешивая в сарае, и выкуривал, применяя мундштук и самокрутки "козьи ножки". Добавлю еще, что вдоль всего забора, отделявшего сад от Пролетарской улицы, рос кустарник желтой акации, на которой в начале лета было множество желтых цветов, а в середине — столь же великое множество стручков с семенами.

Кроме сарая, о котором было сказано выше, стояла в глубине сада сооруженная дедушкой Мишей так называемая "беседка". Она представляет собой маленький летний домик из тесовых досок, с дощатым полом и железной крышей, с двумя маленькими застекленными окошками, которые можно было открывать, закрывать и запирать, и дощатой дверью, которую тоже можно запирать. Изнутри стенки были оклеены бумагой. Вдоль двух стенок были закреплены две лавки для лежания, под одним из окошек, против входной двери, прибита узкая полочка. Я часто отдыхал на лавке в этой беседке, иногда и ночевал. Никакого искусственного освещения, ни отопления в беседке нет. Беседка эта, перенесенная ближе к дому, сохранилась по сию пору, но находится в запущенном состоянии.

Теперь расскажу о доме моего дедушки Михаила Гавриловича. Дом стоял (и стоит ныне) на углу улиц Ленина (Крепостная) и тогда Пролетарской (ныне Октябрьской), у

самых уличных тротуаров. Дом одноэтажный, деревянный, но на высоком каменном полуподвале. Стены дома толстые, сложены, как говорили, из бракованных железнодорожных шпал, и обшиты тесом. Потолки в доме высокие (примерно 2,8 м.), полы дощатые, а доски крашенные в приятный темно-желтый цвет. Рамы окон сверху слегка закруглены, с небольшой кривизной, крыша дома железная. В доме две комнаты: большая (зал) и малая, площадью около 30 и 16 кв. м. соответственно. В меньшей комнате была небольшая кирпичная печь с плитой для приготовления пищи. После войны 1941 – 45 годов в большой комнате соорудили вторую печь, примерно такую же, как первая, и тоже с плитой.

Мебель в доме была сработана руками дедушки Миши. В каждой из двух комнат стояло по столу и по деревянной кровати. Был комод и два больших, вместительных сундука, настолько длинных, что человек мог на них спать. Был еще красивый лакированный буфет (без стекол) и 2 высоких, тоже лакированных столика на одной ножке, очень изящных. Позднее был куплен еще гардероб, заурядное фабричное изделие. В зале висели старинные стенные часы в длинном (около 1,2 м.) темном футляре с тяжелой гирей на цепочке и большим циферблатом с римскими цифрами. Там же, напротив часов, стояло тоже старинное резное темное трюмо с большим зеркалом, которое, однако, было попорчено, с одной стороны его было большое туманное пятно. Последние два предмета, возможно, достались дедушке от прадеда, а может быть, перекочевали в наш дом из дома какого-либо зажиточного человека, чиновника или дворянина. Добавлю, что стулья мой дедушка не делал, стулья в доме были обычного фабричного производства, некоторые из них так называемые "венские", с гнутой спинкой, другие более простой конструкции, но без мягкого сиденья. Обе комнаты соединялись между собой двумя двустворчатыми дверьми, створки одной двери представляли собой обработанные дедушкой филенки, а створки другой сработаны из простых досок, но были частично застеклены.

К дому были пристроены два помещения сеней: верхние сени и нижние. Нижние представляли собой длинный и узкий коридор вдоль торцевой стены дома. Со стороны улицы к этим сеням вела входная дверь, к которой снаружи (на улице) вело небольшое крылечко, в две ступени. Крыльцо было защищено от дождя железной двускатной крышей, поддерживаемой двумя чугунными коваными подпорками. Внутри коридора был подъем, несколько ступеней, от входной двери до уровня пола сеней. Из этих сеней дверь вела в дом, в малую комнату, в которой была устроена перегородка, отделяющая от комнаты узкий проход, которым можно было пройти в большую комнату через малые двери, минуя малую комнату.

Стены сеней были легкие, дощатые. Против двери в дом было окошко для освещения. Вдоль верхних сеней, под окошком, была длинная полка для приготовления пищи, и две других полки для столовой посуды. Под верхними сенями было помещение для кур с выходом во двор, оборудованное насестом.

В конце верхних сеней, против входной двери, несколько ступеней вели в нижние сени, пристроенные к дому со стороны сада. Из этих сеней прямо против входной двери была двустворчатая дверь для выхода во двор и далее в сад, перед дверью снаружи одна невысокая, но широкая ступенька. На дверь был навешен надежный накладной замок.

В нижних сенях вдоль дома была также устроена полка для кухонной утвари, на ней иногда тоже готовили пищу. В нижних сенях стоял большой деревянный ларь для хранения муки, круп и иных сыпучих продуктов. В темном уголке этих сеней обычно устраивали гнездо для курицы, сидящей на яйцах. В другом уголке нижних сеней

обычно укладывали дрова в поленницу. Наконец, в этих сенях начиналась лестница для спуска в полуподвальное помещение, называвшееся тогда в наших разговорах "низ". Этот "низ" состоял также из двух помещений (комнат), соответствующим комнатам дома, и небольшой прихожей, куда спускалась лестница из двух маршей под прямым углом друг к другу. В прихожей хранили запасы топлива, угля или торфа, иногда хранились скоропортящиеся продукты.

В 30-е годы меньшая из нижних комнат не имела настланного пола, пол в ней был земляной. В ней также хранили скоропортящиеся продукты. Обе нижние комнаты имели маленькие зарешеченные окошки, некоторые из них замурованные. Изнутри эти окошки расположены высоко от пола, а снаружи — на уровне земли. В меньшей нижней комнате — большая русская печь, с обширным топочным пространством и лежанкой над ним (печь сохранилась и ныне). Большая нижняя комната вначале (до 39-го года) имела тоже дощатый пол, позднее он был снят, и доски использованы для садовой веранды.

В полуподвальном помещении было существенно прохладнее, чем наверху, и в особенно жаркие дни (а такие в Раненбурге в июле иногда бывают) я "спасался" туда днем минут на 10, после такого отдыха возвращался наверх. В большой нижней комнате до недавнего времени стояли рабочие инструменты моего дедушки: стол-верстак, токарный станок с ножным приводом для вытачивания округлых предметов. Кроме выхода на огород из сеней, был выход из большой (верхней) комнаты непосредственно в сад. Для этого была двойная дверь, внутренняя двустворчатая с узорчатыми филёнками (работы дедушки Миши), и внешняя из одного полотна, частично застекленного, эта дверь запиралась на накидной крючок. До 1939-го года можно было, спустившись на несколько ступенек, выйти непосредственно в сад. Однако в 39-м году летом мой дядя Иван Михайлович вместе с дедом Николаем Гавриловичем пристроили к садовой двери небольшую веранду, для чего использовали доски из пола большой нижней комнаты. На веранде летом ставили небольшой стол, за которым иногда пили чай на открытом воздухе, чистили ягоды для варки варенья. Варили же варенье обычно из собственных ягод и плодов в саду, близ веранды на костерке, над которым на тагане ставили медный таз, снабженный длинной деревянной ручкой, с варевом. При этом мне часто доставались пенки с варящегося варенья. Отмечу, что, по рассказам, вначале мой дедушка Михаил Гаврилович со своей семьей жил в полуподвале, а наверху в это время жил мой прадедушка Гаврил Егорович со своей второй семьей.

Летними вечерами, когда бывало уже темно и при открытой двери из комнаты в сад было слышно пение соловья, это, вместе с густой, темной зеленью сада, казавшегося в темноте очень большим, создавало у меня приподнятое, поэтическое, сказал бы я теперь, настроение.

К сожалению, в конце 60-х годов дальняя половина сада была у моих тетушек отобранана для каких-то городских настоятельных нужд; при этом соседний сад Николая Гавриловича не пострадал. При отчуждении половины сада было утрачено много фруктовых деревьев: яблони грушовка, коричная и другие, два грушевых дерева (лимонные), все вишневые деревья, два сливовых, а также 2 плантация малины (одна из них с желтой ягодой). В отрезанной дальней половине сада была и скамеечка, возле которой умер в 1962-м году мой отец Леонид Иванович.

Расскажу теперь о доме и саде моего двоюродного деда Николая Гавриловича, родного брата моего дедушки Миши. Сад деда Николая был равен по площади саду дедушки

Миши, но, как теперь мне представляется, не столь обилён фруктовыми деревьями. Правда, там были и груши (две груши-бессемянки возле дома, и, кажется, одно лимонное грушевое дерево), но было и грушевое дерево иного сорта, кажется, бергамот, плоды ее более мелкие и значительно менее вкусные, чем бессемянка и лимонные. Было несколько яблонь, припоминаются несколько антоновок, анисовка и яблоня с крупными ярко-красными яблоками (жесткими и невкусными, возможно, апорт). Была небольшая плантация малины, да еще малина проникала в сад из соседнего сада Воронова (малина проникает даже и сквозь забор с помощью своих корней под поверхностью земли). Не помню, были ли в этом саду вишневые деревья, сливовое, по крайней мере одно, было. В дальнем конце сада рос большой куст жасмина, а возле него были густые заросли высокой травы, среди этой травы были зонтичные растения сныть, которое известно как съедобное. Об этом растении я услышал от бабушки Зины народную поговорку: "Ну, дождались сныти, будем сыти". Это относится к началу лета, к времени до сбора урожая зерновых. Из всего этого видно, что на свой сад дед Николай обращал гораздо меньше внимания, чем брат его Михаил Гаврилович.

Дом деда Николая был поменьше, чем у дедушки Миши. Он расположен рядом с домом дедушки Миши, по улице Ленина (крепостной), а прежде, как говорили, стоял тоже рядом, но по другой улице, Пролетарской, и был перенесен на его теперешнее место. Положение этого дома на его новом месте позволило удобно разделить сад прадеда между двумя братьями Михаилом и Николаем. Дом деда Николая состоял из большой комнаты (зала) площадью 20 – 22 квадратных метра, с двумя примыкающими к ней крошечными спальнями (в которых только помещалась постель и оставалось чуть-чуть свободного места). Эти спальни отделялись от комнаты только занавесками. Между спальнями расположена небольшая печь, для обогрева. Из мебели в этом доме мне ничего не запомнилось, но хочу отметить, что в зале на стене висел старинный, сильно потемневший портрет моего прадеда Гавриила Егоровича, краткая характеристика которого была рассказана выше. Портрет был небольшой, припоминается, около 40 на 30 см, ныне он не сохранился.

Другая, меньшая комната была объединена с кухней в общее помещение, в котором была большая печь с плитой для приготовления пищи. Вход в дом со двора был через эту комнату. В ней стоял небольшой обеденный стол и маленький вспомогательный столик, висели полки для посуды. В очень маленькой прихожей помещался только ларь для сыпучих продуктов (в этом доме его называли загром или закорм, что, в сущности, все равно). Выход во двор и далее в сад, или через калитку на улицу был через небольшое крыльцо, под которым была оборудована собачья конура. В 30-е годы в этой конуре жила беспородная черная небольшая собака по кличке Шарик.

Дом этот был деревянный, бревенчатый, но без тесовой обшивки, на кирпичном фундаменте. Подвала не было, а был неглубокий (примерно полметра) подпол, где хранились овощи осеннего урожая. Ход в подпол был из кухни, где часть пола была съёмная: небольшую часть досок пола поднимали и сквозь отверстие проникали в подпол, в котором никакого настила не было.

Во дворе, между крыльцом и садом стоял сарай; он был довольно длинный, с двускатной железной крышей. В нем хранился различный дворový и садовый инвентарь, кое-какие запасы. Здесь же содержался скот; когда-то раньше, по рассказам, здесь было стойло коровы, но при мне жил только поросенок. Смутно припоминаю, что была там также пара овечек, но не уверен в этом. В сарае был глубокий погреб,

высотой выше роста человека, туда спускались по прочно закрепленной вертикальной лесенке из деревянных перекладин. Там было прохладно, и хранились скоропортящиеся продукты. В частности, помню, в погребе стояла кадка с крышкой, содержащая самодельный квас. Помню, что к квасу были добавлены какие-то ароматные травы, что придавало ему очень приятный вкус, при налипании квас пенился. За сараем была грядка, где росли в основном огурцы, также зеленый лук, петрушка и некоторые другие овощи. За огородом начинался сад.

Таковы были те два дома, где я проводил большую часть времени, когда приезжал на лето в Раненбург, в 30- годах 20-го века. Замечу здесь, что в том квартале, где были дома моих родственников, соседи часто общались между собой, жили дружно и были хорошие знакомые. Поэтому скажу здесь кратко, что помню, о соседях по улице.

Рядом с домом Николая Гавриловича жил в своем доме (с большим садом) Яков Степанович Воронов, по рассказам, тележный мастер. Дочь Воронова Шура (Александра Яковлевна) была ровесницей и подругой Тони (Антонины Николаевны), дочери деда Николая. Жену Воронова звали Анисья Трофимовна.

Далее (ближе к городу) был небольшой дом, тогда необитаемый, и вплотную к нему, на углу с улицей Широкой расположен большой, двухэтажный дом, в котором жили Елфимовы, сестра и брат, Екатерина Федоровна и Александр Федорович (Саша для моих тетушек). Когда-то в прежние времена в первом кирпичном этаже этого дома был трактир, владелец которого жил в упомянутом соседнем доме, а некий член семьи Елфимовых работал в трактире управляющим. На моей памяти Екатерина Федоровна была сгорбленная старушка, а Саша, пожилой уже, работал бухгалтером. Был он человек скромный, и женился лишь в позднем возрасте. Он был приятелем Михаила Николаевича Семенова, тогдашнего владельца имения Рязанка, которым когда-то владел Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, знаменитый ученый. После переворотов 1917-го года Михаил Николаевич передал Саше Елфимову некоторые книги и др. предметы из Рязанки, которые Саша передал в Рязанский краеведческий музей. Одним из родственников Елфимовых был педагог Павел Шлыков, муж дочери Екатерины Федоровны. Он часто приезжал летним временем в Раненбург, однажды я его там видел. Сын его Вячеслав Павлович, москвич, член Российского географического общества, часто бывает в Раненбурге, подолгу там живет, очень любит и хорошо знает город и окрестности, заботится об их благоустройстве и украшении.

Далее, ближе к центру города, в одном из небольших домов жила старушка по фамилии Оловникова, вероятно, она родственница кого-либо из семьи известных в городе предпринимателей. Примерно там же жил в маленьком доме часовщик, на крыльце его дома был вывешен большой макет часов. Мои тетушки называли его в шутку "Мозер" (фамилия известного в 19-м веке швейцарского часовщика). Еще дальше, у самой Козловской (Советской) улицы жил хороший знакомый моих тетушек, выходец из богатой купеческой семьи Александр Иванович Кеменов, бессменный служащий районного Военного комиссариата.

Двигаясь в другую сторону (от центра города) от дома моих тетушек, видим через улицу (Пролетарскую) солидный дом, в котором жил городской казначей Павел Петрович Лебедев, которого я еще застал. Он носил длинный сюртук и форменную фуражку. Позднее в этом доме жила приятельница тети Зои (пережившая ее), учительница-пенсионерка Вера Ивановна.

Дальше к окраине города был, в 30-х годах, заросший участок, в глубине которого

виднелся заброшенный сруб. По имеющимся у меня сведениям, в этом достроенном теперь доме живут родственники вышеупомянутого В. Шлыкова. Еще дальше, тогда на самом краю города расположен дом, в котором жил когда-то прежде дьякон Живаго, родственник моих тетушек, которого я в городе уже не застал. В мое время в этом доме жил некто Василий Иванович Смирнов, человек уже пожилой, о котором помню только, что он занимался разведением гусей. Перед домом, на краю луга была большая лужа, не пересыхавшая и летом, в ней гуси Василия Ивановича и плескались. Сам же Василий Иванович, человек высокого роста, ходил, в высоких сапогах и фуражке, с прутиком, и пас их. Жена Василия Ивановича Людмила Николаевна была большая приятельница тети Зои. Дочь их Валентина тогда жила не в Раненбурге и училась на врача.

Перейдя на другую сторону улицы (Крепостной) отмечу, что в доме напротив дома Смирнова (самый крайний тогда дом города, у луга) жил когда-то (по словам тетушек) человек, интересовавшийся астрономией; у него был телескоп, с помощью которого он рассматривал небо. Ближе к центру в маленьком доме под полуразрушенной тесовой крышей жила женщина, согласно рассказам тетушек, по национальности чешка. Как она очутилась в городе, мои тетушки не знали. Дальше, в доме у перекрестка с Пролетарской улицей, жили и работали турки, один из которых торговал в центре города мороженым с мобильной ручной тележки. На другой стороне улицы Пролетарской прямо напротив нашего дома стоял очень небольшой и на вид ветхий домик (который, однако, после ремонта стоит и поныне). В этом доме тогда жила женщина по имени Софья Викторовна с дочерью Галей, которая была старше меня. В следующем (к центру) низеньком и небольшом доме жила врач-фтизиатр (занималась лечением от туберкулеза) Каринская Анна Алексеевна с сестрой Александрой Алексеевной, которая занималась исключительно ведением домашнего хозяйства. Обе сестры были не замужем, уже тогда пожилые. Анна Алексеевна была начальницей моей тетушки Зои по работе.

Еще ближе к центру был дом (стоит и поныне), где жил пожилой уже и серьезный мужчина Иван Иванович Пикин. О нем ходил у нас в доме такой рассказ (раненбургская шутка). В начале 30-х годов приезжал к тете Зое на лето мой двоюродный брат Юра, старше меня на шесть лет. Был он мальчик озорной, и в компании другого мальчика, Мити, жившего по соседству, тайком навещал сады некоторых соседей, в том числе сад Ивана Ивановича. Однажды Иван Иванович застал мальчиков в своем саду, и двинулся к ним с хворостиной. Ребята стали перелезть через забор, в спешке зацепились за колы забора штанами и замешкались. Иван Иванович, подойдя к ребятам, стал обрабатывать их хворостиной, приговаривая: "Соображайтесь!" Это слово, по мнению моих тетушек, имело в данной ситуации исключительный комический эффект.

На этом кончаю рассказ о "моих" домах расположенных на улице Ленина (Крепостной), и перехожу к рассказу об еще одном "моем" доме, в котором жил ранее мой дед Иван Николаевич с семьей, а при мне, в 30-х годах прошедшего века жили некоторые его дети: моя тетя Соня и дядя Коля с семьей. Дом расположен в нижней части города, за перешейком между двумя реками, практически на их общей пойме. Местность эта называется Остров (когда-то она действительно побывала островом). Дом деда Ивана расположен на Островской улице, примерно на полпути между перешейком между реками и краем города (лугом). Ранее мой дед жил на улице Нижней (Маркса), которая тянется от бывшей крепости в сторону Острова вдоль Ягодной Рясы, и в нижней своей части переходит в Островскую. Тот, прежний дом деда был двухэтажный, весь каменный, солидный (для Раненбурга; ныне дом не сохранился). После неудач в своей торгово-промышленной деятельности дед был

вынужден переселиться в меньший дом. Но и этот дом на Островской по раненбургским масштабам довольно велик.

Это бревенчатый дом в один этаж с высоко расположенным кирпичным полуподвалом. В доме была большая прихожая и 4 комнаты. Самая большая комната ("зала") площадью примерно 30 – 32 метра квадратных имела 3 окна на улицу и два (за углом) во двор. Были еще две смежных комнаты, не маленьких, примерно по 18 кв. метров, последняя из них имела 2 окна на улицу и одно во двор. Проходная (перед ней) комната имела два окна во двор и одно, выходившее на пристроенные сени. Кроме того, была маленькая, около 10 кв. м. комнатка с одним окном во двор, в которой жили бабушка Надежда Ермолаевна и тетя Соня. В доме были две печи с плитами, одна отапливала две смежных комнаты и залу, другая маленькую комнату и тоже залу. Обе печи были устроены так, что топились из прихожей.

К дому со стороны двора были пристроены холодные сени с дощатыми стенами. Входили в дом через двор, куда с улицы проходили через калитку. Со двора входили в холодные сени через небольшое крылечко (одна ступенька) и сразу поднимались на уровень жилых помещений дома по деревянным ступенькам довольно длинной лестницы. Под этой лестницей был невысокий сход (примерно 3 ступени) и вход в полуподвал. На верхней, обширной площадке сеней (откуда через дверь входили в собственно дом) была устроена длинная и широкая полка, где летом готовили пищу на керосиновых горелках. На эту площадку выходила также дверь небольшой комнатки ("чулана"), где в 30-е годы обитали куры. Чулан имел одно окошко, был захламлен и грязен. На эту же площадку выходила дверь от нужника (тоже с дощатыми стенами), под которым была выгребная яма. Полуподвал представлял собой единое помещение, обитая железом дверь в него всегда была на замке, поэтому я бывал там редко. Там было несколько подслеповатых, зарешеченных окошек и содержался разнообразный хлам (не помню, какой). Впрочем, скоропортящаяся пища тоже хранилась там, так как в этом полуподвале было прохладнее, чем наверху (но не так прохладно, как в "низу").

Перехожу к характеристике сада. Это была довольно длинная, но не узкая полоса земли, спускавшаяся от дома к реке Ягодная Ряса. Спуск сада к реке был пологий, около самого дома несколько круче, чем ниже. От сада к реке был неглубокий (метра полтора – два) крутой обрыв. Сад был по площади раза в полтора больше, чем сад дедушки Миши.

Непосредственно возле дома был довольно большой огород, где росли разнообразные овощи (морковь, свекла, лук, горох и др.), и картофель. Ниже огорода был сад, в котором было немало яблонь, в том числе одна или две коричных, остальные антоновки. Были несколько грушевых (груши мелкие, мало вкусные), вишневых и два сливовых дерева, небольшая плантация малины. Характерной особенностью этого сада были кусты смородины, как черной, так и красной, в общей сложности около десятка кустов. Однако не помню, чтобы были какие-либо цветы.

В конце тропинки, ведущей от дома через сад, на реке Ягодной Рясе сооружали деревянные мостки для удобства набора воды и купания. Два нетолстых заостренных бревнышка вбивали в дно реки и соединяли их дощечками. Для удобства спуска в реку и выхода из нее купающихся к опорным бревнышкам прибавляли одну-две перекладыны, которые всегда были погружены в воду. Так как берег был крутой и все же высокий, то в нем обычно выкапывали несколько земляных ступенек. Противоположный берег реки был низкий, песчаный, но на некотором отдалении от воды рос густой кустарник из ивняка, из-за которого на том берегу ничего не было

видно.

Сад наш не был отгорожен от соседних садов, таких же полос земли, спускавшихся к реке. Вдоль берега реки через все спускающиеся к ней сады вела узкая пешеходная тропинка, открытая для всех, но мало хоженная. Может быть, поэтому, из-за открытости садов, соседи в том месте жили не очень дружно, иногда даже скандалили и ссорились между собой. (Может быть, этим объясняется прочный замок на полуподвальной двери). Поэтому о соседях я знаю очень мало. В домике рядом с нашим (ближе к лугу) жил пожилой мужик Дегтярев, хронический алкоголик и скандалист, по прозвищу "Арчак", что означает "хулиган". С другой стороны, ближе к центру города, жило более спокойное семейство по фамилии Мицкевич. Напротив нашего дома (с небольшим сдвигом в сторону луга) стоял (стоит и ныне) солидный кирпичный (оштукатуренный) одноэтажный дом, где жили Каплуновы, о которых мне было известно только, что у них была дочь Люся, девочка на несколько лет старше нас, детей Барабановых, поэтому она с нами не общалась. Прямо против нашего дома стоял небольшой низенький дом (5 окошек), где жила семья Родионовых; о Володе Родионове, ровеснике и приятеле в детстве моего отца и его братьев, часто упоминалось в разговорах; позднее он был учителем. Между домами Каплуновых и Родионовых был тогда свободный проход (ныне он застроен) к реке Становой Рясе, имевшей в том месте высокие берега. Проход этот был не длинен, но мы редко туда ходили, ведь у нас была "своя" река.

Вот все, что я хотел и могу сказать о доме и саде моего деда Ивана Николаевича, родном доме моего отца. В заключение этого раздела скажу, что теперь я начинаю понимать, почему там в саду росли много кустов смородины и не было крыжовника: смородина любит влажную почву, а крыжовник — сухую. Также поэтому возле дома росло больше овощей, чем у дома дедушки Миши, и не было цветов. В доме Барабановых жила тетя Соня, не работавшая и потому нуждавшаяся в овощах и картофеле (который у дедушки Миши никогда не сажали), и ей было не до цветов. А дедушка Миша имел в своем распоряжении мастерство, и не малое, поэтому он всегда мог заработать себе на жизнь и вырастить детей, и, видимо, был в этом уверен.

Элементы хозяйственной жизни Раненбурга в 30-е годы

Большинство промышленных предприятий города были заняты переработкой продукции сельского хозяйства. В городе или близ него были мельницы и крупорушки, кожевенное, мыловаренное и крахмально-паточное производства, колбасные предприятия, кирпичный завод; к середине века был основан завод по производству молочных продуктов. Имелось также сетевязальное производство. В двадцатых годах были организованы чугунолитейный и агрегатный заводы. На чугунолитейном заводе из чугунных болванок ("чушек"), доставляемых с металлургических заводов, отливали чугунные изделия, в частности, радиаторы (батареи) для отопления помещений. На агрегатном заводе выпускали сельскохозяйственное оборудование: сортировки, прицепы и запасные части к тракторам; завод специализировался на выпуске фильтров к тракторным и комбайновым моторам. Рядом с агрегатным заводом была открыта швейная фабрика (по-видимому, попутно улучшалась также демографическая ситуация в районе).

Немного об энергетике. В 30-е годы дома в городе отапливались печами, в которых сжигали дрова, редко уголь. Позднее (в 40-х годах) все печи в домах города стали топиться углем, сначала бурым, после каменным. Подводки к домам топливного газа тогда не было. Освещение помещений было в основном уже электрическое, причем

электрический ток вырабатывали тут же, в городе. Для выработки электричества было построено специально небольшое кирпичное (одноэтажное) здание вблизи от городского сада (здание ныне не сохранилось). В этом здании работала небольшая динамо-машина. Не могу с уверенностью сказать, применялось ли для вращения машины твердое топливо (уголь) или жидкое дизельное топливо (мазут). Применение дизель-технологии для вращения динамо-машины проще, чем эксплуатация котла и паровой турбины, но я припоминаю, что видел вблизи электростанции кучи угля и шлака. Так как я тогда по малости лет не мог входить в эти подробности, то вопрос этот так и останется открытым. Однако, эти электрические машины, видимо, часто портились, и тогда электрическое освещение в домах отключалось. Поэтому во всех домах (и в нашем тоже) хранились керосиновые лампы, которые в этих случаях бывали востребованы.

Пищу жители города готовили, как правило, на плитах печей. К середине 30-х годов для этого стали применять примусы, позднее керосинки и так называемые керогазы (керосинки усовершенствованной конструкции). Электроплитки практически не применялись из-за ряда их недостатков. Снабжение города керосином было налажено, его продавали в так называемой нефтелавке, помещавшейся в нижнем ярусе здания Троицкого собора, к тому времени уже закрытого для богослужения.

Транспорт был почти исключительно гужевой (лошади). Лишь в конце 30-х годов появились единичные грузовые автомобили. Легковых автомобилей я в ту пору не видел.

Немного о торговле в городе. Хлеб и другие пищевые продукты в продаже имелись, другое дело, в достаточном ли количестве и ассортименте. Мое впечатление, что выбор продуктов был невелик и явно недостаточен. О продаже промышленных же товаров судить не берусь, впрочем, скажу, что керосин был в продаже всегда, уголь же всегда отпускался жителям (частным лицам) по заранее составляемым спискам, и даже по списку получить его было нелегко, так как он не всегда имелся в наличии, а если имелся, то нужно было привозить его в дом "самовывозом". Отмечу также, что мои родители, приезжая летом в Раненбург, всегда везли из Москвы так называемую мануфактуру (ткани и готовую одежду). Из этого можно заключить, что торговля мануфактурой в Раненбурге была несовершенна. Вообще, по рассказам старожилов, торговля в городе, бывшем до 1917-го года торгово-купеческим, после этого года заметно ухудшилась.

Летом обычно в городе собиралась ярмарка. Она располагалась на окраине города, поблизости от нашего дома, на так называемом лугу. Это было довольно большое ровное пространство между городом и кладбищем, поросшее невысокой травой-муравой. На ярмарке крестьяне из окрестных деревень продавали скот, сено, дрова, овощи и фрукты, а также изделия собственного кустарного промысла. Там выстраивались рядами крестьянские телеги, с которых и около которых велся торг. Ярмарка продолжалась несколько дней. Были ли там какие-либо передвижные лавки, лотки и т. п., где продавалась бы немудреная еда, я не помню. Но помню часто являвшееся на ярмарке азартное развлечение. Это была примитивная рулетка. В центре небольшого фанерного круга было смонтировано вращающееся устройство: пробка, наколотая на вертикально закрепленную проволочку, в пробку углубляли горизонтально гусиное перо. Вокруг пробки располагались веерообразно игральные карты, на которые игроки делали ставки, то есть клали мелкие бумажные деньги. Ведущий придавал пробке (то есть и перу) вращательное движение, перо, поворачиваясь по инерции, останавливалось, указывая на какую-либо карту (и ставку).

Эта карта считалась выигравшей, игрок, поставивший на нее, получал все деньги (кроме определенной доли ведущего). Видимо, этот аттракцион служил для избавления удачливых крестьян-продавцов от лишних, не нужных им денег из выручки.

Иногда мои родственники покупали на этой ярмарке дрова. Обычно покупали весь воз дров целиком. Крестьянин-продавец подвозил дрова к нашему дому, воз въезжал во двор, продавец сбрасывал дрова возле дворового крылечка и уезжал. Сваленные в беспорядке дрова убирали в сени, складывая в поленницу. Замечу, что я обычно принимал участие в этой работе, всегда с удовольствием.

Опубликовано свидетельство, что ярмарочная торговля в Раненбурге до военно-политических событий 1917-22-го годов была шире, чем в 30-е годы. В прежние времена в городе были две ярмарки: одна там, где я ее видел, и там торговали пищевыми продуктами (в том числе овощами и фруктами) а другая на повороте от Козловской улицы к Посадской и спуску к Ягодной Рясе. Здесь торговали товарами, необходимыми для повседневного быта (посуда, кухонная утварь и проч.), а также дровами, сеном, торфом, лесоматериалами и т. п. В дни ярмарки многие крестьянские возы проезжали по улице (дороге) мимо нашего дома, и по утрам (а крестьяне съезжались на ярмарку рано) часто можно было слышать ржание лошадей. Окна комнаты были открыты, я спал обычно возле окна и просыпался по утрам от приятных звуков лошадиного ржания.

Некоторые черты быта в Раненбурге

Скажу о том, как мы обеспечивали себя всем необходимым для повседневной жизни.

Нелегко было обеспечить себе воду для повседневных нужд. Дом моих тетушек стоит на возвышенной части города, далеко от омывающих его рек. Никакого водопровода ни в доме, ни на улице не было. В начале 30-х годов воду нам привозил в бочке на телеге водовоз (вероятно, из реки), и продавал нам воду черпаками. Позднее мы ходили за водой к колодцу, на Пролетарской улице, метрах в 100 от дома. Еще позднее, в конце 30-х годов, мы ходили за водой к артезианскому колодцу, близ городского сада, метрах в 300-х от нашего дома, и приносили оттуда напорную воду из земных глубин. И только в конце 40-х годов на улице против нашего дома была оборудована водоразборная колонка, что значительно облегчило получение воды. Постепенно водопровод стали монтировать и внутри жилых домов. Несколько лет назад к отдельным домам подвели и топливный газ из городского газопровода. До 1917-го года, по воспоминаниям старожилов, по домам, кроме воды, развозили и древесные угольки для использования их в ручных утюгах, применявшихся для глажения одежды. Что же касается дома моего отца, то там жители всегда брали воду из реки, где вода считалась чистой. Впрочем, в конце 40-х годов там на улице тоже появилась водоразборная колонка.

Со снабжением продуктами питания в доме моих тетушек было довольно легко. Молочные продукты регулярно, по долгосрочной договоренности, приносила на дом знакомая крестьянка из соседнего села Кривополянье. Продукты — молоко в больших стеклянных бутылках, литровых или 2,5-литровых (четвертях), сливочное масло в комах, завернутых в капустные листья, творог, сметана — все из собственного хозяйства, совершенно свежее, отменного качества. Мясо, мясные продукты,

большинство овощей, картофель покупали на базаре, по так называемым базарным дням (среда и суббота еженедельно). Тетя Зоя ходила на базар и покупала там продукты у знакомых крестьянок, которых у нее было множество по ее прежней медицинской работе в селах; ей продавали доброкачественные продукты, и недорого. Прочие же продукты — хлеб, сахар, крупы и проч. — покупали без труда (в 30-е годы) в государственных или кооперативных магазинах. Позднее, после большой войны 40-х годов, с продуктами в магазинах стало сложнее, и с годами становилось все сложнее и сложнее, вплоть до начала 90-х годов. В родном доме моего отца, насколько я знаю, продукты из села на дом не приносили, видимо, все продукты покупали на базаре и в магазинах.

Скажу теперь о некоторых мало приятных чертах раненбургского быта. В доме нашем (у тетушек) было множество мух. Борьба с ними (мухобойки, ядовитые для мух липкие бумажки) была малорезультативна. Мухи беспокоили меня своим кишеньем, особенно по утрам. Поэтому над моей постелью устраивали на длинных палках полог из марли, хорошо пропускавшей воздух. Другая мало приятная особенность раненбургского быта — отсутствие канализации (она отсутствует в малых частных домах и поныне). Отхожие места были обычно во дворе, как, в частности, в жилище моих тетушек, следовательно, были и выгребные ямы, нуждавшиеся в периодической чистке. Для этого вызывали человека, специализировавшегося на чистке таких ям. Это был пожилой мужичок из соседнего Кривополянья по имени Ермолай. Он приезжал на телеге с бочкой, вычерпывал нечистоты своим черпаком, сливал их в бочку и отвозил их куда-то на своей лошадке. Что же касается твердого мусора, то его удаляли, по-видимому, таким же образом, но конкретно я об этом ничего не знаю.

Скажу кратко об удовлетворении нашей потребности в текущей информации. Радиоточек ни в одном из домов, в которых мне приходилось жить, не было. Центральных газет не выписывали, и купить их, видимо, в городе было нелегко, но местную раненбургскую газету мои тетушки выписывали. Газета называлась "Колхозный клич" и выходила 3 раза в неделю на четырех полосах (страницах) небольшого формата. Она содержала преимущественно местные новости, в основном по сельскому хозяйству. Газету доставляли нам на дом и просовывали в прорезанную около крыльца щель для писем и газет, после чего она (как и доставляемые письма) падала на прибитую в сенях полочку. Иногда мы получали и посылки. Их тоже доставляли на дом, привозили в фуре на лошадке и вручали кому-нибудь из обитателей дома лично. В доме на Островской тоже имелась прорезанная в калитке щелка, принесенные письма падали внутрь двора. Получали ли там газету, сказать не могу, не знаю.

О моем времяпрепровождении летом в 30-х годах в Раненбурге

О моих длительных прогулках по саду (с поеданием ягод и фруктов) я уже рассказал. Когда я жил по ул. Ленина (а я почти всегда жил там), время свое проводил в одиночестве. Я чрезвычайно малообщителен, и товарищей по играм у меня там не было. (Попытка старших найти мне товарища игр кончилась неудачей). Поэтому если я играл, то играл один, часто возясь во дворе с игрушками, из которых любил водить по тропинке игрушечный автомобиль. Позднее для меня соорудили из фанеры в сарае игрушечную кабину грузового автомобиля, с мягким сиденьем и некоей имитацией руля. Мне нравилось воображать, забравшись в эту кабину, что я веду автомобиль.

Если уж заговорил о сарае, скажу, что там, на жердях под крышей, кроме подвешенных

для просушки листьев табака, стоял пустой гроб, заранее сделанный моим дедушкой для себя. Однако лечь в этот гроб ему не пришлось. Прежде него умер его приятель, сапожник (мне довелось его видеть у нас, человек маленького роста). Его родственники попросили дедушку, и он отдал им свой гроб. Сделал ли он после этого для себя другой гроб, не знаю.

Иногда, в плохую погоду, я играл дома, тоже с автомобилем и другими игрушками, из которых помню два волчка (или, как их называли, юлы или кубаря), а также калейдоскоп. Имелась в доме еще одна игрушка, называвшаяся панорама. Это был плоский ящичек, в крышку которого было вставлено увеличительное стекло, а в стенке ящичка, против откинутой крышки со стеклом, была неглубокая прорезь, куда вставлялись картинки. В ящичке хранился комплект картинок на евангельские сюжеты, которые я и рассматривал через стекло. Впрочем, картинки эти меня не увлекали, к тому же, качество их было неважное. Однажды я бездумно забавлялся с увесистой гирей, снятой со стенных часов. По неосторожности я уронил ее, и она ударила по ногтю большого пальца ноги. Ноготь сошел, но вместо него вырос такой же новый.

Из моих занятий типа игр упомяну еще катание на велосипеде. В раннем детстве у меня для катания были две игрушечных лошадки на колесиках, на которых я катался (обе хранились в доме дедушки Миши). Там же позднее хранился мой трехколесный велосипед. Когда я подрос, и мне было лет 9 – 10, для меня купили по случаю подержанный двухколесный полномерный велосипед, на котором отец учил меня ездить. Обучение велось на лугу, близ нашего дома (по пути на кладбище). Однажды, когда я еще очень плохо владел управлением велосипедом, я наехал сзади на пешехода, деревенского мужика средних лет. Не ожидавший удара пешеход упал, но тотчас же поднялся, видимо, не получив ушибов. Поняв, что сбил его мальчик нечаянно, в ходе обучения езде, он немного поворчал и пошел дальше. В результате обучения я, как-никак, овладел умением ездить на велосипеде, и впоследствии ездил на нем, хотя и без особенного желанья. Во время войны 1941 – 45-го годов велосипед был перевезен в Москву и в году 1944-м продан с целью покупки продовольствия. Какими-либо спортивными играми я, живя в доме дедушки Миши, не занимался.

Теперь скажу кратко о моих занятиях, когда я жил в родном доме моего отца, у тетушки Сони. Жил я там в 1938-м году, кажется, только одно лето. В это лето там жили и мои двоюродные брат и сестры, Боря, его родная сестра Инна и двоюродная Ксения. Возраст наш был тогда: Боря 12 лет, Инна и я по 10 лет, а Ксене было 7 лет с половиной.

Прежде всего, следует сказать о купании в реке. Купаться было очень удобно, река была в конце сада, и мы, дети, купались очень часто, иногда по несколько раз в день. Во время этих купаний мы научились плавать. Меня учил отец, поддерживая поперек тела, а я, болтая руками и ногами, постепенно нащупал нужный ритм их совместной работы, который в ходе нескольких купаний закрепился и сохраняется у меня и поныне. Правда, плаваю я всю жизнь "по-собачьи", какого-либо спортивного стиля плавания я не освоил. Отмечу, однако, что, будучи упитанным мальчиком, я обладал способностью неподвижно, не шевелясь, лежать на поверхности воды сколь угодно долго. Для этого я ложился на поверхность воды, широко раскинув руки, и опускал затылок в воду. Это мое "искусство" значительно повышало мой авторитет среди детей, что было очень кстати, потому что в подвижных играх "на суше" я отнюдь не отличался. Упомяну кстати, что изредка я купался и в Становой Рясе (в другие годы), когда кто-нибудь из взрослых из дома дедушки Миши сопровождал меня к реке. В

подвижные игры мы (четверо родственников) играли, я принимал в них участие, но без большого удовольствия, а следовательно, и без заметного успеха. Играли мы также и в торговлю, в "магазин", где "продавали" и "покупали" всякие мелкие предметы, мелкие овощи и фрукты. Девочки иногда играли в куклы, изредка даже я принимал в этом какое-то участие, но недолго. Часто мы играли в прятки, причем иногда в таких играх принимал участие живший тогда в Раненбурге мой дядя Коля (Николай Иванович), тогда еще молодой, около 40 лет. Однажды он так хорошо спрятался (залез на дерево и тихо сидел там), что мы, дети, как ни искали, не смогли его найти. Ходила среди нас, детей, и такая байка. Однажды в сумерки дядя Володя, живший в то лето с нами, пошел в сумерки на реку купаться, один. Вылезая из воды, он, якобы, увидел в воде какую-то нечисть, пытавшуюся утянуть его в воду. Тогда он громко крикнул: "В чем дело!?", и нечисть от него отстала.

Из животных там был только рыжий кот по имени Болван (Болваша, Баваша), любимец тети Сони; он, как кот, всегда гулял сам по себе, мы его почти и не видели. В отличие от дома Барабановых, в доме на Ленинской улице мне доводилось играть с собакой-дворняжкой деда Николая, Шариком. Играя с ним, я иногда привязывал к его хвосту какой-нибудь предмет, или просто прыгал вместе ним. Однажды во время таких игр Шарик, обидевшись на меня (и вполне справедливо) слегка прихватил зубом мою руку, на ней и теперь имеется еле заметный маленький шрам. Летом во время житья в Раненбурге меня мыли преимущественно в реке. Я заходил в воду Ягодной Рясы по колено, а мой отец, засучив брюки и вооружившись мылом и мочалкой, мыл меня, в том числе и голову. Впрочем, иногда, когда отца не было в Раненбурге, меня мыли дома, в корыте: что было значительно сложнее. Как мылись взрослые, я знаю очень мало. Однажды я застал деда Николая моющимся в так называемом пересеке. Пересек — это широкая, но невысокая деревянная кадушка, слегка расширяющаяся кверху, похожая на половину бочки (отсюда и название). Моющийся садится в него на дно (или на поставленную внутрь скамеечку) и в таком положении моется. Как мылись мои прочие родственники, не знаю. Никаких упоминаний о бане тогда в доме не было. Впрочем, отец иногда, как и я, мылся в реке.

Скажу еще об одном моем занятии типа игры, об игре в карты. Оговорюсь, что игра наша была вполне невинна, в ходе ее никогда не фигурировали какие-либо материальные ценности, деньги и т. п. Играли мы, четверо родственных детей. Игры были в "дурака" (подкидного), в "пьяницу" (игра вдвоем); особенно мы любили играть в "короля". В этой игре полагалось по определенным правилам брать "взятки", собирая карты всех игроков. Набравший наибольшее число взяток (и с наиболее "ценными" картами) получал титул "короля" и небольшое преимущество в начале следующего кона игры — право первого захода. Набравшие меньшее число очков во взятках назывались, в порядке количества очков, "принц", "мужик" и "подчищала". (Последнее слово означает, по В. И. Далю, мелкий воришка). Такая своеобразная социальная иерархия. Для игры мы часто устраивались прямо на полу (в доме было достаточно незанятого места в зале) и играли, сидя "по-турецки" (поджав под себя скрещенные ноги).

Интересно, что в карты играли в Раненбурге и взрослые люди. В конце 30-х годов, когда я стал постарше, принимал участие в доме тетушек Зои и Шуры в игре в карты взрослых. Обычно под вечер и вечером, освободившись от дневных дел, взрослые собирались в зале, садились за большой стол, обычно четверо, иногда и вшестером, и играли исключительно в подкидного дурака (конечно, только "ради интереса", то есть без каких-либо денег.) Играли две моих тетушки и живший у них в то время квартирант, студент педагогического техникума, обычный деревенский парень лет 20

из села Журавинки (около 10 км. от Раненбурга в сторону Москвы), которого всегда называли Николай Федорович (как же, человек учится и скоро станет учителем). Кроме того, в Раненбург летом нередко приезжали из тех же Журавинок две сестры, пожилые учительницы начальной школы, незамужние, приятельницы тети Зои, по фамилии Дмитриевские, Павла Николаевна и Любовь Николаевна. По происхождению они были из семьи священника. Старшая из них, Павла Николаевна, была членом ВКП(б), и тогда недавно ей дали аж орден Ленина за долгую, плодотворную работу. Приезжая в Раненбург, они всегда останавливались на 2 – 3 дня в доме тети Зои и охотно принимали участие в карточной игре, так что собиралось общество 6 человек, включая меня. Отмечу, что такие игры были в нашем доме в 1939-м году. А когда я приехал в Раненбург летом 1940-го года, наступающая война дохнула своим леденящим дыханием на наш патриархальный дом. Николая Федоровича уже не было в живых: в конце 1939-го года он был мобилизован в армию, послан Финляндию и вскоре погиб на советско-финской войне. Но я к 1940-му году уже довольно сильно пристрастился к чтению (об этом ниже).

Скажу еще здесь, что у тети Зои тогда длительное время жила очень пожилая дальняя родственница по имени Евдокия Петровна. Она всю жизнь была домашней хозяйкой, и после смерти мужа (1935 или 1936-й год) по имени Михаил Иванович, переселилась к тете Зое, так как жить одной, видимо, уже не могла. Михаил Иванович, по разговорам, до 1917-го года занимался какой-то коммерцией, а после того жил, видимо, в пренебрежении. У него был какой-то, по рассказам, маленький домик-развалюха, где-то близ реки Ягодная Ряса на низком месте, так что Евдокия Петровна, видимо, без сожаления оставила его и жила у тети Зои до самой своей смерти, довольно долго, по моему, лет 10. Была это тихая старушка, совсем незаметная, ни в какие дела не вмешивалась, в карты не играла. Не знаю, получала ли она пенсию.

Чтобы закончить тему о гостеприимстве и общительности тети Зои, скажу еще о двух сестрах, крестьянках из села Соловые, по имени Марфа и Матрена (фамилии их не знаю). Последняя была несколько лет моей няней, когда я был маленький, и жила несколько лет в нашей комнате в Москве, о чем еще скажу подробнее в разделе о жизни в Москве. Эти крестьянки были хорошие знакомые тети Зои и, иногда приезжая в Раненбург, навещали ее, иногда с ночевкой, и даже привозили немудреные деревенские подарки. Это были незамужние пожилые женщины, и в отличие от большинства своих земляков, состоявших в колхозе, были единоличницами. Как видно, были на селе и такие, в виде исключения. Им оставили очень небольшой приусадебный участок, они его обрабатывали и этим кое-как кормились. Впрочем, помню, что Марфа, приехав однажды в Раненбург, остановилась на день у тети Зои и привезла в подарок небольшой мешок отменного картофеля. Марфа была женщина крепкого сложения, она в основном и работала на участке, а Матрена (Матрена Павловна, как ее называл отец) была более хрупкого сложения, несколько нервная и болезненная. О ней подробно расскажу ниже.

Теперь расскажу о моих дальних прогулках, по окрестностям Раненбурга. В этих прогулках меня, конечно, сопровождал кто-нибудь из взрослых.

Один из таких маршрутов — в поля, в сторону бывшего монастыря; я неоднократно ходил туда с дедом Николаем Гавриловичем. По-видимому, именно в этих местах прадедушка Гавриил Егорович когда-то ловил перепелов, возможно, на продажу. К бывшему монастырю мы никогда близко не подходили, только издали видели его руины среди буйной зеленой поросли. Одну из таких прогулок я вспоминаю, тогда дед варил кашу, так называемую "сливуху". Обойдя руины монастыря, мы взяли несколько

правее и остановились близко от берега Становой Рясы. Там дед развел костерок, на котором в котелке (на таганке) сварил пшено, с добавлением сала, в большом количестве воды. Когда пшено сварилось, избыток воды сверху котелка он слил, а кашей угостил меня. Скажу откровенно, такая каша мне не понравилась, но экскурсии с дедом Николаем были интересны, в частности, он знакомил меня с некоторыми степными травами. Вообще, дед Николай много и охотно общался со мной, что я тогда, конечно, не ценил, принимая за должное, о чем с сожалением и рассказываю.

Помню еще одну прогулку, на этот раз лодочную. На лодке по Ягодной Рясе в 1938-м году нас, детей Барабановых, возил дядя Коля. В заимствованной у дальних соседей лодке мы отправились на поиски чилимов. Чилим — это водное растение, водяной орех. Растение это было распространено во всей средней полосе России, но теперь оно редкое из-за широко практикуемой усиленной добычи его. Мы поплыли на лодке вниз по Ягодной Рясе мимо садов, в том числе нашего, миновали город и проплыли некоторое расстояние по направлению к слиянию Ягодной и Становой Ряс. Вскоре после выезда из города достигли широкого речного разлива с множеством мелких (заросших травой) островков и проток между ними. Возможно, это были плавучие островки на каких-нибудь корягах или подобном. Поплавав среди этих островков, мы не нашли чилимов. Возможно, во времена детства дяди Коли (начало 20-го века) они там были, но к концу 30-х годов мы их уже не нашли. После поисков мы вернулись тем же путем обратно. Цели мы не достигли, но воспоминание об этой поездке у меня сохранилось. Много позднее, в 1962-м году я, в сопровождении другого брата моего отца, дяди Володи прошел весь путь вдоль Ягодной Рясы до слияния ее со Становой. Дядя Володя проводил меня на этой прогулке после смерти и похорон моего отца (июнь 1962-го года) с целью отвлечь меня от печальных мыслей, что ему и удалось. Сам же дядя Володя скончался 11 лет спустя.

Еще об одном виде прогулок, или экскурсий, следует рассказать. Мне очень нравилось ходить на железнодорожную станцию, в особенности к прибытию туда пассажирского поезда. Поездов тогда ходило мало, может быть, 2 – 3 (в одном направлении) в сутки. Автобусного транспорта тогда не было. Поэтому железнодорожная станция (большое одноэтажное здание) была людным местом, она была хорошо ухожена, рядом со зданием были разбиты клумбы с яркими цветами, при станции были ресторан и буфет. На перроне была смонтирована подводка кипяченой воды с надписью у крана "Кипяток", чтобы проезжие пассажиры, выскочив на минутку из своего вагона, могли им запастись. На перроне висели старинные часы с двумя одинаковыми циферблатами на две стороны (с точным ходом). К зданию станции был подвешен небольшой колокол. За несколько минут до прибытия на станцию поезда из служебного помещения выходил служитель и ударял в колокол, тогда ожидающие поезда говорили о нем: "Он вышел". Это значило, что поезд отошел от ближайшей к Раненбургу станции: со стороны Москвы от станции Заново или, с противоположной стороны, со станции Снежнеток. Во время стоянки поезда, незадолго до его отхода, опять выходил служитель и ударял в колокол один раз — первый сигнал. Через короткое время он ударял в колокол дважды — второй сигнал. После этого очень скоро громко свистел в свой свисток главный кондуктор поезда, как тогда говорили. Тотчас после этого машинист паровоза давал гудок, и поезд трогался. В то время локомотивами на железной дороге были паровозы, к которым цепляли закрытый железный вагон — тендер с запасом угля и воды для паровоза. Иногда паровозы проезжавших поездов подпитывали водой из высоких колонок, смонтированных вблизи от рельсовых путей по обе стороны от вокзала. В настоящее время эти колонки демонтированы. Во время моих нередких прогулок на станцию меня обычно сопровождала тетя Шура. По дороге на станцию справа был небольшой пустырь, почему-то заросший малиной. Сквозь

неплотный забор прямо к пешеходной тропинке высывались ветки малины, иногда с красными ягодами, которые я по пути к станции пощипывал.

Здесь нельзя не сказать о двух в известной степени отрицательных моментах железнодорожного сообщения 30-х годов. Во-первых, летом, особенно в конце лета из Раненбурга было очень трудно уехать в Москву. В то время в этом направлении ходило очень мало поездов, в каждом из которых было в 1,5 – 2 раза меньше вагонов, чем практикуется теперь (паровозная тяга не очень-то мощная). Да и вагоны тогда вмещали заметно меньше пассажиров, чем теперь. Поезда ходили относительно медленно, а пассажирский поток был очень велик, так как тогда сельское население было еще многочисленным, а снабжение провинциальных жителей элементарными продуктами потребления было значительно хуже, чем москвичей. Кроме того, Раненбург был промежуточной станцией на маршрутах поездов, и предварительная продажа билетов тогда в Раненбурге не практиковалась. Поэтому приобретать билеты на поезд нужно было в день отъезда, за час до прибытия поезда в Раненбург. Так как желающих уехать было очень много, а билетов в продажу предлагали мало, то у билетной кассы порядок (очередь) нарушался, была невероятная давка. Однажды, утратив надежду уехать в Москву из Раненбурга, нашей семье пришлось поехать на близлежащую станцию Лев Толстой, откуда, тоже не без труда, удалось уехать в Москву на проходившем там (но не заходившем в Раненбург) поезде Елец – Москва.

Во-вторых, на железных дорогах СССР в 30-х и 40-х годах действовало правило: каждый желающий пройти на железнодорожный перрон, но не имеющий проездного билета, должен приобрести так называемый перронный билет, выплачивая таким образом некоторый налог в пользу железнодорожного ведомства. Стоимость перронного билета была невелика, но для множества встречающих, провожающих и др. это представляло все-таки досадные хлопоты, да и расходы. В 50-х годах это правило было отменено.

Здесь можно упомянуть и о "вокзальной" (перронной) торговле. Почти на каждой железнодорожной станции местные жители предлагали тогда проезжающим и уезжающим различную снедь. Зачастую это были фрукты и ягоды, но не только. На станции Павелец женщины традиционно торговали вареной картошкой, причем приносили ее к поезду только что сваренную, еще теплую, укрытую в кастрюле чистой белой тряпочкой. К картошке предлагали соленые огурцы, иногда ломтики черного хлеба. В Раненбурге летом и осенью всегда приносили к поездам в изобилии яблоки и груши разных сортов, сливы. Для этой торговли около станции были поставлены немудреные открытые деревянные столы (козлы). Теперь же около 10 лет никакой перронной торговли нет, никто не приносит к поездам фруктов, нет и столов, и вообще, железнодорожный вокзал опустел и очень поскуучнел. Нет у вокзала и ресторана, и даже буфета.

Теперь скажу несколько слов о моих посещениях зрелищ в то время в Раненбурге. Помню, что я любил смотреть кинофильмы (никаких телевизоров, радиоприемников даже радиотрансляционной сети тогда в Раненбурге не было). Фильмы демонстрировали тогда в переоборудованном под кинотеатр обширном кирпичном амбаре, расположенном в начале нашей же улицы (Ленина), против городского сада. Но какие фильмы я тогда смотрел, теперь уже не помню.

Иногда были в городе и эстрадные представления, давали приезжавшие передвижные труппы. Помню одно такое, это было цирковое представление (демонстрация фокусов). Для представления был приспособлен небольшой деревянный (видимо, временный)

павильон, стоявший в то время в городском саду, на берегу одного из двух сохранившихся к тому времени прудов. Представление было вечером, но меня все же взяли туда с собой, и я был от него в восторге. Помню, что в середине представления был короткий перерыв, во время которого публика выходила в сад. Было уже темно, на звездном небе ярко светила луна, публика гуляла под высокими тополями около прудов и по мостику между ними. И представление, и этот лунный парковый пейзаж — создали у меня приятное романтическое настроение.

Другие, более серьезные театральные представления, может быть, и были, но я на них не ходил, и их не помню. Краеведческого музея тогда в городе не было, он был организован только в 50-х годах.

Перехожу теперь к моему более "интеллектуальному" занятию — чтению. Едва я научился читать (годам к семи), стал читать с интересом и довольно много, и в частности, во время пребывания в Раненбурге. Когда я еще не умел читать, мне читали (а позднее я сам читал) детские книжки. Из них помню книжку со стихотворением Даниила Хармса (С. Ювашов) "Самовар Иван Иванович". Из него мне нравился стишок о пустом самоваре:

*Наклоняли, наклоняли, наклоняли самовар,
А оттуда выбирался только пар, пар, пар.
Наклоняли, наклоняли, наклоняли, точно шкап,
А оттуда выбивалось только: кап, кап, кап.*

В нашем доме нашлись комплекты старого массового (тонкого) журнала "Нива" за 1911, 1912, 1914-й годы. Я с любопытством листал эти журналы, читал из них мало (заметки типа "Происшествий", биографические справки и т. п.). Помню биографическую заметку о немецком писателе (теперь забытом) Пауле Гейзе, который, впрочем, был награжден в 1911-м году Нобелевской премией. Это был писатель-реалист, но не сатирик, писал "серьезно". Также помню заметку о молодом, очень талантливом, красивом кубинском шахматисте Хозе Рауле Капабланка-и-Граупера (так писали тогда его фамилию). Из художественной литературы там печатались повести и рассказы второ- и третьестепенных русских писателей: И. Н. Потапенко, П. П. Гнедича, С. И. Гусева-Оренбургского, И. И. Ясинского и др. По некоторым из таких произведений, я скользил глазами, однако, не вчитывался в них. Из поэтов там печатали К. М. Фофанова. Для меня дополнительно брали на время в одном из соседних домов (помню точно, в каком именно) комплекты "Нивы" за 1914-й и 1915-й годы. Это было уже военное время, и военные действия там, конечно, отражались. Помню карикатурные рисунки с изображением бравого казака Козьмы Крючкова (персонаж типа позднейшего Василия Теркина), нанизавшего на свою пику (тогда оружие казаков) чуть ли не десяток вражеских немецких и австрийских солдат. На другом рисунке на пике у Козьмы болтался германский император Вильгельм 2-й с карикатурно длинными усами.

На день моего рождения 17-го июля 1937-го или 38-го года подруга моей матери Мария Ивановна Правдолюбова (жившая в Ленинграде, но приехавшая летом в родные места) подарила мне книжку М. Ильина (Илья Маршак, брат поэта С. Маршака) "Сто тысяч почему". Это была написанная для детей познавательная книжка, содержащая занимательные рассказы по истории частной жизни, быта и бытовых приспособлений людей (мебель, посуда и т. п.). Эту книжку я читал и неоднократно перечитывал с захватывающим интересом.

Читал я в Раненбурге, и с удовольствием, небольшой, но содержательный томик избранного Пушкина, полученный когда-то моим отцом в награду за школьные успехи. Позднее году в 1940-м я с удовольствием читал старые (изданные до 1917-го года) учебники по истории (хрестоматия по русской истории, учебник античной истории), принадлежавшие моей тете Шуре, преподавательнице истории в средней школе. Последняя из названных книг, возможно, была написана историком Д. И. Иловайским, уроженцем Раненбурга (о нем скажу ниже).

Была в Раненбурге библиотека, размещавшаяся тогда в кирпичном одноэтажном доме, довольно большом, на улице Горького (Рязанской) вблизи от улицы Советской (Козловской). Ныне это здание не сохранилось. Я этой библиотекой уже в 30-е годы пользовался, брал оттуда и читал, в частности, научно-фантастические произведения. Помню, я брал там и с удовольствием читал научно-фантастический роман А. Адамова о подземном путешествии с помощью мощного землеройного "подземного корабля".

К вопросу о железнодорожном сообщении добавлю здесь, что в 1940-м году, когда я подросток и немного вошел в разум, то приехал из Москвы в Раненбург один, без сопровождающего взрослого. В Москве родители посадили меня в вагон поезда, поручив проводнице присмотреть за мной и предупредить о выходе в Раненбурге. Впрочем, я и сам тогда уже хорошо знал маршрут движения поезда. Родители телеграфно известили тетюшек о моем приезде, и они встретили меня на станции. Поездка эта была во второй половине июня того года, так как я помню, что в мае и первой половине июня я следил в Москве по газетам за вспышкой активных военных действий в Западной Европе.

Здесь скажу о некоторых специфических, как мне кажется, для Раненбурга выражениях, бытовавших в речи моих простодушных раненбургских родственников. Слышал я там выражение "ходит, как на форбосах" — о человеке самодовольном, чванливом. Также были выражения "лони", "в лонешнем году" о прошедшем (прошлом) годе; прибавление окончания "ть" к некоторым словам, например "надоть" вместо "надо". Позднее я сообразил, что "на форбосах", видимо, искаженное "на форпостах", наследие военного прошлого города. Два последних выражения — это архаизмы, перешедшие в нашу речь, возможно, из древнерусского или древнеславянского языков. Примитивный светильник назывался каганец, по свидетельству Н. В. Гоголя, украинское слово. Из истории же известно, что в южной части Липецкой области были поселения украинцев, переселившихся туда во время военных действий на Украине в 17-м веке.

В заключение этого раздела выскажу некоторые общие соображения о себе самом во время моего пребывания в Раненбурге в 30-е годы 20-го века. Я жил в семьях моих родственников, в которых совершенно не употребляли алкоголь, следовательно, была мягкая, благожелательная психологическая атмосфера. К тому же я почти все это время был единственным ребенком среди многих взрослых, и ко мне всегда было благожелательное отношение, мои желания почти всегда исполнялись. Правда, я был ребенок послушный, возможно, слишком послушный. Не стремился к обществу сверстников (кроме детей-родственников), поэтому почти не играл в коллективные детские игры. Я был скромный, застенчивый ребенок, но любознательный, любитель чтения, и скорее не развлекательного, но познавательного. Впоследствии обнаружилось, что у меня неплохая память и некоторая способность к познанию окружающего мира, в том числе и к пониманию некоторых, не слишком глубоких абстрактных понятий. Более подробно я скажу об этом в следующей части моих заметок (о моей жизни в 30-х годах в Москве), здесь же выражу, хотя и с большим

опозданием, мою глубокую благодарность к ушедшим уже предкам и раненбургским родственникам за их любовь и доброе отношение ко мне, и за те результаты их воспитания меня, которые помогли мне, плохо ли, хорошо ли, прожить мою жизнь и исполнить мой долг человека и связующего звена в родовой цепочке.

Кратко о здравоохранении в Раненбурге

Как известно, одной из важнейших функций малых городов является поддержание здоровья жителей города и близлежащей сельской местности. Мне трудно дать более или менее полную характеристику о состоянии здравоохранения в городе в 30-е годы прошедшего века, поэтому сообщу здесь некоторые известные мне единичные факты и попытаюсь высказать итоговые соображения.

Мне не известно, когда было организовано в городе общественное здравоохранение. Вероятно, еще в 18-м веке существовало какое-то помещение, в котором работал признанный властями и обществом врач, оказывавший больным людям квалифицированную помощь.

Имеются сведения по этому вопросу на 1859-й год. В этом году в городе уже действовала больница. По 1883-му году имеются сведения об одной деревянной земской больнице и одном детском приюте. Позднее, в 1910-м году было уже каменное здание земской больницы на 59 коек; прежнее деревянное здание осталось также за больницей. В городе были в этом году 2 аптеки и один аптечный магазин, работали 5 врачей, 5 фельдшеров и один дантист (зубной врач). В упомянутый год в больнице работал, среди других, земский врач И. Ф. Сушков, лечивший в 1936-м году мою бабушку Надежду Ермолаевну во время ее последней болезни.

Далее я, за неимением обобщенных сведений за 30-е годы, кратко скажу о том скромном участии, какое приняли в усовершенствовании здравоохранения в городе мои ближайшие родственники: мать Барабанова (урожденная Рыжкова) Екатерина Михайловна и тетушка Зоя. В 1922-м году мать поступила для обучения на медицинский факультет 2-го Московского Госуниверситета. Закончив обучение в университете, мать, уже в качестве врача-стажера, работала в 1929-м – 1931-м годах участковым врачом в селах близ Раненбурга и в самом городе по совместительству заведующей районной малярийной станцией. Во время стажировки она училась у опытных заслуженных уважаемых раненбургских врачей. Это были: хирург Александр Николаевич Боголюбов, терапевты Ольга Федоровна Спаская (супруга Боголюбова) и Вартанес Христофорович Вартанесьянц, окулист Александр Феодосьевич Капустин и другие. Этих своих наставников мать всегда вспоминала с уважением и благодарностью.

После бурных политических событий 1914 – 1922 годов в стране для поддержания здоровья населения прилагались большие усилия. Было необходимо пресечь массовые инфекционные заболевания (оспа, туберкулез, малярия и др.), косившие людей, особенно сельских жителей.

Моя тетя Зоя Михайловна Рыжкова посещала занятия кружка первой помощи РОКК (Российского Общества Красного креста) в Раненбурге в 1922-м или 1923-м году, получила свидетельство об окончании курса этих занятий и стала работать медработником в местной больнице. Вначале она защищала население от оспы, работала оспопрививательницей: ходила и ездила по окрестным селам и делала

прививки анатоксина (обезвреженного токсина) оспы всем крестьянам, без исключения, что предохраняло их от заболевания оспой. Такие же прививки получило и все сплошь городское население. Крестьяне ценили эти заботы о них, уважали и долго помнили тетю Зою.

После победного окончания борьбы с оспой тетя Зоя работала медсестрой в районном туберкулезном диспансере, где заведовала врач Анна Алексеевна Каринская, жившая на той же, что и тетя Зоя, улице Ленина в доме напротив нее. Серьезная борьба с туберкулезом стала возможной только после открытия английским микробиологом А. Флемингом (1881 – 1955 гг.) антибиотика пенициллина (1929-й год). Однако только с конца 40-х годов антибиотики стрептомицин и ПАСК стали успешно применяться для лечения больных туберкулезом. В продолжение немногих лет болезнь эта была побеждена и отступила. Тетя Зоя активно участвовала в борьбе против нее, работая в тубдиспансере до выхода на пенсию приблизительно в середине 50-х годов.

Скажу здесь, что раненбургский зубной врач Антонина Николаевна Рыжкова — моя двоюродная тетя, работала врачом приблизительно с 1940-го по 1994-й год.

Из всего сказанного следует, что после событий 1914 – 1922-го годов новая власть, утвердившаяся в России, принялась активно восстанавливать и улучшать здоровье населения, которое, особенно, сельские жители, очень в этом нуждалось. И в результате этих работ были достигнуты в течение 20-х – 40-х годов прошлого века значительные успехи.

О народном просвещении в Раненбурге

Другой важной функцией малых городов является распространение просвещения среди населения города и окрестной сельской местности. Это предусматривает в первую очередь учреждение школ и разного рода училищ, и управление ими. В Раненбурге уже от его образования развивалось народное просвещение. В 1778-м году (год преобразования слободы в город) там уже действовало начальное народное училище — однокомнатная школа при одном учителе.

В 1858-м году в городе имелись уже два училища: уездное и церковно-приходское. Они существовали уже в 40-х годах 19-го века, так как будущий известный историк Д. И. Иловайский, уроженец Раненбурга (род. в 1832-м году), получил начальное образование в каком-либо из них, а для продолжения образования он уехал в Рязань, где и окончил гимназию в 1858-м году. В 1866-м году было уже три училища: уездное, приходское (городское), а также духовное.

Уже в 1910-м году в городе были две гимназии: мужская и женская. Образование в них было бесплатным (на средства земства). В этом году в городе грамотных насчитывалось 37%, в уезде 19%, в двух гимназиях с 305 учащимися было 11 учителей; в трех низших учебных заведениях было 13 учителей и 550 учеников. В городе было в этом году 534 чел. с высшим и 815 чел. со средним образованием.

Далее, за неимением обобщенных сведений о состоянии просвещения в Раненбурге в 30-х годах 20-го века, сообщу некоторые единичные сведения о скромном вкладе членов семей моих отца и матери в народное просвещение в Раненбурге в первой половине того века.

В начале 20-го века в Раненбургской гимназии учились моя тетья Александра Михайловна Рыжкова и ее сестра, в будущем моя мать Екатерина Михайловна. Учились они хорошо, моя мать получала ежегодно в награду за успехи в учебе книги: однотомники сочинений Пушкина, Гоголя и Жуковского, весьма полные собрания, которые впоследствии, в 30-х годах и я читал в Москве. Тетья Шура, получив высшее образование, стала учительницей истории и в 30-х – 50-х годах преподавала историю в Раненбурге вплоть до выхода на пенсию. Мой отец, его братья Владимир и Николай и сестра Варвара, вероятно, тоже учились в то время в раненбургских гимназиях. Окончив их, четверо из них учились в ВУЗах, и двое стали инженерами, а один — агрономом.

Екатерина Михайловна после окончания гимназии стала в 1919-м году работать учительницей в начальном классе школы села Петелино (близ Раненбурга), с 1920-го года работала руководительницей детского сада в Раненбурге. В 1918-м году был организован и открыт Раненбургский Институт народного образования (РИНО). Екатерина Михайловна, совмещая работу с учебой, стала с 1918 учиться в РИНО, в институте преподавали видные ученые и педагоги: квалифицированный логик и психолог, уроженец Раненбурга Николай Дмитриевич Левитов, математик и педагог Константин Николаевич Рашевский. В августе 1922-го года Екатерина Михайловна окончила институт, сдав зачеты и практические работы по 28 предметам, и прослушав курсы (без сдачи зачетов) еще по 6 предметам. Сдав зачеты, она стала кандидатом на квалификацию школьной работницы (преподавательницы) второй ступени, и получила 22 августа свидетельство об этом за подписью председателя квалификационной комиссии Тверитинова, преподавателя Рашевского и др. (Н. Д. Левитов еще в 1921-м году уехал в Москву и стал работать там). 25 сентября того же года решением Рязанского губернского Отдела народного образования ей была присуждена указанная квалификация. Следует отметить, что в том же институте учился и окончил его ее будущий супруг (и мой отец) Леонид Иванович Барабанов. Оба они в августе 1922-го года уехали в Москву для продолжения образования. С этого года Екатерина Михайловна переменяла род своих занятий и до самого выхода на пенсию работала в области медицины.

Что касается РИНО, то в этом своем качестве он существовал недолго, уже в 1922-м году он был преобразован в педагогический техникум, а в конце 40-х (или в начале 50-х) годов этот техникум был преобразован в сельскохозяйственный. В настоящее время на базе этих техникумов работает сельскохозяйственный колледж.

В Раненбурге училась также Татьяна Алексеевна Левитова, дочь музыканта Алексея Дмитриевича Левитова. В настоящее время заслуженная учительница Т. А. Коновалова (Левитова) живет в г. Пенза.

Осмысливая сообщенные выше скудные сведения (или обрывки сведений) о развитии просвещения в Раненбурге, следует сказать, что необходимое образование населения в городе в значительной степени осуществлялось. Причем, на мой взгляд, особенно значительный рост уровня образования наблюдался в пореформенное время (после начала 1860-х годов) и после окончания военных и политических событий начала 20-го века. В эти периоды был заметный взлет уровня просвещения, и были достигнуты успехи на этом направлении. Но после взлета, по-видимому, был некоторый застой (например, снижение статуса высшего учебного заведения в Раненбурге до среднего). Впрочем, сведениями о развитии просвещения в городе в середине 20-го века и по сие время я не располагаю.

Замечания о развитии архитектуры в Раненбурге

Скажу здесь об архитектуре города довольно подробно, потому что архитектурный облик его строений оказал, по-видимому, некоторое влияние (хотя и воспринимаемое бессознательно) на становление моего душевного облика.

Архитектура относится, прежде всего, к числу изящных искусств; архитекторы, как правило, заботятся об эстетической ценности возводимых ими строений, поэтому эти строения в любой местности оказывают эстетическое влияние, эстетически воспитывают людей, в том числе подрастающее поколение, по крайней мере, тех подростков, которые от природы в достаточной мере восприимчивы к такому воздействию. Оглядываясь на прошедшие годы, рискну предположить, что я оказался в какой-то мере восприимчив к такому эстетическому воздействию, которое, однако, в годы моего становления воспринималось мною совершенно бессознательно. Проходя мимо строений, даже эстетически очень ценных, я только бездумно скользил по ним взглядом, но позднее (много позднее) мне стало ясно, что это зрительное восприятие не прошло для меня бесследно, какой-то след в моем сознании остался.

Раненбург — относительно молодой и сугубо провинциальный город, поэтому строения его, возведенные по индивидуальным проектам, не блещут ни своим значительным числом, ни выдающейся красотой, они довольно скромны по внешнему облику. Один из выдающихся российских ученых — естествоиспытатель и географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, живший недалеко от Раненбурга и неоднократно в нем бывавший, полагал, что с архитектурной точки зрения город неинтересен, в нем имеются только множество церквей, и лишь немногие старинные здания, оставшиеся от времен Петра Первого, представляют некоторый интерес. Оценивая теперь архитектуру города, думаю, что он не совсем прав. Здесь следует иметь в виду, что архитектура, как правило, "на своем языке" отражает историю и социальный облик города, где возводятся строения, а так как Раненбург с этих точек зрения не безинтересен, то и архитектура строений его, хотя и немногочисленных и, конечно, эстетически скромных, все же какой-то интерес представляет. По этой причине попытаюсь кратко охарактеризовать, в меру умения, архитектуру наиболее существенных с этой точки зрения строений города.

От "допетровского" периода истории города (слободы), конечно, ничего не сохранилось (те строения были деревянные). Из старинных сооружений времен царя Петра и Меньшикова сохранилось только одно здание, стоявшее внутри крепости. Это здание представляет собой небольшое двухэтажное строение с низким первым этажом. В исторические времена в нем размещалось казначейство. В 30-х годах 20-го века в нем была тюрьма, в 50-х — баня. Начиная с 70-х годов, дом пустовал и разрушался, но в 1998 – 2001-м годах он был отреставрирован, в частности, было восстановлено высокое крыльцо с наружной лестницей и входом на второй этаж. Назначение этого дома теперь мне не известно. Во времена Семенова-Тянь-Шанского (середина 19-го века) еще сохранялось несколько строений времен Петра и Меньшикова, которые использовались тогда как административные здания. Были видны еще и остатки крепости, во всяком случае, сохранялись рвы и отчасти земляные валы.

Кроме описанного выше, от петровских времен сохранялись, до середины 90-х годов 20-го века руины арсенала, "военного магазейна", то есть, склада, устроенного на бывшем в начале 18-го века острове к юго-востоку от города. Эти развалины, располагавшиеся на маршруте моих частых переходов от дома Рыжковых к дому Барабановых на Островской улице, при таких переходах постоянно попадались мне на

глаза, но я не знал тогда, что это развалины исторические. По словам моего отца, здесь когда-то была салотопня, где вытапливали сало из трупов животных для изготовления мыла. Может быть, и так, но здание это было построено и еще раньше использовалось как военный арсенал.

В конце 18-го века были составлены генеральные планы застройки городов России, в частности, и Раненбурга (1789-й год). К этому времени крепость заметно разрушилась, а здания в ней обветшали. Однако, составленный план расположения улиц имел одной из целей сохранить в будущем как местонахождение этих старых сооружений, так и форму пятиугольной крепости.

Сложившаяся к тому времени застройка вокруг крепости, в основном соответствовавшая ее форме, в новом генплане была подтверждена и сведена в геометрически правильную систему. Начертание кварталов и сетки улиц принято полностью отвечающим форме пятиугольника крепости. В плане города четыре расположенных веерообразно улицы были направлены к воротам и болверкам (бастионам) ее и сходились в геометрическом центре исторической застройки.

Перпендикулярно веерообразным улицам располагались четыре улицы, так что образовалась сетка улиц, похожая, по плану, на паутину. Все улицы были прямые, но те из них, которые располагались по периферии крепости, делились (как бы ломались) на две части, углы между частями (около 120 градусов) расположены параллельно друг другу (как бы входя один в другой). В восточной части города параллельно крайней веерообразной улице располагались еще две улицы, шедшие от одной омывающей город реки до другой. В дальнейшем велась застройка этих исторических улиц, а во второй половине 19-го века город "выплеснулся" за пределы генплана, но и новая застройка велась применительно к исторической: появились две, тоже прямые, улицы, параллельные периферийным с внешней стороны "паутины".

Так Раненбург получил, на основе преемственности, ярко выраженное самобытное лицо, сохранившееся до нашего времени. Город в этом отношении похож на Санкт-Петербург. Замечу, что во второй половине 20-го века город продолжал расширяться, и план этой новой застройки в основном соответствовал историческому.

Перед крепостью было предусмотрено создание большой площади, с расчетом на длительную перспективу развития и застройки города. По плану на ней размещались городской магистрат и купеческие дома с лавками. Эта площадь в то давнее время называлась Красной. В настоящее время на ней также расположены административные здания (администрация района, почтовое отделение с телеграфом и телефонным узлом), а также районная библиотека и Дом культуры. Здесь же расположен и Краеведческий музей, размещенный в помещении бывшей церкви Вознесения.

Эта церковь — одно из старейших зданий города. Судя по ее архитектуре, она была построена не ранее середины 18-го века. Это — восьмерик на четверике, крытый одним большим куполом, с одной апсидой и небольшим барабаном типа бельведера вверху. В середине 19-го века к ней была пристроена трапезная (стиль — эклектика) и колокольня, которая не сохранилась. В 30-е годы 20-го века церковь служила складом и неплохо сохранилась, а в 70-х – 80-х годах была отремонтирована и приспособлена под музей.

В восточной части города была устроена еще одна, также обширная, торговая площадь размером 150 на 170 м. На ней и теперь собирается базар (рынок), ее окружают старинные дома, приспособленные для торговли, принадлежавшие прежде богатым

купцам. Два или три таких дома, построенные в начале 19-го или в самом конце 18-го века, расположены на северной стороне площади, два — на восточной стороне. Дома эти обычно двухэтажные, в первом этаже была обширная лавка, во втором жилое помещение с высокими потолками. Под домом в подвале — склад товаров, некоторые дома имеют входную шахту для складывания через нее товаров в подвал непосредственно с улицы.

Всю южную сторону этой площади занимает огромный (по масштабам уездного города) Троицкий собор. Это здание построено в традициях русского позднего классицизма (архитектор Н. Воронихин из Рязани) в 1806 — 1826-м годах. Собор двухэтажный, первый этаж — теплая зимняя церковь, второй — холодная (неотапливаемая) летняя. В плане церковь квадратная, увенчана пятью мощными куполами, с трех сторон ее расположены портики с четырьмя полуколоннами. К церкви примыкает стройная 4-ярусная колокольня с длинным шпилем, построенная в 1836 — 1838-м годах по проекту рязанского архитектора А. Биндемана. Можно отметить, что угловые рустованные пилястры церкви и чрезмерно удлиненный шпиль несут на себе печать 18-го века. До революционных потрясений 20-го века на колокольне висели колокола, самый большой из них назывался "Распоповъ" и весил около 570 пудов (свыше 30 т.), звон его разносился вокруг на расстояние 20 км. Величественное здание собора и в наше время представляет собой вертикальную доминанту города, в исторической своей части и поныне застроенного одно- и двухэтажными домами.

В 30-е годы богослужения в соборе были прекращены, помещение его не использовалось, за исключением небольших частей нижней церкви. Там был размещен москательный магазин (нефтелавка), в котором продавался важный для провинциальной жизни товар — керосин. Рядом с этой нефтелавкой работала маленькая мастерская по ремонту велосипедов. За годы, когда помещение собора не использовалось (естественно, и не ремонтировалось), здание стало разрушаться, пострадали стены и кровля, завалился один купол. В 90-х годах началась реставрация собора, к 2000-му году она была успешно закончена (проведена под руководством раненбургского архитектора-реставратора Ю. Завьялкина).

На Соборной (она же Торговая) площади вблизи собора расположен дом, принадлежавший в прошлом семье купцов Чаплыгиных, предков знаменитого математика Сергея Алексеевича Чаплыгина. Перед этим домом в небольшом скверике установлен бюст ученого. Дом же этот старый, постройки времен начала 19-го века. Дом сильно обветшал и подлежит ремонту, а после ремонта намечено передать его православной церкви для размещения в нем духовного училища.

На торговой площади были построены в 1835 — 1836-м годах торговые ряды — два высоких одинаковых одноэтажных здания; они были расположены вдоль Козловской дороги визави друг к другу. Здания эти имели обширные, глубокие подвалы. В настоящее время одно из этих зданий утрачено, а другое используется по назначению, там размещены мясные и молочные ряды.

К периоду господства классицизма в архитектуре относятся, по-видимому, еще два здания в городе — школа (гимназия) на Крепостной (Ленина) ул. и гостиница на Козловской (Советской) улице. У этих зданий толстые стены, узкие высокие окна. Они были построены, вероятно, в 40-е — 50-е годы 19-го века. В это же время, в середине 19-го века на кладбище была выстроена церковь Успения Богоматери. Это небольшое однокупольное, квадратное в плане здание; с севера и юга у церкви декоративные портики с полуколоннами. Церковь с 30-х годов 20-го века не использовалась, поэтому

значительно пострадала — обрушилась часть купола, отсутствует пол, повреждены стены. Церковь по сию пору стоит в запустении, однако, по имеющимся сведениям, готовится ее реставрация. При церкви расположено кладбище. Оно было окружено прочной оградой (сохранилась лишь часть ее), вход со стороны города был через ворота и калитку. Над воротами на высоком перекрытии их была написана в красках сцена похорон Богоматери, и написана фраза из Евангелия: "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы". В настоящее время религиозная картина и надпись не сохранились.

Вероятно, к этому же времени относится здание пожарной каланчи на улице Мещанской (Кирова) и двухэтажный дом на углу улиц Крепостной и Широкой (Ломоносова), стены нижнего каменного этажа его, где когда-то был трактир, украшены скромным кирпичным узорочьем. Второй этаж этого дома деревянный. В 30-е годы в этом доме жила семья Елфимовых, хороших знакомых моей тетушки Зои.

Вторая половина 19-го века характеризуется в России ускорением развития экономики в целом, в частности, успехами в строительстве и расцветом торговли, на основе частной и личной собственности. Этот сдвиг отразился и в архитектуре строений города. Во второй половине 19-го века (начиная с 1861-го года) было построено довольно много добротных, обычно двухэтажных купеческих домов. Часто их первые этажи (лавка, склад товаров) был каменным (кирпичным), а второй (жилой) деревянным, но иногда дом был целиком каменным. Некоторые такие дома сохранились и поныне, например, на улицах Рязанской (Горького), Нижней (К. Маркса), на съездах к рекам, омывающим город. Следует отметить двухэтажный дом купца Кеменова на Козловской улице (угол Крепостной), где теперь помещается Дом культуры, а также дом на углу Козловской и Рязанской улиц (кирпичный низ, деревянный верх), где на первом этаже в 30-х годах была аптека, а на втором туберкулезный диспансер. Теперь в этом доме районная бактериологическая лаборатория. На сходе к Ягодной Рясе (ранее Посадская ул.) стоит большой каменный дом бывш. Братьев Федоровых, державших в нем трактир. Отмечу также одноэтажный обширный дом купца Петра Распопова на углу Торговых площади и улицы, слегка стилизованный под древнерусскую архитектуру Владимиро-Суздальского периода. Ныне в этом доме музыкальное училище. Все эти дома носят след архитектуры эклектического стиля, именно направления его, характеризующегося подражанием древнерусской архитектуре. Скажу кстати, что около аптеки обычно стоял со своей тележкой и торговал мороженым турок. Когда я проходил с отцом мимо него на пути из дома Рыжковых к дому Барабановых и обратно (это было в 30-х годах), отец часто покупал мне порцию мороженого, зажатого между двумя вафельными кружками. Порции были весьма щедрые. Продавалось мороженое двух-трех сортов, наиболее вкусным было лимонное.

В это время был сооружен и ряд общественных зданий. Здесь следует упомянуть прежде всего культовое здание — церковь св. Николая (Никольскую). Церковь небольшая, с пятикупольной кровлей и колокольной, напоминающей шатровую, она имеет черты древнерусского (приблиз. 17 в.) стиля. После 20-х годов церковь использовалась под склад, но без ремонтов понемногу разрушалась. В настоящее время идет реставрация церкви. В аналогичном стиле была сооружена церковь в пригородном селе Кривополянье; эта церковь (единственная в округе) не подвергалась закрытию и функционировала в течение всего 20-го века.

Ко второй половине 19-го века относится и здание больницы на Широкой улице, построенное в 1879-м году при городском голове Петре Радине, отце поэта Леонида и

врача Евгения Радиных, о которых позднее скажу подробнее. Ранее в этом здании размещалось управление земскими учреждениями. Примерно в это же время (и в том же стиле) было построено здание Духовного училища (на углу Рязанской и Нижней улиц), в котором в 1918 – 1922-м годах работал РИНО.

С намеком на древнерусский стиль построены и железнодорожный вокзал, (1890-й год) и рядом с ним водонапорная башня. К этому же периоду относятся еще несколько общественных зданий: двухэтажная каменная бывшая тюрьма на углу Торговой и Нижней улиц, где до конца 19-го века было городское почтовое отделение и телеграф, а теперь просто жилой дом. Также здания военного комиссариата на углу Козловской и Крепостной улиц, школа на Выездной (Свердлова) улице, и др. К этому же периоду относится здание церкви в пригороде Заречье; это здание, в частности его единственный купол, имеет черты древневизантийского стиля. Наконец, следует сказать о нескольких обширных одноэтажных кирпичных амбарах на центральных улицах города (Козловская, Крепостная и др.). Некоторые амбары сохранились по сей день, другие были разобраны на моей памяти. К этим последним можно отнести амбар на углу Козловской и Рязанской улиц, в котором в 60-х годах располагался Краеведческий музей в его начальном варианте. В амбаре на Крепостной улице в 30-х годах помещался кинотеатр, который я любил посещать. В других сохранившихся амбарах теперь размещаются различные магазины.

К концу 19-го века было сооружено единственное здание промышленной архитектуры в городе — кирпичное двухэтажное здание типографии. Прочие небольшие фабричные производства в городе до середины 20-го века специальных каменных зданий не имели.

Расскажу о том, как отразился в Раненбурге архитектурный стиль начала 20-го века — модерн. Коротко говоря, отразился он слабо. Наиболее значительное здание в этом стиле — очень изящный двухэтажный дом бывш. почтового отделения (ныне в нем отделение внутренних дел) на углу Козловской и Рязанской улиц. По-видимому, печать этого стиля (направление — подражание древнерусской архитектуре) проступает на 3 – 4-х зданиях на Козловской улице. В одном из них ранее было отделение милиции, а теперь помещается районный суд, в другом — коммерческие предприятия. Эти два дома характеризуются широкими трехчастными окнами с округленным верхом на первых этажах. И еще в одном небольшом доме-особняке в стиле классического модерна на той же улице располагается районная библиотека. Одно из зданий на Выездной (Свердлова) улице, в котором размещено, по-видимому, какое-то учреждение, оштукатурено и покрашено в солидный серый цвет, являет какие-то намеки на неоклассическое направление модерна. На этой же и на Козловской улицах расположены еще 3 – 4 двухэтажных дома, в первых этажах которых ранее были магазины, построенные в конце 19-го или в начале 20-го века, тоже имеют слабые признаки стиля модерн. Пожалуй, это и все, что можно причислить к стилю модерн. Все же эти дома, если присмотреться и вдуматься, имеют некоторые признаки стиля и, соответственно, некоторое эстетическое значение.

Скажу кратко о последующем домостроительстве в городе. В 20-х – 40-х годах в городе не было построено ничего (кроме небольшого здания электростанции). В 50-х – 70-х годах было построено несколько общественных зданий, характеризующихся невыразительным архитектурным обликом "неоконструктивизма", например, здание районной администрации, новое здание почты, швейная фабрика. Несколько модифицировано только двухэтажное здание кафе на Торговой площади. Кроме

общественных зданий, в этот период были построены и жилые дома: порядка дюжины 3-х – 5-этажных жилых домов, совершенно безличных по архитектуре.

После 1990-го года строилось лишь одно общественное здание — районный отдел внутренних дел на Рязанской улице. Строительство ведется уже несколько лет. Однако, строительство небольших частных жилых домов в последние 10 – 12 лет ведется в городе довольно интенсивно. Эти дома строятся в основном из кирпича, реже из белого камня и бревен, и, по-видимому, по индивидуальным проектам, с учетом требований к элементарным удобствам и эстетике внешнего вида. Проще сказать, это в основном дома типа небольших вилл, а некоторые побольше, типа особняков. Такие дома иногда (но редко) строятся в исторической части города, где имеется возможность. Но основная застройка новыми домами ведется на новых территориях, примыкающих к городу: в пригородах Лучки, Кривополянье, Заречье, а также в пригороде Крючки, в местности между Рязанским шоссе и Становой Рясой (в Крючках, где в 30-х годах деревенские дома были крыты соломой, ныне строятся особенно обширные и изысканные особняки). Рязанское шоссе проходит мимо бывшего когда-то в 2,5 км. к северу от Раненбурга Петропавловского монастыря.

Расскажу здесь кратко об этом монастыре (точнее пустыни, то есть, нештатном монастыре). Монастырь расположен на левом высоком (северном) берегу реки Мостковая Ряса, вблизи от впадения ее в Становую Ряску. Он был основан в 1711-м году по воле А. Д. Меньшикова. Тогда была построена деревянная церковь, а пустынь была окружена с трех сторон (север, восток и запад) густой в то время дубовой рощей и фруктовыми садами. С южной же стороны был открытый вид на город, окрестные поля, монастырский луг и речку. Впоследствии (в конце 19-го века) вблизи монастыря (между ним и городом) проложили железную дорогу из Саратова и Астрахани через Раненбург на Москву.

В 18-м веке все церкви и другие сооружения монастыря были деревянные (они не сохранились), а в 19-м веке их стали строить из кирпича. Главнейшие из этих сооружений следующие.

В 1805 – 1811-м годах на западной стороне монастыря были построены ворота, и над ними надвратная церковь в честь святого Александра Невского. Над церковью была воздвигнута колокольня, у которой первый, второй и третий ярусы были восьмерики, а последний — круглый, с навершием. Высота этой колокольни, не считая ворот и церкви, была 52 метра. В 19-м веке вокруг монастыря была построена каменная ограда с шестью башнями, длина окружности ее была 575 м. Внутри ограды были построены каменные церкви: Иоанна Предтечи на восточной окраине монастыря, однокупольная; и Петра и Павла (1844-й г.) в самом центре монастыря, пятикупольная, с фронтонами и колоннами со всех сторон, размерами в плане 32 на 32 м. Там же были сооружены (1798 – 1862 г.) четыре одинаковых одноэтажных братских корпуса, имевших каждый два флигеля под тупым углом друг к другу, между флигелями было небольшое круглое здание. Кроме того, в 1864-м году был построен отдельный каменный двухэтажный братский корпус, а также ряд вспомогательных каменных же строений. Вне стен монастыря были сооружены 2 двухэтажных гостиничных дома, 2 каменных здания для богомольцев, гостинный и скотный дворы и ряд других зданий служебного назначения, в том числе на берегу реки деревянная, на каменном фундаменте, крытая тесом братская баня.

К 30-м годам 20-го века эти здания и сооружения были разрушены, виднелись лишь руины, заросшие зеленью (кусты, трава). В настоящее время сохранилась лишь одна из

каменных церквей, однокупольная, но в очень плохом состоянии, а также 2 отдельных флигеля от двух одноэтажных братских корпусов. Тем не менее, уже начаты и непрерывно ведутся работы по реставрации этих руин старинных сооружений. В одном из сохранившихся флигелей уже оборудована и действует временная церковь, намечена реставрация сохранившейся каменной церкви.

На мой взгляд, представляют интерес некоторые другие сведения о монастыре. Монастырь обладал религиозным сокровищем: иконой Тихвинской Божьей матери. Такие иконы представляют собой копии с древней византийской иконы, выполнявшиеся иконописцами, в данном случае, в 17-м веке в г. Тихвине, Новгородской губернии. Размер иконы 89 на 71 см., икона якобы чудотворная (исцеляющая). Икона была в серебряном окладе, надпись на нижней части оклада "Истинное изображение и мерою с чудотворного образа Пресвятыя Богородицы Тихвинския". Икона была подарена монастырю помещицей А. А. Буниной в 1855-м году (перешла ей по наследству от ее брата, помещика Кашинского уезда Тверской губ. Баклановского). При разорении монастыря икона сохранилась и находится в церкви села Кривополянье.

Около сохранившихся строений монастыря под обрывистым берегом Мостковой Рясы бьет обильный ключ, он называется "Святой источник Тихвинской Божьей матери". Там же под обрывом поставлена маленькая часовенка, вода ключа подведена туда, ее поток регулируется краном, для питья имеется кружка. В часовне висят иконы, имеется стойка для зажженных свечей, продаваемых тут же в киоске. Там же под обрывом построено небольшое деревянное, здание купальни, оборудованное двумя купелями (для мужчин и для женщин), выложенными мрамором; глубина купелей примерно человеку по шею. Через купели непрерывно протекает вода из источника с постоянной (независимо от времени года и от погоды) температурой +4 градуса С.

Правила омовения в купелях следующие: надлежит входить в воду без всякой одежды (и без белья); входя, следует сказать, крестясь: "Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного (грешную)". Затем следует трижды окунуться в воду с головой, призывая в помощь имя Божье: "Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь". О благотворных результатах такого омовения не сообщается.

На этом кончаю краткий очерк архитектуры строений Раненбурга. Архитектура отражает в своем облике общественную и частную жизнь общества в каждое историческое время. Архитектура Раненбурга, как я попытался показать, иллюстрирует это положение. Внешне же совокупность строений Раненбурга представляет собой интегрированный эффект, интегрированное отражение личной и социальной жизни раненбургского населения за последние 2 – 3 столетия. Этот эффект зависит как от устойчивости основных положений сознания людей, общественного мнения, моды и т. п., так и от материальных факторов — уровня зажиточности людей и от прочности строительных материалов.

О литературе и искусстве в Раненбурге

В 30-е годы эта сторона культурной жизни города была мне недоступна по возрасту, за исключением просмотра кинофильмов и эстрадных представлений, о чем было уже сказано. Для полноты изображения упомяну кратко о некоторых явлениях культуры в городе в конце 19-го века и в настоящее время, поскольку мне о них что-либо известно.

Прежде всего упомяну о поэзии Леонида Петровича Радина (1860 – 1901 гг.), сына купца либерального образа мыслей и одно время городского головы. Леонид Петрович, инженер-химик по профессии, издал учебник химии и одновременно писал стихи крайне левые по содержанию. Он активно участвовал в революционном социал-демократическом, позднее коммунистическом движении, подвергался репрессиям. Из его стихотворений наиболее известны стихи, ставшие песней, начинающиеся словами: "Смело, товарищи, в ногу...", призывающие к вооруженному восстанию и взятию власти революционерами. Младший брат Леонида Евгений Петрович (1872 – 1953 гг.), тоже социал-демократ, был вынужден получать высшее образование за границей, он выучился на врача-психиатра в Швейцарии. После 1917-го года работал в Народном Комиссариате здравоохранения.

В городе и районе среди интеллигенции живет немало любителей литературы. При районной газете "Раненбургский вестник" возник в 1970-м году литературный клуб "Росинка". Литклубовцы за последние годы издали в местной типографии 12 поэтических сборников. Стихи местных поэтов С. Аксеновой, О. Гаранича и др. являют умение их постичь поэтическую сторону бытия и достаточное литературное мастерство. Один из поэтов Е. Викулин из Кривополянья издал в 1999-м году и прозаическую книжку — сборник небольших рассказов, показывающих и незаурядный дар лирического рассказчика, выразителя дум и чаяний человека из народных низов. Рассказы его имеют и эстетическое значение. В предисловии к сборнику Е. Викулина сообщается, что автор ее, по профессии учитель, еще и незаурядный художник. В этой связи можно упомянуть, что в городе имеется коллективная художественная мастерская (на Козловской улице), где работают местные художники. В частности, там работает художник Ю. Веселкин, выставка работ которого была в Краеведческом музее в 1995-м году. Работы его, в основном виды города Раненбурга, написаны в реалистической манере, с некоторой склонностью к импрессионизму. Другой раненбургский художник, выставка работ которого была в музее в 2001-м году — С. Н. Левитов. Картины его написаны тоже в реалистической манере, с некоторым налетом фантазии, праздничной приподнятости и народной наивности. Они отдаленно напоминают труды художников направления "Мир искусства". Не забыто в городе и искусство музыки. Существует музыкальная (детская) школа, в которой еще в начале и середине 20-го века преподавал скрипач, пианист (и немного композитор и даже поэт) Алексей Дмитриевич Левитов. В городе имеется духовой оркестр. Профессиональной театральной труппы в городе нет, лишь иногда заезжают передвижные театральные и музыкальные ансамбли. Существует самодеятельный театральный драматический коллектив при Доме культуры. В кинотеатре продолжается демонстрация художественных фильмов, часто плохо заслуживающих этот эпитет.

Как видно, художественные таланты в народе, живущем в городе и районе, имеются, условия для их осуществления есть. Несмотря на непростую экономическую и социальную обстановку, художественное, эстетическое восприятие действительности не оскудевает.

О деятелях российской науки — жителях Раненбурга, повлиявших на мое умственное развитие

С городом Раненбургом (с 1948-го г. официально Чаплыгином) связана жизнь и деятельность ряда значительных российских ученых. Некоторые из них в той или иной

мере повлияли на становление моего умственного и морального облика, повышая его уровень и совершенствуя качество. Влияние это было, конечно, опосредованное, главным образом, через моего отца. Я кратко скажу об этом в данном разделе, и здесь же сообщу краткою характеристику деятелей, оказавших его.

Наиболее известный из этих ученых — математик и механик Сергей Алексеевич Чаплыгин (1869 – 1942-й годы). Сергей родился в Раненбурге в купеческой семье. Отец его рано умер (в возрасте 24 лет), когда сыну Сергею едва исполнился год. Его мать (тоже из купеческой семьи) вскоре после смерти мужа вторично вышла замуж за воронежского мещанина и уехала вместе с сыном в Воронеж. В дальнейшем Сергей жил в Воронеже и в Москве, а в Раненбурге никогда больше не был.

Сергей Алексеевич учился охотно, отличался выдающимися способностями. Окончив Московский университет, он стал работать в области математики и аэродинамики, добившись выдающихся успехов. Заслуги Сергея Алексеевича перед российской наукой и техникой широко известны, и я здесь касаться их не буду. Скажу лишь об одной малоизвестной стороне его деятельности, касающейся (косвенно) и меня.

Приступив к преподавательской деятельности, он много занимался высшим образованием женщин. В 1905-м году он стал директором московских Высших женских курсов (ВЖК). Работа московских ВЖК затруднялась отсутствием помещения для них. Сергей Алексеевич занялся организацией строительства и оборудования зданий для Московских ВЖК. С 1905-го по 1914-й год на пустырях Девичьего поля (юго-запад Москвы) были построены 4 корпуса курсов — педагогическое, медицинское, физико-математическое и химическое отделения. Строительством руководил известный ученый, физик и инженер, друг Сергея Алексеевича профессор А. А. Эйхенвальд. Построенные многоэтажные здания были совершенными по архитектуре (стиль — модерн, направление — неоклассицизм, а в здании химического отделения проявляются также черты конструктивизма). Много позднее мать автора этих строк училась на медицинском факультете 2-го МГУ, а именно в здании бывш. медицинского факультета московских ВЖК. Сам же автор этих строк позднее учился в Московском Институте тонкой химической технологии, а именно, в здании бывш. химического факультета Московских ВЖК.

Осенью 1941-го года С. А. Чаплыгин уехал из Москвы сначала в Казань, потом в Новосибирск, где продолжал работать в области аэродинамики. В октябре 1942-го года он умер.

В Раненбурге родился в 1832-м году известный российский историк Дмитрий Иванович Иловайский. Учась в раненбургском уездном училище, затем в гимназии в Рязани, Иловайский проявил большой, даже страстный интерес к истории России. Окончив Московский университет, он стал заниматься историей России как частное лицо, не состоя на государственной службе, то есть, не преподавая в университете. Он писал и издавал книги по российской истории, а также учебники по истории для детей и юношества. Он стал независимым историком, его труды едва ли можно отнести к какому-либо направлению существовавшей тогда (2-я половина 19-го века) исторической науки, не принадлежал он и к какому-либо из общественно-политических направлений того времени. Он не желал объединяться с каким-либо направлением общественной жизни, чтобы не идти на компромиссы, жертвуя, возможно, какими-либо своими мнениями. Он был независим и одинок.

Иловайский был исключительно трудолюбив, трудился всю свою жизнь без отдыха. К

заслугам Иловайского относится разработка им (впервые) истории некоторых провинциальных областей России, в частности, средневековой истории Рязанского княжества. Следует иметь в виду особенности постижения им исторического материала и научно-литературный стиль его изложения. Он относил себя (и в действительности был) скорее историком-художником, или историческим живописцем, чем историком-библиографом и мыслителем. Сила его как историка состояла скорее в воссоздании яркого образа, чем в осмыслении системы явлений; повествование его местами было близко к художественному. Однако, яркость повествования в его трудах совмещалась с высокой информативностью. Широкое обращение к первоисточникам наполняло картину исторических реальностей конкретным и емким содержанием. Еще одним достоинством изложения исторического материала Иловайским была его предельная сжатость при богатстве содержания. Такой характер изложения весьма благоприятен для постижения материала подрастающим поколением, учащимися, но и для средне-интеллигентного жителя России (которых во второй половине 19-го века становилось все больше) исторические труды Иловайского представляют несомненный интерес. Запас фактов, отобранных Иловайским для широкого (в том числе молодого) читателя, не поблек и не потерял своей ценности и поныне. Следует оценить, таким образом, достаточно высоко труд Иловайского как просветителя широких слоев народа. Иловайский неустанно трудился над своим сочинениями всю жизнь, вплоть до последнего ее дня. Умер он в 1920-м году и был похоронен на Лазаревском кладбище в Москве. Могила его не сохранилась. Дом, в котором в Раненбурге родился Иловайский, не сохранился. Однако, на доме, расположенном не далее 100 м. от места, где когда-то был этот не сохранившийся дом, в 2003-м году была установлена мемориальная доска с хорошо выполненным фотопортретом историка и надписью: "В этом доме родился Дмитрий Иванович Иловайский (1832 – 1920-й гг.), великий русский историк, публицист, педагог".

Учебники по истории России, созданные Иловайским, пользовались большим успехом среди учащейся молодежи и интеллигенции. Они неоднократно выигрывали конкурсы среди учебников, предлагавшихся многими другими авторами, и соответственно рекомендовались Министерством народного просвещения, многократно переиздавались и применялись в учебных заведениях России. Один из его учебников вышел в 1916-м году 44-м изданием.

Что касается влияния исторического творчества Иловайского на образование моего мышления, можно упомянуть о рассказах по истории России моего отца мне, маленькому ребенку. В этих рассказах отразились эпизоды по русской истории по Иловайскому, так как, очень вероятно, что отец изучал его исторические учебники. Об этом будет подробнее сказано ниже, в заметках о жизни семьи моих родителей в Москве.

Недалеко от Раненбурга (километрах в 25) жил и работал в своем имении Гремячка выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, географ, экономист, просветитель и искусствовед Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Заслуги Петра Петровича перед российским народом известны и подробно изложены в его развернутой биографии, написанной племянником писателя Ф. М. Достоевского Андреем Андреевичем Достоевским. Здесь упомяну только о двух "пунктах соприкосновения" семьи моих родственников Рыжковых с членами семьи Петра Петровича. В 1897-м году сильно пострадал от пожара усадебный дом близ села Урусово (6км. от Гремячки), где жил брат Петра Петровича Николай Петрович Семенов. Для ремонта дома были приглашены искусные плотники из Раненбурга Братья Михаил и Николай Рыжковы (мой родной и двоюродный деды). Оценив их искусную и успешную работу. Николай

Петрович, страстный садовод, подарил им, в качестве премии, саженцы очень вкусных "лимонных" груш, которыми лакомился много лет спустя и мальчик, их внук, автор этих строк.

Много, много лет спустя, в 1976-м году внука Петра Петровича художница Вера Дмитриевна Болдырева побывала в Раненбурге, хлопоча об открытии мемориального музея своего знаменитого деда в том самом доме, восстанавливать который помогали мои деды. В Раненбурге Вера Дмитриевна, которой было тогда 93 года, посетила дом моего деда Михаила Гавриловича и беседовала с жившими там моими тетушками Зоей и Александрой Михайловнами, которым было тогда 87 и 85 лет. Хлопоты Веры Дмитриевны были успешными, вскоре музей в бывшем доме ее деда был открыт.

Среди многочисленных научных трудов Петра Петровича упомяну цикл его работ по статистике и экономике российского хозяйства (например, статистико-экономическое исследование хозяйственной жизни в соседнем с Гремячкой селе Мураевна). В Раненбурге в семье богатых купцов Никитиных в доме на Большой (Крупской) улице вырос также географ и экономист Николай Павлович Никитин (род. в 1890-м году). Первой его крупной работой была книга "Несколько страниц из истории, географии и статистики Раненбургского уезда", Рязань, 1919-й год. В дальнейшем Н. П. Никитин, автор университетского учебника экономической географии, был профессором географического факультета Московского университета. Умер, пребывая на пенсии, в 70-х годах 20-го века.

Раненбургский научный работник и педагог Николай Дмитриевич Левитов оказал существенное влияние на становление мышления моего отца еще в Раненбурге, а следовательно, и на мой образ мыслей. Николай Дмитриевич был четвертым и последним из сыновей священника раненбургского Троицкого собора и благочинного Раненбургского уезда Дмитрия Васильевича Левитова. Семья Д. В. Левитова состояла в родстве с известным писателем, родом из села Доброе (километрах в 30 – 40 от Раненбурга), Александром Ивановичем Левитовым.

Николай Дмитриевич Левитов родился 17-го апреля 1890-го года. Несмотря на раннюю смерть отца, мать воспитала в детях высокие нравственные качества, любознательность, склонность к познанию, интерес к искусству. В их религиозной семье не было ханжества, многие дети учились музыке, почти все дети, в том числе Николай Дмитриевич, принимали участие в городских любительских концертах и спектаклях.

Николай Дмитриевич с ранних лет отличался особенными способностями. К пяти годам он самостоятельно освоил грамотность, и под влиянием старших детей исподволь выучил французский, а затем и немецкий языки. Закончив Раненбургское духовное училище первым учеником, он продолжил свое образование в Рязанской Духовной семинарии, откуда, как один из самых способных учеников, был направлен в Петербургскую Духовную академию. Словесное отделение академии он закончил в 1914-м году также одним из лучших и со званием магистранта (с правом преподавания литературы и психологии). В этот период он не только в совершенстве овладел тремя иностранными языками, увлекался художественной литературой (прочитал в подлиннике своих любимых авторов Гюго, Мериме, Мопассана), но и активно занимался в Петербургском Психоневрологическом институте, изучая психологию у профессоров Лазурского и Серебренникова, что и определило его профессиональные интересы. В 1914 – 1918-м годах он работал учителем литературы и психологии в Рязанской духовной семинарии. После ноябрьского переворота он работал директором

и преподавателем логики и психологии в раненбургской гимназии, а с осени 1918-го года в Раненбургском Институте народного образования (РИНО), где он избирался председателем правления (ректором). В 1921-м году Николай Дмитриевич уехал на постоянную работу в Москву, где с тех пор жил постоянно.

Мои родители учились в РИНО, закончили его в 1922-м году, и в том же году уехали в Москву для продолжения образования. Видимо, под влиянием (и, возможно, обаянием) Левитова мой отец приобрел вкус к психологии и логике; психологией он профессионально занимался с 1925-го по 1936-й год. При этом Н. Д. Левитов также играл значительную роль в жизни и научно-педагогической деятельности моего отца. Этот период его активной деятельности и та тень, которую она отбрасывала (ретроспективно) и на мою жизнь, будут рассмотрены позднее, в московской части настоящих записок.

Здесь следует сказать и о раненбургском математике, преподавателе К. Н. Рашевском. Константин Николаевич Рашевский, математик, методист преподавания математики и преподаватель, родился в 1874-м году в г. Каракаралинске Семипалатинской губ. в семье врача. После окончания гимназии Константин Николаевич окончил в 1899-м году МГУ. Преподавал математику в московских реальных училищах, писал учебники для средних школ, пользовавшиеся успехом в 20-х и 30-х годах. В 1919-м году переехал в Раненбург, где преподавал во вновь открытом РИНО, позднее в педагогическом техникуме и педагогическом училище (все это в одном и том же здании на углу Рязанской и Нижней улиц). В этих учреждениях он работал по 1949-й год, умер в феврале 1956-го года.

Константин Николаевич жил в Раненбурге на Рязанской улице (Горького) в небольшом бревенчатом доме (три окна на улицу), против Никольской церкви. В обыденной жизни отличался размеренным порядком ее и точностью; по словам старожилов, когда он шел на работу, по нему можно было проверять часы. Видимо, он произвел на моего отца, его ученика по РИНО, существенное впечатление, став для него, некоторым образом, примером. Отец рассказывал мне о нем еще в 30-х годах, когда летом я жил в Раненбурге. Возможно, вследствие этого отец избрал своей профессией математику, наряду с психологией. Об этом скажу подробнее в московской части настоящих записок.

Заключительные замечания по части, касающейся Раненбурга

Я рассказал в этой части заметок о моей жизни в Раненбурге в летние месяцы ряда 30-х годов 20-го столетия. Не претендуя на полноту сведений о частной жизни в городе в то время, сообщаю, будучи очевидцем, то, что у меня осталось в памяти от детских, но непосредственных впечатлений. Надеюсь, что эти сведения могут дать какое-то представление как о городе и общественной жизни в нем, так и обо мне и части тех источников, которые сформировали мой внутренний мир. Для того, чтобы возможный читатель имел некоторое представление о городе Раненбурге, сообщаю также сведения по его географии (местоположение и т. п.) и истории, которая, на мой взгляд, небезынтересна. Эти последние сведения взяты мною из литературных источников, заслуживающих доверия.

В заключение сообщу некоторые мои наблюдения нескольких последних лет (чисто субъективные, ибо объективных данных я не нашел) о современном развитии города и частной жизни в нем. Сначала изложу мое мнение о городе в 30-е годы прошлого века.

Основное впечатление: город был в упадке. Общественные здания и жилые дома ветшали, новые не строились. Закрытые церкви разорялись. Жители, правда, жили довольно сносно, но в основном за счет продукции сельского хозяйства из окрестных сел, промышленных товаров продавалось мало, за мануфактурой (ткани, одежда и т. п.) все жители ездили в Москву индивидуально, вследствие чего железная дорога была перегружена. Бытовое обслуживание частных граждан за время после 1917-го года улучшилось недостаточно, причем количество магазинов и ассортимент товаров в них уменьшились, трактиров и т. п. вовсе не стало (за исключением ресторана при железнодорожном вокзале). Из положительных моментов следует отметить усовершенствование здравоохранения и отчасти народного образования.

Согласно моему мнению, город теперь существенно изменился в лучшую сторону сравнительно с 30-ми годами. Многие исторические здания в центре города в последние годы реставрированы или отремонтированы, реставрация ценных зданий (в том числе культовых) продолжается. Начата реставрация, а по существу воссоздание варварски уничтоженных в 30-х годах строений Петропавловского монастыря вблизи от Раненбурга. Если в 30-е годы практически все эти здания много лет не ремонтировались, имели неприглядный, обшарпанный вид, то теперь эти отремонтированные в течение 90-х годов и свежепокрашенные здания имеют нарядный вид, отчего и весь город стал выглядеть красивее, веселее. Правда, новое строительство общественных зданий пока не ведется (если не считать нового здания районного управления внутренних дел), но строительство новых жилых (на 1 – 2 семьи) домов ведется весьма интенсивно. Строительство кирпичных домов типа "пятиэтажек" больше не ведется.

Следует отметить также наличие в городе большого количества личных легковых автомобилей (в связи с чем при новых жилых домах, как правило, сооружаются гаражи). Развивается и общественный (автобусный) транспорт, так как город расширяется, "разбухает".

Что касается общественной жизни, мне приходилось слышать от некоторых работников старых производственных предприятий города жалобы на безработицу; эти предприятия хиреют, а некоторые и вовсе закрываются. Возможно, это и так. Значит, изделия этих предприятий не находят спроса. С другой стороны, можно отметить развитие торговли в городе, количество торговых точек в центре города заметно (на глаз) увеличилось. В центре работает кафе (типа ресторана). Может быть, город возвращает себе прежний (до 1917-го года) облик торгового (купеческого) города? Объективных данных об этом пока нет. Впрочем, отсутствие строительства новых общественных зданий в 90-х годах (за небольшим исключением) создает негативное впечатление. Можно отметить, однако, что за последние годы в городе организован неплохой краеведческий музей, жители города не забывают и о своих эстетических интересах.

В окрестностях города, по моим наблюдениям, отмирают деревни классического типа, но строятся новые, с кирпичными индивидуальными домами типа коттеджей пока без озеленения и подворий. Новые сельхозпредприятия имеют бескрайние поля и огромные хлева (коровники).

Следует полагать, что развитие жизни в городе и районе идет, движется в положительном направлении, хотя и не без трудностей. Куда оно идет в действительности, и каковы будут результаты этого движения, будет, надеюсь,

достаточно ясно видно в дальнейшем.

Заметки о моей жизни в Москве (30-е – первая половина 40-х годов)

Вводные замечания

Мне хотелось рассказать о том, как я "набирался разума" в условиях Москвы во время моего детства и отрочества. Моя семья жила в отдаленном (в то время) районе Москвы вне Садового кольца, но внутри бывшего Камер-Коллежского вала, очень близко от последнего, то есть, в пределах Москвы конца 18-го века. Этот отдаленный в то время район можно назвать Дальним Замоскворечьем.

Я запишу здесь все, что помню о частной жизни рядовых москвичей, быте Москвы тех лет (поскольку все это было доступно мне в соответствии с возрастом), попытаюсь оценить влияние на эту сторону жизни общественно-политического состояния общества, совершавшихся политических событий, фактов развития культуры и науки в то время (а события и свершения в этих областях были в то время велики). Попробую оценить культурное влияние территориального (локального) фактора моего пребывания на становление моего интеллекта, а также влияние выдающихся деятелей и просто тех культурных людей, с которыми меня сводила в то время жизнь, их воспитательное влияние на меня. Упомяну также кратко о моих сверстниках, товарищах игр (таких было немного), некоторых школьных товарищах (коллегах).

Намерен также рассказать то, что знаю, об истории Дальнего Замоскворечья. Район этот, как я понял теперь, имел богатые и весьма многообразные исторические и культурные традиции, которые, конечно, мощно влияли на развитие физического и психического облика ребенка и, затем, подростка. Сильное влияние этих факторов я осознаю теперь, но не сознавал тогда. Попытаюсь отметить здесь интеллектуальное, культурное влияние на меня того направления общественной мысли, которое можно назвать непартийным и не религиозным. Это — общекультурный, общечеловеческий, гуманистический образ мышления, который был свойствен в то время немалой части интеллигенции, частично уцелевшей в социальных бурях начала века, частично уже вновь образовавшейся или образующейся. Такой образ мышления возобладал при становлении моего внутреннего облика, он же и теперь представляется мне наиболее плодотворным (а может быть, и единственно плодотворным) для образования творческого потенциала общества и для его умственного и цивилизационного

прогресса.

Постараюсь здесь изложить то, что осталось в моей памяти о тех временах, факторах, влиявших на мое умственное и эмоциональное развитие в мои ранние годы, а также мою попытку оценки этих факторов.

Местоположение и общая характеристика района моего жительствова

Район, где я жил в детстве и отрочестве, расположен на южной окраине Москвы 30-х годов, между Садовым кольцом на севере и участком Окружной железной дороги на юге. С запада и востока этот район, расположенный в излучине реки Москвы, ограничен ее течением в направлении на север (на западе района) и на юг — на востоке района. Район в то время был почти полностью застроен, в основном жилыми домами. Дома эти можно разделить на три категории.

Во-первых, одно-, редко двухэтажные ранее частные домики, построенные до 1917-го года для семей мещан (торговцы, низшие служащие и т. п.) Во-вторых, довольно много двухэтажных деревянных домов, наскоро построенных в конце 19-го и начале 20-го веков (примерно до 1922-го года) для семей рабочих бурно развивавшейся в то время промышленности. Это были небольшие бревенчатые дома на 4 квартиры, в которых отсутствовали элементарные удобства (кроме электричества), а водопровод, канализацию и топливный газ провели в эти дома только позднее, в 30-е годы. Обитатели таких домов еще на моей памяти набирали воду в водоразборной колонке на углу Хавской улицы и несли ее в ведрах в свой дом. К этой же категории можно отнести несколько многоэтажных (3 – 5 этажей) домов, где до 1917-го года размещались общежития для одиноких рабочих. Наконец, третья категория жилых домов в этом районе были дома постройки 20-х – 30-х годов (до 1941-го года). Это многоэтажные, как правило, пятиэтажные, (но были и 4-х-, 6 – 8-этажные) дома современной (для того времени) архитектуры. В районе было построено несколько поселков из таких домов, каждый из которых состоял из нескольких (до 14) домов. Эти дома имели все обычные для того времени удобства, однако, не имели подводки горячей воды и мусоропровода. Несколько домов этого типа были построены явно по индивидуальным проектам, в том числе тот дом, в котором жил я.

Кроме жилых домов, в этом районе было и немало промышленных предприятий. Эти предприятия были построены в подавляющем большинстве во 2-й половине 19-го века, некоторые еще в начале 20-го века. Преобладали среди них предприятия легкой промышленности (текстильные и сукнопроизводящие фабрики по берегам реки Москвы). На северо-востоке района работают кожевенные и обувная фабрики, и даже химический завод. Суконная фабрика М. Титова на западе района была основана еще в дореформенное время, впрочем, уже в 40-х годах 19-го века она была закрыта.

Кроме предприятий легкой промышленности, к концу 19-го века стали возникать и предприятия металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, например, проволочно-гвоздильный завод Ю. Гужона на Шаболовке, машиностроительный завод братьев Бромлей на Малой Калужской улице. На территории района в 19-м веке размещались ряд рынков, из них в 30-х годах работали Даниловский и Дровяной рынки (впрочем, последний был закрыт к середине 30-х годов). Отмечу еще Конный двор, занимавший значительную площадь с выходом на Мытную улицу. В 20-х и 30-х годах были построены два больших универсальных магазина (универмага).

Из других учреждений района следует упомянуть ряд больниц, расположенных в основном в западной его части, вдоль Большой Калужской улицы, но еще по одной в северной, восточной и южной частях (подробности ниже, в разделе истории района). Достойны упоминания также солдатские Александровские (ныне Чернышевские) казармы, сиротский приют на Шаболовке и первая в России радиостанция (им. Коминтерна), открытая в конце 20-х годов. Рядом с ней была в 1922-м году построена огромная антенна, так называемая Башня В. Шухова, выполненная из сваренных стальных балок; высота ее достигает 160 метров.

Об истории района Дальнего Замоскворечья (освоение, застройка)

Местность между Садовым кольцом, (по которому проходил в 16-м веке земляной вал) и Камер-Коллежским валом называлась "За земляным городом". Она состояла из бывших слобод, рощ, монастырских и иных земель. Через эти земли протягивались несколько больших дорог из Москвы в провинции. В интересующем нас Дальнем Замоскворечье (южная часть пояса вокруг Москвы называвшемся "За земляным городом") находятся три монастыря: Данилов, Донской и Андреевский. Эти монастыри и дороги, ведущие к ним из тогдашней Москвы, являлись форпостами, "передовыми отрядами" продвижения застройки от центра Москвы к ее окраинам.

Из рощ, располагавшихся на интересующей нас территории, отметим две. Одна из них дубовая, была расположена несколько севернее Данилова монастыря (позднее там была построена Павловская больница). Эта роща существовала еще в конце 18-го века, ее видел с противоположного берега Москвы-реки и рассказал о ней писатель Н. М. Карамзин (1766 – 1826 гг.). Другая роща была расположена близ Калужской заставы, севернее Камер-Коллежского вала; в память о ней еще и поныне расположенные на ее месте несколько улиц, проездов и переулков носят название Рощинских. С конца 18-го века роща эта называлась (в просторечии) Орлова роща, в честь построившего в этой местности свой дачный павильон графа

А. Г. Орлова-Чесменского, имение которого было неподалеку, на Калужской дороге.

Перехожу к рассказу о монастырях, расположенных на рассматриваемой территории, Старейшим из них является Данилов монастырь, расположенный на невысоком холме близ восточной стороны излучины Москвы-реки, в 5,3 км. от московского Кремля. Основан был этот монастырь около 1282-го года князем Московским Даниилом Александровичем, известным своей приверженностью к религии и православной церкви. По его указанию на холме была построена небольшая деревянная церковь, были ли вокруг нее стены, сведений не сохранилось. В 1303-м году князь Даниил был похоронен у этой церкви. Однако, в 1330-м году князь Иван Данилович Калита из неизвестных соображений перенес монастырь на территорию Кремля, к бывшему там в то время монастырю Спаса на Бору, а в 1490-м году бывший Данилов монастырь был переведен на Крутицкие высоты, недалеко от бывшего Данилова монастыря, но на другом берегу Москвы-реки. Этот переведенный монастырь стал называться Новоспасским, а прежнее местоположение Данилова монастыря оставалось в запустении.

В 1560-м году по местности вблизи прежнего монастыря ехал со свитой царь Иван IV-й Грозный. По преданию, молодой приближенный из свиты царя немного отстал от царской кавалькады, и ему явился некий человек, в котором он узнал князя Даниила. Князь потребовал, чтобы Данилов монастырь был незамедлительно восстановлен на прежнем месте. Узнав об этом, царь Иван приказал построить на месте деревянной

церкви каменный храм, вблизи от него Братский корпус, населить его монахами и обнести оградой. Это было выполнено.

На месте старой деревянной церкви еще в 16-м веке была возведена каменная церковь в честь святых отцов семи Вселенских соборов. В 17-м веке на этом каменном фундаменте сооружена монастырская Покровская церковь, а в 18-м веке над ней была восстановлена церковь в честь святых отцов семи Соборов, с включением в нее и Покровской церкви. В 19-м веке эта сложная церковь снова подверглась реконструкции. Наконец, в 1988-м году она была вновь реставрирована, причем был найден фундамент ее, заложенный в 16-м веке. Происшедшие вскоре события показали, что решение о восстановлении и укреплении Данилова монастыря было правильным. Летом 1591-го года крымский хан Казы-Гирей предпринял набег на Москву, в ходе которого правый фланг его конного войска были обстреляны со стен (тогда еще деревянных) Данилова монастыря. В 1606-м году под стенами монастыря произошло сражение царского войска с мятежниками под руководством И. И. Болотникова. Мятежники были разбиты, Болотников бежал в Тулу, но вскоре был схвачен и умер (1608-й г.) в тюрьме.

После этого в течение первой половины 17-го века были построены каменные стены и башни вокруг монастыря, существующие и поныне. Монастырские ворота были построены в конце 17-го века, над ними в 18-м веке возвели церковь во имя Симеона Столпника, а над ней трехъярусную колокольню со звонницей. Капитальные каменные строения возводились на территории монастыря и в 19-м веке. В 1830 – 35-м годах по проекту архитектора О. Бове был возведен однокупольный Троицкий собор, в 1871-м году 4-хэтажный Братский корпус (там же помещалось и духовное училище), а также Настоятельский корпус, перестроенный в конце 20-го века.

В стенах Данилова монастыря были погребены видные деятели культуры и общественной жизни России 19-го века. Имелись могилы писателя Н. В. Гоголя (1809 – 1852 гг.), поэта Н. М. Языкова (1803 – 1847 гг.), поэта, публициста и философа, либерала А. С. Хомякова (1804 – 1860 гг.), музыкального деятеля Н. Г. Рубинштейна (1835 – 1881 гг.), художника В. Г. Перова (1834 – 1882 гг.), государственного деятеля, либерала кн. В. А. Черкасского (1824 – 1878 гг.), философа, публициста и общественного деятеля, либерала Ю. Ф. Самарина (1819 – 1877 гг.), и других. После упразднения монастыря прах некоторых из них был перенесен на другие кладбища, в частности, Новодевичье. Данилов монастырь был закрыт в 1930 м году, при этом были арестованы и расстреляны некоторые монахи, в том числе игумен. В монастыре был открыт детский приемник-распределитель для беспризорных детей, просуществовавший до 1983-го года, когда монастырь был возвращен Московской патриархии. В настоящее время в монастыре помещается одна из резиденций Московского и Всероссийского патриарха.

Совсем недавно, в первой половине 2002 г. вблизи Данилова монастыря, в скверике против Даниловского рынка был поставлен памятник князю Даниилу Московскому. Князь имеет облик воина, в правой руке его обнаженный меч, а на ладони согнутой левой руки — модель церкви, как символ искренней набожности князя и стремления его к религиозному обустройству государства.

К западу от Данилова монастыря, недалеко от Калужской дороги (Б. Калужская улица, ныне Ленинский проспект) расположен Донской монастырь, занимающий гораздо большую площадь, чем Данилов. Строительство Донского монастыря началось в конце 16-го века. В 1591-м году, во время набега на Москву воинства Казы-Гирея на месте

нынешнего Донского монастыря была сооружена передвижная деревянная крепостца, так называемое "гуляй-поле", где было сосредоточено русское войско, выступившее против татар. Увидев это войско, хан счел за лучшее не принять битву, повернул свое воинство и отошел от Москвы. Отражение набега Казы-Гирея оценивалось современниками очень высоко. Его сравнивали с Куликовской битвой и приписывали победу одному из чудес иконы-хоругви Богоматери Донской, сопровождавшей, по преданию, войска Дмитрия Донского на битву с Мамаем (1380-й год), и также сопровождавшей в 1591-м году русское войско. В том же 1591-м году на месте деревянной крепостцы был основан монастырь, названный Донским в честь иконы Богоматери Донской.

Сразу же после этого на территории монастыря началось сооружение каменной церкви, называемой ныне Малым собором (1591 – 1593 гг.). Дальнейшее строительство в монастыре было прервано без малого на 100 лет, без сомнения, по причине наступившего в России смутного времени, и до его преодоления не продолжавшееся. Лишь в 1684 – 1698-м годах был сооружен величественный Большой собор монастыря. Стены с башнями вокруг монастыря были сооружены в 1686 – 1711 годах, хотя оборонительное значение его к этому времени уже отошло на второй план, и монастырские сооружения получили, главным образом, декоративное значение, что и нашло отражение в их архитектуре (об этом подробнее сказано ниже). Над северными воротами монастыря в 1713 – 1714-м годах была сооружена 4-хъярусная церковь Тихвинской Божьей матери. Западные ворота с 3-хъярусной колокольной сооружены в 1730 – 1753-м годах. Братские кельи и настоятельский корпус построены в середине 18-го века. В 1806 – 1809 годах внутри монастыря была построена еще одна церковь, в честь Михаила Архангела, известная также как усыпальница князей Голицыных. В 1873-м году в западную монастырскую стену было вмонтировано 3-хэтажное здание семинарского корпуса, где размещалось духовное училище.

На территории монастыря, в ее юго-восточной части, расположен обширный некрополь под открытым небом, где похоронены многие видные деятели русской культуры и государства, начиная со второй половины 18-го до середины 20-го веков. Из видных деятелей в некрополе похоронены полководец граф П. А. Румянцев-Задунайский (1725 – 1796 гг.), поэты А. П. Сумароков (1717 – 1777 гг.) и М. М. Херасков (1733 – 1807 гг.), архитектор О. И. Бове (1784 – 1834 гг.), философ П. Я. Чаадаев (1793 – 1856 гг.), историк В. О. Ключевский (1841 – 1911 гг.), математик Н. Е. Жуковский (1847 – 1921 гг.) и другие. Подробнее некрополь будет описан ниже, в главе об архитектуре.

В 1925-м году в Малом соборе монастыря был похоронен патриарх Московский Тихон (1865 – 1925 гг.), противник коммунистической власти и Советского государства. На похоронах его собралось огромное количество людей. Донской монастырь был упразднен в 1925-м или в 1926-м году, вновь открыт в 80-х годах 20-го века.

На территории Дальнего Замоскворечья расположен еще один монастырь, упраздненный, однако, еще в 18-м веке, Андреевский монастырь. Он расположен у западной ветви излучины Москвы-реки, в пойме реки, едва в десятке метров от нее. Защитных стен монастырь не имел (а только входные ворота), поэтому не имел и оборонного значения. Назначение его было иное: в нем изначально был организован центр российского просвещения.

Монастырь был основан в 1648-м году, а в следующем 1649-м при нем была открыта первая в России школа для боярских детей, где преподавались греческая, латинская и славянская (церковнославянская) грамматики, философия и риторика.

Преподавателями были приглашены ученые монахи из Киева, в частности Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и др. По мысли инициатора создания школы, просвещенного деятеля, окольничего при дворе царя Алексея Михайловича — Федора Михайловича Ртищева (1625 – 1673 гг.), в школе должны были учиться молодые люди — боярские дети для последующих дипломатических, деловых и др. сношений с иностранными (западными) государствами. Обучение велось вначале в рамках так называемого Ртищевского братства. Однако довольно скоро школа эта попала под управление религиозных властей, и учителя вместе с учениками занялись переводами Библии и других церковных книг с греческого и латинского языков на церковнославянский. Спустя немного времени это училище было переведено в Кремль, в Чудов монастырь. В 1687-м году на его основе в Заиконоспасском монастыре (ныне Никольская улица) была открыта известная Славяно-греко-латинская академия, в которой усердным и успешным учеником был известный русский ученый и поэт М. В. Ломоносов (1711 – 1765 гг.)

Из архитектурных построек Андреевского монастыря наибольшее значение имеет надвратная церковь во имя Федора Стратилата (1675-й год); церковь "Воскресения в Пленницах" была построена в 1689-м году. Возведение других сооружений (домов) на территории монастыря относится к 18-му и 19-му векам.

В 1784-м году монастырь был упразднен, в его помещениях был вначале работный дом для беспризорных девиц ("ленивиц женского пола"), а позднее там была купеческая богадельня. Ныне в зданиях бывшего монастыря размещаются различные учреждения.

Следует отметить, что сел в собственном смысле этого слова на территории Дальнего Замоскворечья (как она была определена нами выше) не было. Но при монастырях были слободы — поселения сельского типа. Монастыри, история которых была вкратце рассказана, являлись как бы форпостами и опорными пунктами заселения окружающих земель. Особенно это относится к важнейшему из них Донскому монастырю, архитектурный ансамбль которого стал организующим началом для крупного планировочного звена Москвы, как только городская застройка переплелась через Земляной вал (Садовое кольцо) на его южном участке.

Примерно в 80-х годах 17-го века заселенная Москва приблизилась к Земляному валу. Ранее, еще в 90-х годах 16-го века вокруг Москвы по названному позднее Садовому кольцу был сооружен защитный земляной вал, укрепленный деревянными стенами. Стены вскоре сгорели, а вал был восстановлен в первой половине 17-го века. Внутри вала в то время еще не повсюду была плотная застройка. Во второй половине 17-го века эта территория интенсивно заселялась, и к концу века там была уже сплошная застройка. В 80-х годах 17-го века домостроительство кое-где вышло из огороженной Земляным валом территории, и началась застройка Дальнего Замоскворечья. Впрочем, сам этот вал еще оставался, в нем для проезда были сооружены несколько ворот. В западной части интересующего нас участка Земляного вала были сооружены Калужские ворота, от них отходила Калужская дорога. Далее на восток были расположены Серпуховские ворота, через которые проходила дорога на Подольск, Серпухов, Тулу и далее на юг. От этой дороги недалеко от Москвы отделялась и вела на запад дорога на Варшаву (отсюда сохранившееся поныне название части шоссе, ведущего на юг — Варшавское шоссе). Еще далее к востоку через Дальнее Замоскворечье с севера на юг вела еще одна дорога — Коломенская (на загородное царское имение — село Коломенское). Не известно, были ли в земляном вале ворота, соответствующие этой дороге. Возможно, ворот сквозь вал в конце Новокузнецкой улицы не было, а был оборудован лишь проезд в направлении на Коломенскую дорогу.

Эта дорога, проходя по Дальнему Замоскворечью, подходила к Данилову монастырю, огибала его с востока, вскоре соединялась с дорогой на Серпухов, но около села Нижние Котлы отделялась от нее и вела на восток, к селу Коломенское. Далее этой же дорогой ездили в направлении на Каширу (Каширское шоссе).

В начале 18-го века началась постепенная застройка Дальнего Замоскворечья (за Земляным валом), вначале в непосредственной близости от вала. В это же время было сооружено следующее кольцо вокруг Москвы — Камер-Коллежский вал (1742 – 44-е годы). Этот вал уже не имел оборонного значения, а только экономическое. На основных дорогах, подходивших к Москве, у этого вала были устроены заставы: Калужская, Серпуховская и Даниловская. Впрочем, последняя была ликвидирована уже в середине 19-го века за ненадобность. В это же время был срыт Земляной вал, демонтированы Калужские и Серпуховские ворота. Заставы тоже просуществовали недолго. Серпуховская в мое время (30-е годы) уже не существовала, а от Калужской сохранились здание кордегардии (помещение для военного караула) — небольшой одноэтажный домик, выкрашенный в желтый цвет; и там же полосатый верстовой столб. От этой заставы отходила Калужская дорога на юг, на дороге было небольшое селение вблизи заставы, а далее дорога шла через пустынные поля (ныне эта дорога стала Ленинским проспектом). От той же заставы на юго-запад отходило Воробьевское шоссе, которое вело к селу Воробьево, видневшемуся вдаль. Дорога шла вдоль Воробьевых гор (высокий берег реки Москвы). Воробьевы горы, отличающиеся весьма живописным ландшафтом (высокая круча на берегу Москвы-реки, поросшая густой растительностью) издавна была местом отдыха для московской знати. Еще в 16-м веке по распоряжению Ивана IY-го там был построен загородный деревянный дворец для царя и его гостей. К 18-му веку обветшавший дворец был перенесен в Москву, к Пречистенским воротам (Зубовская площадь), а в 19-м веке разобран.

Вдоль отходившей от Серпуховской заставы оживленной дороги на Серпухов и Тулу уже в 18-м веке (а главным образом в начале 19-го века) были основаны ряд предприятий (канатный и кирпичный заводы, две бойни для скота, трактиры и др.), со слободами вблизи для обслуживающего персонала.

Вернемся к застройке Дальнего Замоскворечья вблизи от Земляного вала. За темпами застройки этих мест удобно проследить по строительству там культовых зданий (церквей). В восточной части этих мест, примыкающей к Москве-реке, расположена Кожевническая слобода, где был ряд предприятий по обработке шкур скота и производству из них кожевенных изделий. Еще и теперь там работает обувная фабрика (им. Парижской коммуны), был ряд и других предприятий. Вблизи, но за Земляным валом, к северу от него, было поселение этнических татар, которые традиционно занимались обработкой шкур и кожи. Вокруг кожевенных и других предприятий еще в 17-м веке образовалась слобода кожевников и была сооружена каменная церковь Троицы в Кожевниках, 1686 – 89 гг., с колокольней 1718-го года.

Далее к западу за Земляным валом располагалась Ямская Коломенская слобода, позднее Ямская-Коломенская улица, а с 1922-го года Дубининская улица (в честь рабочего-революционера с Даниловской мануфактуры Дубинина). В этой слободе с 1739-го года была деревянная церковь Флора (Фрола) и Лавра (в начале 19-го века на этом месте была построена каменная церковь).

Еще западнее, в начале Серпуховской дороги в 1709-м году началось строительство церкви "Вознесения за Серпуховскими воротами". Строительство велось иждивением царевича Алексея Петровича. После смерти царевича (1718-й г.) строительство

приостановилось, и церковь была закончена лишь в 1762-м году.

От Калужских ворот отходила в сельскую местность улица Шаболовка, бывшая дорога на деревню Шаболово, расположенную километров в 5 – 6 от Калужских ворот (теперь земли этого села застроены новыми московскими домами). В начале улицы Шаболовки с 1691-го года велось богослужение в деревянной церкви "Живоначальной Троицы". В 1745-м году на этом месте построена каменная церковь, а в 80-х годах 19-го века вместо нее построена новая каменная церковь, в которой и ныне бывает служба.

На Донской улице, прямой дороге от Калужских ворот к Донскому монастырю, в 1701-м году построена каменная церковь Ризоположения. Название это церковь получила от события, случившегося на этом месте. Крымский хан после ряда поражений своих войск, желая задобрить московское правительство, прислал ему в подарок захваченные им где-то в христианских церквях церковные одеяния (ризы). Эти ризы были сложены крымскими (татарскими) послами в шатре именно на том месте, где впоследствии была построена церковь.

Любопытны названия двух улиц, расположенных вблизи от Земляного вала уже в дальнем Замоскворечье, вблизи от Серпуховских ворот. На месте улицы Зацепа с 1685-го по 1782-й год был пост московской таможни, около него была обычно задержка ("зацепка") повозок с целью неспешного досмотра поклажи. По другой версии, вдоль этой улицы, тянувшейся параллельно Земляному валу, были протянуты цепи, чтобы возы поступали на досмотр по очереди, без суеты. Вблизи Зацепы на месте теперешней улицы Щипок таможенная стража проверяла направлявшиеся в Москву возы с сеном с помощью длинной палки с крюком (щупком или щипком) на конце. Таким способом извлекали спрятанные в сене товары, подлежащие обложению пошлиной. Параллельно Зацепе (южнее ее) расположен Стремянный переулок, названный так по домовладельцу 18-го века, стремянному конюху Букину; переулок и поныне имеет это название.

Определив важнейшие центры и пути застройки территории Дальнего Замоскворечья, проследим теперь за тем, как она застраивалась в течение последующих 18-го, 19-го и 20-го веков.

От 18-го века остались теперь почти только культовые сооружения. О немногих сохранившихся от того времени гражданских зданиях сказано ниже. На Кожевнической улице (в бывшей слободе кожевников) от 18-го века сохранился жилой дом купца. Дом имеет полуподвал и жилое помещение с небольшими окнами. Сохранилась часть двухэтажного здания палат начала 18-го века на Донской улице близко от церкви Ризоположения. Около Данилова и Донского монастырей выросли слободы; на месте Даниловой слободы впоследствии образовалось село Даниловское, неподалеку от которого было существующее и поныне Даниловское кладбище. Вблизи обоих монастырей располагались обширные огороды, в частности, огороды Донского монастыря были к западу от Шаболовки, а огороды Данилова монастыря к востоку от нее. В конце 18-го века на Калужском шоссе недалеко от Калужской площади был построен для дворянина из купцов Д. М. Полторацкого обширный жилой дом, ныне дом этот сохранился в сильно перестроенном виде, и является одним из корпусов Горного института. Вблизи Москвы-реки, на месте, где теперь картинная галерея, с конца 16-го века по 1785-й год существовал Крымский двор, где жили посланцы крымских ханов. Прилегающие ко двору заливные луга (Крымские Лужники) были предоставлены посланцам для пастбы лошадей. Теперь на этом месте располагается Центральный парк культуры и отдыха.

Недалеко от Калужских ворот на территории Дальнего Замоскворечья был устроен Животинный двор (рынок для торговли рогатым скотом), отсюда название прилегающего участка Земляного вала — Коровий вал; так называется и теперь проходящая там улица. К северу от Коровьего вала (внутри Садового кольца) в 1701-м году был построен Житный двор — склад для привозимого в Москву зерна; здание просуществовало приблизительно до 70-х годов 20-го века. Там же расположена параллельно Коровьему валу Житная улица. Южнее Коровьего вала было обширное поле, где сходилась конская ярмарка (на ее месте теперь Конный переулок). Иногда на эту ярмарку татары пригоняли табуны численностью до десяти тысяч лошадей; покупатели съезжались со всей Москвы и окрестностей.

На склонах Воробьевых гор сохранились два дворца, построенные для вельмож. Вблизи Андреевского монастыря (ближе к Москве) в 1756-м году был построен дворец для одного из богатейших людей России, уральского заводчика П. А. Демидова. Демидов был любителем растений, в том числе редких, и имел при дворце обширный ботанический сад с оранжереей для теплолюбивых видов растений. Дворец этот был куплен в начале 90-х годов 18-го века у его наследника богатым вельможей графом Алексеем Григорьевичем Орловым, братом фаворита императрицы Екатерины Григория Орлова. Алексей Орлов был любителем лошадей; на его конезаводе в Тульской губернии была выведена знаменитая порода скаковых лошадей — орловские рысаки. При имении был большой парк, в нем и ныне сохранились некоторые садовые постройки 18-го века: чайный домик, грот и др. Граф любил устраивать в своем парке праздничные гуляния, на которые могли приходиться все желающие; на гуляниях устраивались, в частности, кулачные бои, в которых иногда принимал участие сам граф, обладавший немалой физической силой. Недалеко от графского имения в роще, называвшейся с той поры Орловой, для графа был построен небольшой круглый дачный павильон (ротонда) с декоративным бельведером и квадратным цокольным этажом. Дом этот сохранился и поныне. Дальше от центра Москвы, за Андреевским монастырем для кн. Н. Б. Юсупова был построен в середине 18-го века архитектором С. И. Чевакинским загородный дворец. В 30-х годах 19-го века этот дворец был капитально отремонтирован архитектором Д. И. Жилярди для тяжело больного генерала графа М. А. Дмитрева-Мамонова, и называется с того времени в просторечии Мамонова дача (подробнее об этом скажу ниже).

На рубеже 18-го и 19-го веков на территории Дальнего Замоскворечья были основаны две больницы. В 1763-м году близ Данилова монастыря в той самой дубовой роще, которую наблюдал писатель Карамзин, была куплена казной (а точнее, опекунами малолетнего тогда наследника Павла Петровича) дача с обширным парком у бригадира А. И. Глебова. На этом участке в том же году была открыта больница, а в 1801 — 1807 году по проекту архитектора М. Ф. Казакова возведено большое больничное здание. Позднее, припл. в 1820-м году были построены два флигеля в строгом стиле позднего классицизма (ампир), архитекторы А. Г. Григорьев и Д. И. Жилярди. Больница эта и ныне зовется (в просторечии) Павловской. На Калужской дороге (Большая Калужская улица), ближе к Москве, чем дворец Демидова, по заказу князей Голицыных в 1785 — 1801-м годах была построена, по проекту М. Ф. Казакова большая больница, называвшаяся в просторечии Голицынской. Больница эта работает и поныне.

Переходим к 19-му веку, вначале рассмотрим первую его половину (припл. до 1860-го года). В этот период активно заселяется северная, прилегающая к Земляному валу, часть Дальнего Замоскворечья. Появляются солидные, обычно деревянные, дворянские особняки, выходящие фасадами на улицы, а за ними обычно бывали сады. К

сожалению, до настоящего времени из таких домов сохранились только единицы, и без садов. Строились и мещанские дома, меньшие по размеру, но не более удачливые по длительности существования.

Несколько таких домов (3 – 4) стояли в ряд на Вальной улице (на стороне Дальнего Замоскворечья). Это были большие одноэтажные деревянные, с мезонинами, дома на высоких каменных полуподвалах. Все они были снесены при реконструкции и расширении улицы в 50-х годах 20-го века. Один двухэтажный жилой дом постройки первой половины 19-го века, являющийся памятником архитектуры, стоит в средней части Дубининской улицы; дом в запустении. Жилой одноэтажный дом, с флигелем, уцелел в начале Люсиновской улицы (Малая Серпуховская). Дом отремонтирован, там помещается Управление археологических раскопок в г. Москве. Два аналогичных одноэтажных дома, представляющие собой флигели более внушительного, не сохранившегося дома, стоят еще в начале Большой Серпуховской улицы, против церкви Вознесения. Эти флигели находятся в плачевном состоянии и не используются. Такие дома существовали еще на моей памяти в начале улиц Шаболовка и Донская, к настоящему времени не сохранились. Несколько таких домов стоят еще в начале улицы Щипок.

Не сохранился и дом первой половины 19-го века, бывший на углу Малой Калужской улицы и Малого Калужского переуллка (вблизи Донского монастыря). В этом переулке была усадьба купца М. Жемочкина, небольшой одноэтажный флигель этой усадьбы арендовала семья врача Я. И. Визарда. Дом был небольшой, 5 окон по фасаду и мезонин. Рассказ об этом доме имеется в мемуарах известного ученого медика и физиолога И. М. Сеченова (1829 – 1905 гг.), который в бытность свою студентом часто приходил туда, навещая своих приятелей, сыновей старого Визарда.

Однако, дом этот больше известен благодаря другому частому его гостю — известному в истории русской литературы талантливому поэту, критику, писателю и журналисту Аполлону Александровичу Григорьеву (1822 – 1864 гг.). Григорьев познакомился с Визардом на совместной работе в Воспитательном доме, в центре Москвы у Китайского проезда, построенном известным архитектором К. И. Бланком (1728 – 1793 гг.) во второй половине 18-го века. В этом учреждении Я. Визард работал врачом, а Григорьев (после окончания университета) преподавателем законоведения. Они подружились, и Григорьев стал бывать в доме семьи Визард, где жена Визарда устроила пансион для учащейся молодежи.

У Якова Визарда, кроме сыновей, были две дочери, из которых младшая, Леонида Яковлевна, отличалась красотой, умом, живостью характера, в общем, была прелестная девушка, и Григорьев влюбился в нее. Однако любовь его не встретила ответа, видимо, не только по причине разницы в возрасте (10 лет) и того, что Григорьев уже был женат (хотя и не жил с женой), но и вследствие несходства характеров молодых людей. Разносторонне талантливый Григорьев имел, однако, пристрастие к богемному образу жизни (частое посещение трактиров, игра на гитаре, общение с цыганами и, конечно, алкоголь). Такой нерегулярный образ жизни не подходил характеру девушки. К тому же, в это время И. М. Сеченов привел к Визардам своего приятеля, молодого пензенского помещика М. Н. Владыкина, страстного театрала, начинающего драматурга и поклонника творчества Шекспира. Владыкин влюбился в Леониду Яковлевну, женился на ней (1856-й г.) и увез ее к себе. Для Григорьева этот эпизод был сильнейшим ударом, он горевал о своей неудаче всю свою оставшуюся жизнь (не очень долго, около шести лет), и посвятил своей несчастной любви ряд проникновенных стихотворений, некоторые из которых, положенные на музыку, столь часто

исполнялись ("О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная...") сначала цыганами, что стали как бы народными песнями. Дальнейшая судьба А. Григорьева была печальной: он так и не оправился от удара судьбы, скитался по городам (Москва, Петербург и др.) и квартирам, еще в большей степени поддался богемному образу жизни, и в результате скончался на 43-м году жизни. Что же касается Леониды Яковлевны, то она, не удовлетворившись жизнью "матушки барыни", стала изучать медицину, поехала для этого в Швейцарию, получила там степень доктора медицины и, вернувшись в Россию, успешно практиковала в Москве, поддерживая знакомство с И. М. Сеченовым. Умерла она в 1893-м году.

К числу сохранившихся зданий того времени можно отнести два трехэтажных флигеля дома Д. М. Полторацкого (упоминавшегося выше) в начале Большой Калужской улицы. В этих флигелях Московское общество купцов разместило Коммерческое мещанское училище. В одном из флигелей, надстроенном до 5 этажей, помещался в 20-х – 50-х годах Институт нефтяной, нефтехимической и газовой промышленности, а позднее ВНИИБТ (Институт буровой техники).

В первой половине 19-го века в России уже началось развитие крупномасштабной, но еще мануфактурной (то есть с применением в основном ручного труда) промышленности. В Дальнем Замоскворечье появились уже несколько фабрик, относящихся к легкой (по теперешней терминологии) промышленности. У Москвы-реки близ Калужской дороги (между Голицынской больницей и бывшим дворцом Демидова) открылась суконная мануфактура, принадлежавшая дворянину (из купцов) М. Титову. На его мануфактуре работали в основном вольнонаемные, а не крепостные рабочие. Для своих рабочих Титов построил близ мануфактуры общежитие, длинное, унылое трехэтажное здание с мелкими, частыми окнами и низкими потолками. Оно стоит и по сию пору, но не используется, двери и окна заколочены. Вблизи от общежития в начале 19-го века архитектором О. Бове по заказу Титова был выстроен, вдоль Калужской дороги, большой трехэтажный жилой дом с двумя флигелями, в котором Титов и поселился, но не надолго. В 40-х годах он свою мануфактуру закрыл, а дом, и с флигелями, продал казне. После этого в общежитии был открыт странноприимный дом, так называемая "Титовка", а в доме Титова открыта казенная больница, позднее 2-я Градская. Короткий переулок близ бывшего дома Титова от Б. Калужской улицы вниз, к Москве-реке, и поныне называется Титовским.

Другая суконная, точнее камвольно-суконная, мануфактура — Даниловская — расположена у Москвы-реки, но уже у восточной ветви ее излучины, за Даниловым монастырем, вблизи Варшавского шоссе. В слободе кожевников, на Кожевнической улице, открыта шорно-седельная фабрика Доменты.

Рассмотрим подробнее правую сторону Калужской дороги от дома Полторацкого до Калужской заставы, где к Москве-реке спускался Андреевский овраг.

К югу от дома Полторацкого было владение князей Трубецких, называвшееся "Нескучное". Оно известно тем, что там устраивались развлечения для публики, в том числе так называемый "воздушный театр", то есть театр под открытым небом, где давались представления. В начале 30-х годов владение это было куплено казной, и на его территории архитектором О. И. Бове в 1830 – 1832-м годах была построена больница, известная под названием 1-я Градская. Еще южнее были уже известные нам Голицынская больница и дом Титова. Далее к югу, по направлению к Андреевскому оврагу, был дворец б. Демидова, затем Орлова, и при нем большой ботанический сад, спускавшийся террасами к Москве-реке. В 30-х – 40-х годах все эти территории по

правую сторону Калужского шоссе (Б. Калужская улица) были куплены казной, и во дворце Демидова была устроена московская резиденция императора Николая I-го и его семьи; и это владение получило название Нескучного сада. Дворец б. Демидова был перестроен по проекту архитектора Е. Д. Тюриня (1792 – 1870 гг.), при дворце был сооружен ряд прилегающих построек, в том числе манеж, три служебных корпуса и въездные ворота (у Калужской дороги), украшенные скульптурными группами "Времена года" работы скульптора И. П. Витали (1794 – 1855 гг.) На территории владения сохранился белокаменный мост начала 19-го века, под которым был устроен пологий спуск от дворца к Москве-реке. Перестроенный дворец получил название Александринский, а парк — Александринский или Нескучный сад (в честь императрицы Александры, жены Николая I-го). Во время пребывания императора в Москве он в этом владении жил, а в остальное время парк был открыт для всех желающих, и в 19-м веке в нем устраивались народные гуляния.

На Воробьевых горах был ранее построен для Н. Б. Юсупова дачный дворец (об этом сказано выше). В 1827-м году этот дворец (или загородный дом) был приобретен опекунами душевнобольного графа М. А. Дмитриева-Мамонова. Это был сын одного из фаворитов императрицы Екатерины II-ой, генерал русской армии. Участвуя в войне 1812-го года с Францией, он допустил серьезное неправомерное деяние в отношении подчиненных ему казаков, что было поставлено ему в вину. Это был один из поводов для его помешательства. Дом Юсупова был перестроен, и с 1833-го года до смерти в 1863-м году он жил в этом доме, получившем название (в просторечии) Мамонова дача. После 1917-го года Мамонову дачу реставрировали, привели в порядок прилегающий парк, и в 1924-м году здесь был открыт Этно-парк, позднее преобразованный в Музей народов СССР. Музей выехал отсюда незадолго до начала войны 1941 – 45-го годов. После войны в этом здании разместили Институт химической физики, работавший под руководством академика Н. Н. Семенова.

В середине 19-го века несколько дальше (от Москвы) Мамоновой дачи по склону Воробьевых гор была посажена березовая роща. В конце 19-го и начале 20-го годов "Воробьевка" была любимым местом народных гуляний москвичей. По воскресным и праздничным дням народ толпами шел сюда по Воробьевскому шоссе или переправлялся на лодках через Москву-реку со стороны Девичьего поля.

Дальше по Воробьевскому шоссе в 1809 – 1811 году была построена церковь Троицы в стиле позднего классицизма (Ампир). Церковь расположена на гребне Воробьевых гор, у самого начала склона их к Москве-реке. Другая церковь построена в это время (1834-й год) близ южной стены Данилова монастыря и носит название Церковь Христова Воскресения Словущего, в честь церкви с аналогичным названием, существующей в Иерусалиме на месте легендарного воскресения Христа. Еще одна церковь того времени воздвигнута (1836-й год) на Даниловском кладбище.

Скажу теперь о прошлом местности между дорогами из Москвы к Донскому и Данилову монастырям, которое представляет наибольший интерес, так как именно там автору настоящих записок довелось жить и учиться. В конце 18-го века и еще в 19-м в местности этой были расположены обширные огороды. Между Павловской и Мытной улицами в 18-м и 19-м веках были огороды Московского пожарного депо, за Камер-Коллежским валом огороды Данилова монастыря, а между Донским монастырем, Донской улицей и Шаболовкой — огороды Донского монастыря.

В местности, прилегающей к Шаболовке с востока, был с 17-го века конский рынок, но в середине 18-го века он был перенесен дальше от центра Москвы, к Камер-

Коллежскому валу. Конский рынок занимал там огромную площадь, около одной кв. версты, между Арсеньевым переулком, Камер-Коллежским (Серпуховским) валом с севера и с юга, а с запада и востока он был ограничен Хавской и Мытной улицами (тогда это были только дороги, без названия). От Шаболовки к конскому рынку вел коленчатый Конный переулок (существует и теперь). В середине этой площади были устроены небольшие загоны для лошадей. В северной части площади конского рынка, прилегающей к Арсеньеву переулку, был открыт Дровяной рынок, просуществовавший до 30-х годов 20-го века. Мне довелось еще видеть его, но дровами тогда там уже не торговали, только овощами и фруктам.

В южной части обширной площади конского рынка с 80-х годов 18-го века устраивались скачки лошадей; на скачки иногда приезжал живший неподалеку, у Калужской дороги, граф Орлов-Чесменский, демонстрировавший своих орловских рысаков в состязании.

Чтобы закончить "конскую" тему, добавлю, что раз в год (в августе) на площади у храма Флора и Лавра (в Коломенско-Ямской слободе) устраивался смотр лошадей, куда приводили их, украшенных и расчесанных, причем всяких, как рабочих, так и скаковых. После показа (час или два) всех рабочих лошадей уводили на их постоянную работу, а скаковые участвовали в устраивавшихся здесь показательных скачках.

Теперь о скотинном ("животинном") рынке, где торговали рогатым скотом. В 1783-м году он тоже был переведен от Калужских ворот дальше от центра Москвы и размещен близ Арсеньева переуллка. Там же, на пересечении этого переуллка и Малой Серпуховской (Люсиновской) улиц располагался тогда Масляный двор, куда складывали привозимое в Москву коровье масло. На углу Арсеньева переуллка и Мытной улицы был Мытный двор, где приводимый в Москву на продажу скот осматривали, и если находили его годным к продаже, ставили на тело скотины клеймо ("мыто"), после чего продавали ее на Животинном рынке по соседству. Немного к северу от Масляного двора, по Малой Серпуховской улице построили в первой половине 19-го века провиантские хлебные склады, куда складывали привозимую в Москву муку. Склады эти простояли до 50-х годов 20-го века.

Перехожу теперь ко второй половине 19-го века. На темпы и характер застройки района в этот период оказали существенное влияние исторические события — реформы крестьянская и военная, проведенные в 60-е — 70-е года российскими либералами во главе с императором Александром II-м. Как и по всей России, после 1861-го года значительно усилилась индустриализация рассматриваемого района. Расширились немногие уже существовавшие фабрики и заводы, появились новые. Вначале стала развиваться легкая, в первую очередь текстильная промышленность. Упомянем основанные в этот период фабрики. В районе Кожевнической слободы — ситценабивная фабрика Цинделя, на Москве-реке в начале Варшавского шоссе — текстильная фабрика (позднее им. М. В. Фрунзе), и другие. Стала развиваться и вспомогательная химическая промышленность, так, на Дербеневской набережной в Кожевнической слободе появилось производство аппрета (состава из крахмала, различных смол и др.), используемого в текстильном производстве. На базе этого производства позднее был образован Дербеневский химический завод. На Шаболовке близ церкви Троицы открылась шпульно-катушечная фабрика.

Начала развиваться и машиностроительная промышленность. На Шаболовке же, против церкви Троицы московский купец Ю. Гужон (обрусевший француз) основал проволочно-гвоздильный завод (ныне завод "Москарз", производящий карбюраторы

— детали моторов разнообразных машин). Дальше от центра на Шаболовке основалась механическая мастерская Шварцкопфа, преобразованная в 20-м веке в 2-й Шарикоподшипниковый завод. Предприимчивые братья Бромлей (три брата) открыли на Малой Калужской улице кузнечную мастерскую. Дело разрасталось, охватывая все большую площадь; в частности, был снесен и бывший особняк Визардов, на месте которого располагается теперь один из корпусов машиностроительного завода (позднее завода "Красный пролетарий"). Упомянем также механический завод Винтера на Кожевнической улице.

Новые быстро растущие предприятия требовали для своего обслуживания большого количества рабочих. И рабочие явились — бывшие крестьяне из сельских местностей России; крестьянская реформа способствовала их стремлению в города, в частности, и в Москву. Рабочих нужно было расселять, и в первое время их селили в больших 3 – 5-этажных домах-общежитиях. Такие дома появились и в Дальнем Замоскворечье, и несколько из них сохранились по сию пору, например, два дома на Варшавском шоссе близ текстильной фабрики. Позднее для рабочих стали строить дома более удобные, в частности, для семейных рабочих; об этом будет сказано ниже.

В Дальнем Замоскворечье в это время возникали больницы, а также, как тогда говорили, богоугодные заведения (богадельни, сиротские дома). На Шаболовке на месте, где позднее была первая в России радиостанция, а еще позднее телецентр, был открыт сиротский дом имени святой Варвары (Варваринский). В этом приюте воспитывались девочки-сироты. К югу от этого дома от Шаболовки перпендикулярно к ней отходит переулок, названный Варваринским (позднее его переименовали в Сиротский). К югу от Сиротского переулочка занимали большую площадь (4 гектара, целый квартал) огороды и сады Варваринского сиротского дома.

Заслуживает упоминания психиатрическая больница, построенная в конце 90-х годов 19-го века близ Даниловского кладбища, на территории так называемой Орловой рощи. Больница была построена по инициативе энергичного московского городского головы Николая Александровича Алексеева (родственника известного заводчика и театрального деятеля Константина Сергеевича Алексеева-Станиславского). Н. А. Алексеев активно собирал средства для сооружения психиатрической больницы; когда некий богатый купец-самодур потребовал, в качестве условия для ассигнования денег, чтобы Алексеев стал перед ним на колени, последний, не задумываясь, сделал это, и получил деньги. Психиатрическая больница (точнее, две: для взрослых и для детей) была построена на двух холмах, между которыми в небольшой лощинке, поросшей старыми липами, протекал ручеек. Он тек в туннеле под полотном Окружной дороги, пробегал упомянутую лощинку и впадал в озерцо. Этот остаток Орловой рощи служил в 30-х годах для детей двух семей Барабановых одной из местностей для прогулок. Психиатрическую больницу, построенную в конце 19-го века, стали в просторечии называть Канатчикова дача, даже "Канатка". По-видимому, в этом месте была когда-то дача, принадлежавшая некоему Канатчикову. На проведенной в начале 20-го века близ этой больницы Окружной железной дороге на участке около нее была устроена станция Канатчиково, существующая и поныне, хотя железная дорога бездействует.

В связи с деятельностью Н. А. Алексеева расскажу, что во второй половине 19-го века ускоренно осуществлялось благоустройство Москвы. Появлялась, как теперь говорят, современная инфраструктура территории. В 1865-м году был открыт газовый завод (около Курского вокзала), там вырабатывали отопительный газ из угля путем неполного сжигания его в газогенераторах. В 1896-м году на Раушской набережной (против Китай-города) была построена электростанция (1-я МОГЭС), стали подавать

электроэнергию на улицы (для освещения), в богатые жилые кварталы, а также на некоторые фабрики и заводы. В 90-е годы был построен Мытищинский водопровод, в благоустроенные дома провели подачу воды. В 1898-м году окончили строительство канализации Москвы. При Алексееве началось асфальтирование тротуаров (но еще в 30-х годах асфальтирование только едва дошло до Дальнего Замоскворечья, об этом будет сказано ниже).

Заканчивая рассказ об Алексееве, скажу еще несколько слов о его гибели. Для городской власти и деятельного городского головы в 1892-м году в центре Москвы архитектором Д. Н. Чичаговым было построено здание Городской думы (стиль эклектика, древнерусское направление). В этом здании Н. А. Алексеев был убит (ножом) в 1893-м году во время приема душевнобольным посетителем.

В середине 80-х годов 19-го века торговля рогатым скотом и позднее лошадьми была переведена в восточную часть Москвы, в район Калитники, за Покровскую (ныне Абельмановскую), заставу. Освободившиеся территории вблизи Серпуховского вала и Арсеньева переулка стали быстро застраиваться, в основном жилыми домами.

Во второй половине 19-го века на территории южнее Земляного вала (Садового кольца) началось интенсивное жилищное строительство. На участках вблизи вала строились 2 – 3 – 4-этажные жилые дома, еще позднее на улицах Донской, Шаболовке, Большой Калужской, Большой и Малой Серпуховских, Серпуховском валу и в прилегающих к ним переулках строились небольшие одноэтажные деревянные "мещанские" дома с небольшими садиками и огородами при них. Среди массы таких одноэтажных домов обыватели побогаче (обычно торговцы) строили себе небольшие двухэтажные, обычно кирпичные, дома, в первом этаже которых размещалась лавка (магазин), а второй этаж предназначался для жилья. Таких домов (и тех, и других) было немало и в 30-х годах. В конце 40-х – начале 50-х годов все они, за немногим исключением, были снесены, и на их месте построены дома большей этажности. Что касается жилых многоквартирных домов в 2 – 4 этажа, то таких домов тоже осталось мало. Несколько таких домов еще сохранилось в начале улиц Б. Серпуховской, Б. Калужской, в переулках (Конном и др.). Некоторые из таких домов были надстроены на несколько этажей.

Возвращаясь к общественным зданиям, следует отметить среди них ряд построенных в это время богаделен и приютов. Особенно много таких зданий было построено на участке Большой Серпуховской улицы от Серпуховской площади до Арсеньевского переулка. Была построена обширная Третьяковская богадельня Московского купеческого общества, и рядом Ляпинское общежитие для бедных ("Ляпинка"). Помещение Ляпинки занято ныне клиникой и больницей хирургических болезней им. академика А. В. Вишневского (1874 – 1948 гг.). На противоположной стороне улицы стоит 2-этажный дом "Дамского попечительства о бедных" и 4-х – 5-этажные здания "Московского человеколюбивого общества". Ныне все эти здания — обычные жилые дома.

Здесь следует сказать о домах, расположенных в квартале между Сиротским и Хавско-Шаболовским переулками, и улицами Татищева и Хавской. Этот квартал расположен в непосредственной близости от дома, в котором долгое время (в частности, в 30-е и 40-е годы) жил автор настоящих записок. Упомянутый квартал огорожен (и тогда, и поныне) глухим, высоким забором с колючей проволокой наверху, с двумя воротами, с проходными при них, какие-либо вывески при них отсутствуют. Со стороны Хавско-Шаболовского переулка, на углу улицы Татищева и на некотором расстоянии вдоль этой улицы квартал ограничен двумя зданиями производственного назначения;

причем, на переулок выходило одноэтажное, а на ул. Татищева двухэтажное здание. В дни моего детства в 30-е годы старшие говорили мне, что в этих зданиях расположена "пуговичная фабрика", подтверждения этому нет. В то время сквозь стекла окон здания смутно просматривалось какое-то производственное оборудование; у меня сохранилось воспоминание, что в этих зданиях велись какие-то работы: горел электрический свет, будто бы были сварочные работы, слышался неясный производственный шум. В последующем, начиная с 40-х годов, признаки работы в этом здании не замечались, а окна были застеклены непрозрачными стеклами. В таком состоянии здание простояло несколько десятилетий, а примерно на рубеже двух веков одноэтажное здание, выходящее на Хавско-Шаболовский пер., было демонтировано (а двухэтажный корпус его на углу и вдоль ул. Татищева стоит и безмолвствует и поныне), вследствие чего стало возможным издали посмотреть на исторические здания квартала, которых имеется два, оба трехэтажные. Они имеют ясно выраженный облик зданий больничных или богоугодных заведений примерно 80-х – 90-х годов 19-го века (напр., Ляпинский приют). Очень вероятно, что в этих двух зданиях, построенных, по-видимому, в 90-е годы 19-го века, располагался в начале 20-го века сиротский приют, скорее всего, для мальчиков. Возможно, для них была в это же время сооружена фабрика для производственного обучения, возможно, и пуговичная. На территории этого квартала были впоследствии построены еще два жилых дома: пятиэтажный в конце 40-х годов и семиэтажный в 70-х годах. Хотя последний дом находится непосредственно возле улицы, но доступа в него с улицы нет. Неизвестно, какая организация занимает до сих пор этот квартал, но, по-видимому, сирот там уже нет. Возможно, в 30-е годы сироты-мальчики там жили и учились производственным профессиям. Но уже с середины или конца 30-х годов этот комплекс был строго засекречен, и там разместились некая спецслужба. Возможно, что тут осуществлялась прямая преемственность: сирот, конечно, охраняла некая охранная служба. Сироты выросли и в массе своей поступили в ту же охранную службу (потому что, живя и взрослея в изоляции, никакого другого образа жизни для себя они просто не знали). И таким образом этот комплекс естественным путем перешел в ведение охранной службы, в каковом ведении оно находится и поныне. Впрочем, это все не более чем предположение, хотя, на взгляд автора записок, весьма вероятное.

Строились в конце 19-го века и другие общественные здания и сооружения. В 1877 – 79-м годах были построены между Серпуховской и Павловской улицами силами города казармы для солдат Московского гарнизона. Это были каменные здания в 3 или 4 этажа. Они были названы Александровскими, позднее стали Чернышевскими. Около Серпуховской заставы в тот же период была построена 2-хэтажная общественная баня.

Наконец, расскажу о строительстве не земле Дальнего Замоскворечья Павелецкой, позднее Саратовской и Московско-Донбасской линии железной дороги. Сначала (в 70-х годах 19-го века) линию довели до станции Павелец, в 235-ти верстах от Москвы. При этом от станции Ожерелье пошло ответвление — линия на Донецк, центр Донецкого угольного бассейна, Донбасса. Позднее, в 90-х годах линию, продлили до Саратова, а еще позднее до Астрахани. В Москве близ церкви Флора и Лавра (вблизи от бывшего Земляного вала, но вне его) был построен в 1898 – 99-м годах Павелецкий вокзал (иногда в первой половине 20-го века вокзал называли Саратовским, позднее только Павелецким). Уже в 20-х годах около небольшого "исторического" здания вокзала возвели новое, а позднее, в 50-х годах сделали пристройку к историческому зданию. В 70-х – 80-х годах и старое здание вокзала, и обе пристройки были снесены, и на их месте было построено новое большое здание вокзала, сохранившее за собой название Павелецкого. По архитектуре новое здание несколько напоминает "историческое" здание вокзала. Павелецкая железнодорожная линия пересекает Дальнее Замоскворечье

с севера на юг, проходит между Москвой-рекой и Даниловым монастырем и затем пересекает древнюю Серпуховскую дорогу (в этом месте Тульскую улицу) поверху, по теплотрассе.

Перехожу к обзору освоения и застройки Дальнего Замоскворечья в первой половине 20-го века.

Скажу сначала о постройках промышленной архитектуры начала века. В 1903 – 1908 гг. была построена Окружная железная дорога. Участок этой дороги между Москвой-рекой и ею же (две ветви излучины) служил границей Дальнего Замоскворечья, а до 1917-го года — и границей Москвы. Для этой железной дороги через Москву-реку были сооружены два моста: двухпролетный Алексеевский на восточной ветви излучины реки, и арочный Андреевский, возле одноименного (бывшего) монастыря. В то время мосты являлись достижением инженерной мысли. Хорошим образцом промышленной архитектуры начала века можно назвать Апаковское трамвайное депо в начале улицы Шаболовка. Трамвай с электрической тягой был пущен на улицах Москвы в 1904-м году.

В 20-х годах началось освоение удобного средства дальней беспроводной связи путем передачи информации с помощью радиоволн. Для успешной и устойчивой работы радиовещания необходима антенна — металлический стержень, укрепленный на как можно большей высоте. С этой целью на Шаболовке, у Сиротского переулка в 1922-м году по проекту известного инженера В. Г. Шухова (1853 – 1939 гг.) была сооружена башня в форме гиперboloида из сваренных стальных балок высотой около 160 м. Сиротский приют к этому времени был закрыт, в его помещении поместилась первая в России радиостанция дальнего вещания (им. Коминтерна, то есть Коммунистического Интернационала). Сиротский переулок в 40-х годах был переименован в улицу Шухова.

На Малой Калужской улице, вблизи Донского монастыря, расширялась территория машиностроительного завода бр. Бромлей. Новый корпус завода, построенный в 1915 г., расположен непосредственно против монастыря. Территория завода была соединена с Окружной железной дорогой линией, по которой мини-паровоз с пронзительным свистком тянул платформы и вагоны с сырьем и изделиями завода. Паровозик этот по причине величины и его свистка назывался "кукушка". После 1917-го года завод носил имя видного партийного деятеля Я. Э. Рудзутака (1887 – 1938 гг.), а после его отстранения от дел и гибели стал называться "Красный пролетарий". В настоящее время завод по своей специальности не работает, но территория его закрыта, и что там происходит, неизвестно.

Другой, тоже машиностроительный завод расположен поблизости от "Красного пролетария", на улице Орджоникидзе. Он вырос на основе железнодорожных мастерских Окружной железной дороги в начале 30-х годов и носит имя государственного деятеля Г. К. Орджоникидзе (1886 – 1937 г.г.) Также вблизи, на 2-м Донском проезде расположен металлообрабатывающий завод им. Семашко, построенный в начале 20-го века. Завод носит имя народного комиссара (министра) здравоохранения Н. А. Семашко (1874 – 1949 гг.), основной продукцией завода являются протезные изделия.

Еще один завод был сооружен на Серпуховском валу, около окончания Шаболовки. Это завод обработки цветных металлов и сплавов. Развивалось производство на 2-м Шарикоподшипниковом заводе (бывш. завод Шварцкопфа) на Шаболовке. На основе

железнодорожных мастерских в начале Павловской улицы был основан машиностроительный и снарядный завод, до 1917-го года завод Михельсона. На заводе в годы 1-й Мировой войны производилось вооружение. Он интересен тем, что на нем в 1918-м году трижды выступал глава Советского государства В. И. Ульянов (Ленин) (1870 – 1924 гг.), там в августе 1918-го года на него было совершено покушение, и он был ранен pistolетными пулями. В настоящее время завод носит имя Владимира Ильича. В 1929-м году в поселке Нижние Котлы (около Варшавского шоссе) был построен большой кожевенный завод, названный почему-то заводом "1-го августа", по случаю начала в 1914-м году 1-й Мировой войны. Наконец, на углу Люсиновской улицы (М. Серпуховской) и Арсеньева переулка возникла парфюмерная фабрика "Новая заря".

Таков краткий очерк развития промышленности в районе Дальнего Замоскворечья в первой половине 20-го века. Отмечу, что приведенный список предприятий не является исчерпывающим, названа лишь часть их, наиболее характерные из них.

Скажу о немногих культовых зданиях того времени. Вероятно, в самом начале 20-го века на углу Серпуховского вала и Хавской улицы (метрах в 200-х от дома, в котором долго жил автор настоящих записок) была построена церковь. Это небольшая церковка, стиль модерн, направление — эклектика, заметно подражание древнерусскому стилю. Отец говорил мне в 30-х годах, что это была староверческая церковь. В ней теперь небольшой ресторан или бар. Ниже я еще остановлюсь на этой церкви. Еще одна церковь в честь св. Серафима Саровского была построена в начале 20-го века, но не ранее 1903-го года, на новой территории Донского кладбища, прилегающей к историческому Донскому монастырю с юга. В 1926-м году эта церковь была перестроена под крематорий, в настоящее время перестраивается обратно под церковь. Насколько я могу судить, церковь была в стиле модерн, направление эклектика, с элементами подражания византийской архитектуре.

Наконец, еще одна церковь достойна упоминания. На углу улицы Зацепа и Строченовского переулка, недалеко от церкви Флора и Лавра, расположена, по видимому, бывшая богадельня, а при ней церковь явно в стиле модерн, украшенная цветными изразцами и другими украшениями. Церковь очень изящная. Построена явно в начале 20-го века; при церкви большая трапезная или зал, который позднее использовался как столовая. Нигде в литературе автором записок об этой богадельне и церкви никаких сведений пока не найдено.

В связи с развитием промышленности значительно возросла численность рабочих на данной территории, поэтому возникла необходимость расширения и улучшения сети организаций социального обслуживания. Отметим прежде всего строительство новых больниц. В 1905-м году на средства богатого промышленника В. Е. Морозова на месте раннего конского рынка (близ Земляного вала) была построена детская больница, называемая и поныне Морозовской. На Житной улице совсем близко от Калужской площади был в то время построен особняк, используемый в 30-е годы как детская поликлиника. Еще одна крупная больница, на этот раз уже для взрослых, возникла в 1901 – 03 годах на Большой Калужской улице. Эта больница была названа в честь спонсоров Медведниковых — Медведниковская. В составе больницы имеются две церкви, как часть двух ее корпусов. В 20-х – 80-х годах называлась 5-я Советская. В настоящее время больница подчинена Управлению Российской православной церкви и пользуется покровительством Московского и Российского патриарха. Вблизи этой больницы был открыт в 1913-м году кожно-венерологический диспансер.

В связи с усложнением характера труда и ростом его интенсивности возникло необходимость организации неврологической клиники. В десятые годы 20-го века в тихом и озелененном уголке против Донского монастыря, на углу Донской улицы и 1-го Донского проезда были построены корпуса неврологической клиники (амбулаторное лечение и стационар) для лечения болезней нервной системы. Клинике было присвоено имя ее долголетнего директора и научного руководителя З. П. Соловьева (1876 – 1928 гг.).

На Шаболовке были построены две новых богадельни; одна из них, им. Тарасовых, в начале Шаболовки, д. 12. Частью дома является церковь. Другая была построена примерно на рубеже столетий вблизи Варваринского сиротского дома.

С целью удовлетворения материальных потребностей трудящихся Дальнего Замоскворечья (численность которых в 20-м веке постоянно и быстро увеличивалась) были построены два многоэтажных универмага: один, Серпуховской, в 20-х годах на Серпуховской площади; другой, Даниловский, в первой половине 30-х годов на одноименной площади. В 20-х годах были построены два крупных предприятия общественного питания. В конце Тульской улицы была открыта так называемая Фабрика-кухня для рабочих близлежащих фабрик, прежде всего, текстильной фабрики им. М. В. Фрунзе (1885 – 1925 гг.). В конце Донской улицы была построена общедоступная столовая завода "Красный пролетарий", трехэтажное здание ныне не сохранилось. Был благоустроен крупный Даниловский колхозный рынок на месте ликвидированной Серпуховской заставы. В конце Арсеньева переулка собирался еще до половины 30-х годов Дровяной рынок (там торговали овощами и фруктами).

В 30-х годах для населения была построена баня (Донские бани) с большой пропускной способностью. Сюда же следует отнести здание первого в России крематория, открытого в 1926-м году в перестроенном здании церкви на новом Донском кладбище (архитектор Д. Осипов).

Наряду с предприятиями здравоохранения и торговли, в Дальнем Замоскворечье открывались учреждения, обеспечивающие культурный и полезный досуг широких трудящихся масс. В первую очередь это кинотеатры и рабочие клубы, где также показывали кинофильмы. До 1917-го года вблизи Серпуховской площади и Коровьего вала купец Ремизов открыл парк для культурного отдыха публики. На его территории был построен и в 1912-м году открыт кинотеатр "Великан". После войны 1941 – 45-го годов "Великан" был демонтирован, и на этом месте выстроен кинотеатр "Буревестник". Что касается парка Ремизова, то на его месте в 1928 – 29-м годах был воздвигнут универмаг Серпуховский. В 1930-м – 35-м годах был построен кинотеатр у Крымского моста, на территории Центрального парка культуры и отдыха (о нем сказано ниже). На Тульской улице, на углу Духовского переулка (ведущего на Даниловское кладбище) было построено в 1908-м году трехэтажное здание клуба для рабочих текстильной фабрики им. М. В. Фрунзе. В ряде случаев открывались рабочие клубы в зданиях бывших церквей. Например, на Шаболовке в здании бывшей церкви Троицы был организован клуб работников шпульно-катушечной фабрики им. Ф. Э. Держинского (1877 – 1926 гг.).

В начале 20-х годов у Крымского моста была устроена первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, открытая в августе 1923-го года. В Стремянном пер. был построен и в 1908-м году открыт Народный университет им. А. Л. Шанявского (1837 – 1905 гг.) После политических событий в зданиях университета (2 корпуса) был учрежден экономический Институт народного хозяйства

им. Г. В. Плеханова (1856 – 1918 гг.). В окрестностях Донской улицы на основе существовавшего до 1917-го года училища мастеров текстильного производства, размещавшегося в нескольких корпусах, в которых были, между прочим, и опытные производства, был образован Текстильный институт, которому позднее было присвоено имя министра легкой промышленности в Советском государстве А. Н. Косыгина (1904 – 80 гг.). В бывшем доме Полторацкого в начале Б. Калужской улицы после 1917-го года было организовано обучение инженерным знаниям горнодобывающей и тяжелой промышленности. В главном здании открылся Горный институт, а во флигелях Института стали и нефтяной. Основателем, руководителем и профессором в последнем был крупный ученый, геолог и нефтяник академик И. М. Губкин (1871 – 1939 гг.).

Там же на Б. Калужской улице, но на другой, левой ее стороне в 20-х – 30-х годах 20-го века был основан и открыт ряд научно-исследовательских институтов, в которых велись исследования в области естественных и примыкающих к ним технических наук. Это были: Энергетический институт им. акад. Г. М. Кржижановского (1872 – 1959 гг.), институты Нефти, Горючих ископаемых, Общей химии, Физической химии и Биохимии им. акад. А. Н. Баха (1857 – 1946 гг.). Здания институтов построены в конце 20-х – начале 30-х годов по проектам известного архитектора В. Д. Кокорина. Наряду с научными институтами в районе Б. Калужской улицы работали в 30-х годах некоторые музеи, которые я тогда же посетил (подробности об этом ниже). Прежде всего упомяну о Палеонтологическом музее, развернутом в то время в манеже, расположенном вблизи от дворца П. Демидова, позднее графа А. Орлова, перестроенном в первой половине 19-го века (и при этом был построен, в частности, и манеж). Далее, в бывшей Мамоновой даче на Воробьевых горах действовал Музей народов СССР, а в Большом соборе Донского монастыря был до 1934-го года Антирелигиозный музей, а после этого в том же помещении — филиал Музея архитектуры. Часть экспонатов этого музея была расположена под открытым небом возле Собора или в близлежащей церкви Михаила Архангела (обо всем этом будет рассказано ниже).

Перехожу к истории застройки Дальнего Замоскворечья жилыми домами. В первые и 10-е годы 19-го века в районах вблизи от Садового кольца строились так называемые "доходные дома", квартиры в них сдавались внаем относительно состоятельным людям. Такие 5 – 7-этажные дома были построены в начале улицы Шаболовки, на Зацепе, в Арсеньевом и 1-м Люсиновском переулках. Теперь из них сохранились лишь дома в этих переулках.

Для менее состоятельных слоев населения строились гораздо более скромные дома, которые я в 30-е годы еще застал. Прежде всего следует отметить интенсивную застройку (в первые два десятилетия века) кварталов данного района небольшими одноэтажными частными домами. Все такие дома ныне не сохранились. Следующая серия домов — небольшие двухэтажные деревянные дома, предназначенные, по-видимому, для семейных рабочих, недавних переселенцев из сельских регионов. Таких домов появилось много по всей Москве, в микрорайоне между Шаболовкой и Мытной улицами ими были застроены целые кварталы. Мне приходилось бывать в таких домах, они были более благоустроены, чем одноэтажные. В них были водопровод, подводка топливного газа, центральное отопление и даже канализация. Такие 4-квартирные дома по три отдельных комнаты в каждой, как правило, коммунальной квартире, имели неудобства: планировка квартир была такова, что для прохода в комнаты необходимо было пройти через кухню, а учитывая перенаселенность таких квартир, это было не очень-то приятно. Начиная примерно с 1920-го года, такие дома больше не строились, а теперь все они снесены.

Еще более благоустроенные жилые дома стали строить уже после 1917-го года. Это были 3 – 5-этажные (в большинстве 5-этажные) кирпичные дома, предназначенные в основном для рабочих, но и для трудящейся интеллигенции тоже. В этих домах лифтов, мусоропроводов и подводки горячей воды не было. В каждой квартире были три отдельных комнаты, в одной или двух из которых имелся выход на балкон, но были квартиры и без балконов, в частности, все квартиры, расположенные на первом этаже. Полы в квартирах были дощатые. Ввиду демографического положения общества того времени почти все квартиры в таких домах были коммунальные (были и исключения), и плотно заселены. Строительство таких домов в Москве в 20-е годы велось весьма интенсивно. В микрорайоне возле дома моего жительства в 1924 – 29-м годах возводились целые поселки по 10-15 таких домов. Между Люсиновской и Мытной улицами, близ Даниловской площади, например, возник поселок "Новые дома", в квартале между Серпуховским валом и Хавско-Шаболовским переулком был построен в 1925 – 29 годах поселок из 13 таких корпусов (позднее я расскажу о нем подробнее, так как в одном из его корпусов жила семья моих родственников и семья моего приятеля). Вблизи моего дома были также поселки, состоявшие из меньшего числа таких домов (от 3 до 6), их было 3 или 4, была и одиноко стоявшая пятиэтажка. Что касается дома, в котором жил я, то он имел (вначале) 4 этажа был построен на рубеже 1927-го и 1928-го годов на углу Хавской улицы и Хавско-Шаболовского переулка. Этот дом будет подробно описан и охарактеризован в следующей главе.

Вблизи бывшего моего дома был построен в Хавско-Шаболовском переулке в 1926 – 1928-м годах жилой дом, называвшийся "Дом-коммуна". Планировка этого 5-этажного дома предусмотрела коридорную систему. Отдельные комнаты (каждая для одной семьи) выходили в общий длинный коридор, в конце которого были устроены общие кухни и туалеты. В каждой комнате же за занавеской было подведена вода для умывания и душ (с холодной водой). При доме была хорошая столовая (где можно было брать обед и на дом) с буфетом, зал для общих собраний. Концепция этого дома была "модной" в то время, но жить в нем было, без сомнения, менее удобно, чем в домах с отдельными квартирами. В аналогичном по внутренней планировке доме во 2-м Донском проезде помещается общежитие студентов Текстильного института.

Во второй половине 30-х и в 40-х годах в рассматриваемом микрорайоне возвели немало домов, относящихся к следующей, более высокой по оборудованию стадии заселения. Это были кирпичные 5 – 8-этажные дома с лифтами и мусоропроводами, но без подводки горячей воды (например, два дома на Серпуховском валу). Предназначались они, как правило, для тогдашней "элиты" общества (руководящие работники предприятий, институтов; высших чиновников, офицеров достаточно высоких званий, и т. п.). Много таких домов было построено на Б. Калужской улице; эти дома отличались от прочих аналогичных домов более удобной планировкой квартир, более тщательной эстетической отделкой внешнего облика, более нарядным внешним видом. К таким домам относятся, в частности, дома (числом около 10), построенные по проектам (видимо, стандартным) архитектора Д. Н. Чечулина (1901 – 81 гг.). Более совершенные по архитектуре дома известных архитекторов Г. П. Гольца (1893 – 1946 гг.) и А. Г. Мордвинова (1896 – 1964 гг.) (каждого по одному дому), построены в 1939 – 1941 годах. Еще более высоким классом как в планировке и отделке квартир, так и в эстетическом оформлении характеризуются дома, построенные по проектам маститых архитекторов А. В. Щусева и И. В. Жолтовского, дома (по одному) построены, соответственно, в 1939-м и 1949-м годах. Особенно отличается тщательной, но не броской эстетической отделкой дом Жолтовского.

Как было показано, в рассматриваемом районе Москвы в 19 –20-м столетиях развернулось интенсивное жилищное строительство. Возникла необходимость интенсификации школьного образования. Поэтому в рассматриваемом районе, начиная с 2-й половины 20-х годов, было построено немало школ. До постройки новых школ обучение детей с Хавско-Шаболовского переулка велось в небольшой школе, помещавшейся в стандартном 2-хэтажном бревенчатом доме, стоявшем в этом переулке близ Шаболовки. Однако уже в конце 20-х годов в этом переулке была построена большая 3-хэтажная кирпичная школа, в которой учился и автор настоящих записок с 1936-го по начало 1941-го года. В начале 30-х годов на Шаболовке было построено 3-хэтажное здание школы, а к середине 30-х годов в близлежащем (к моему дому) микрорайоне было построено несколько 3-хэтажных школ по типовому проекту (например, между 4-м и 5-м Рощинскими проездами). В 1936-м году на Хавской улице была построена школа по индивидуальному проекту, архитектурно более изящно оформленная. В этой школе учились, как правило, более "продвинутые" школьники, и образование было на несколько более высоком уровне, чем в других школах. Наконец, в Хавско-Шаболовском переулке близ Мытной улицы в 1940-м году была построена 3-хэтажная школа методом сборки здания из панелей, новый в то время, прогрессивный метод, позволяющий значительно ускорить строительство.

На описанной территории застройка, в особенности, жилыми домами во второй половине 20-го века продолжается, однако, она уже выходит за принятые нами временные рамки, и здесь не рассматривается.

О доме, в котором жил автор записок в его детстве и отрочестве

Я жил в новом (для 30-х годов) кирпичном 4-хэтажном доме, построенном в 1927-м году и заселенном не позднее июня 1928-го года. Формально дом являлся частью архитектурного ансамбля, состоявшего из двух аналогичных домов, расположенных визави, с Хавско-Шаболовским переулком между ними. Дома, имевшие в плане форму буквы "Г", то есть состоявшие из двух крыльев, под прямым углом друг к другу, были расположены на перекрестке Хавской улицы и Хавско-Шаболовского переулка, так что одно крыло каждого из них выходило на переулок, а другое — на улицу.

Внутри двух крыльев каждого дома был небольшой внутренний дворик, в центре которого был квадратный палисадник (садик) протяженностью примерно 20 на 20 м. Внутри палисадника были правильно, симметрично распланированные пешеходные дорожки. В центре его была круглая клумба в форме пологого конуса, в центре его был врыт фонарный столб с электрическим фонарем на его верху. Внутри палисадника вели четыре широких входа на каждой из его четырех сторон. Вокруг круглой клумбы размещались, против каждого из четырех выходов, четыре одинаковых клумбы меньшего размера, имевших форму вытянутой, слегка изогнутой фасолины, в середине которой, приходящейся на центр входной дорожки, был высажен куст сирени. На всех клумбах росли регулярно высаживаемые цветы. Клумбы имели чисто декоративную загородочку из врытых своими концами проволочных полукружков. По углам палисадника располагались газоны неправильной формы, с двух внешних сторон они были ограничены прямыми линиями (ограда из невысокого штакетника), а с внутренней, выходящей на клумбы сложной кривой вогнутой формы — низкой загородочкой из одного горизонтального проволочного прута. Эти газоны были засеяны травой, и в них также были высажены многочисленные кусты, вероятно, жимолости (летом они цвели белыми цветами). По периферии угловых газонов росли липы, которые к концу 40-х годов уже значительно разветвились и были весьма

тенисты. В углублении каждого углового газона были сооружены деревянные садовые скамейки с удобными, несколько наклонными кзади спинками. Весь палисадник имел совершенно симметричную 4-хстороннюю форму. Вокруг палисадника с внутренней стороны всего дома предусмотрена дорога для транспорта.

Здесь дается подробное описание внутреннего палисадника с целью показать тщательность работы и явное стремление архитектора подчеркнуть эстетическую сторону этой его разработки.

С двух "открытых" сторон двор был ограничен: на Хавско-Шаболовский переулок и на наш двор боковой стеной выходил небольшой 2-хэтажный жилой дом с нижним кирпичным и верхним деревянным этажами. Дом был построен примерно в конце 19-го века. В глубине узкого двора около этого дома было небольшое, видимо, 2-хэтажное кирпичное здание, которое своей боковой стеной частично ограничивало двор нашего дома, на наш двор выходило одно его небольшое окно. Про это кирпичное здание, в котором было организовано мини-предприятие, говорили, что это "чемоданная фабрика". Вероятно, это была галантерейная мастерская или фабричка, принадлежавшая в 20-х годах некоему нэпману по фамилии Волков, об этом будет сказано ниже. Между жилым 2-хэтажным домом и этой фабрикой наш двор ограничивал сплошной деревянный забор, продолжавшийся до угла двора. На этом углу, уже на другой стороне нашего квадратного двора, располагалось высокое и обширное кирпичное здание без окон, с высокой вытяжной трубой — котельная соседствовавшего с нашим двором большого жилого поселка "Коммуна", состоявшего из дюжины новых пятиэтажных жилых домов. Эта котельная частично ограничивала наш двор со стороны, противоположной крылу дома, выходившему на переулок. Большая же часть этой стороны двора была огорожена невысоким сплошным забором, доходившим до тротуара, располагавшегося вдоль Хавской улицы. В том месте, где этот забор подходил к торцу крыла нашего дома, между забором и домом оставалась неширокая (шириной 1,5 — 2 м. и длиной, равной ширине нашего дома) полоса, ничем не занятый клочок земли, заваленный остатками строительного мусора, между которыми местами росла чахлая сорная трава. От двора, как и от улицы, эта территория была отгорожена забором; на языке ребят нашего двора она называлась "переулок". Забор между двором и этим "переулком", был непрочен и частично выломан, и дети легко проникали в этот "переулок", используя его для своих игр.

С внешней (парадной) стороны наш дом был оформлен не без некоторого изящества, впрочем, в рамках конструктивистского архитектурного стиля. На стыке двух крыльев дома с внешней стороны вместо прямого угла был устроен выем типа глубокой ниши, глубиной несколько метров, а высотой, равной высоте всего дома, ниша в плане имела форму пятиугольника, Некоторое варьирование объемов было выполнено и при оформлении балконов. Вдоль внешних стен дома были смонтированы три вертикальных ряда балконов (со второго по четвертый этаж), на каждый балкон (удлиненной формы) выходили двери из двух комнат разных квартир, более того, эти две комнаты, выходившие на один балкон, были из разных (соседних) подъездов. Кроме того, на каждом из двух торцов дома тоже был вертикальный ряд небольших балкончиков с выходом на них только из одной (угловой) комнаты. Все балконы, довольно широкие, были наполовину встроены в стены дома, то есть, это были, в сущности полу-лоджии.

Кроме варьирования объемов, в конструкции дома применялось некоторое (небольшое) варьирование цветов. Дом в целом был сложен из красного кирпича, но с внешней стороны его, вблизи от упомянутой ниши (выемки) в стене были две широкие

вертикальные полосы сверху донизу здания, выложенные из белого кирпича. Парадные двери из каждого из пяти подъездов на улицу были высокие (к ним с улицы вела одна ступенька), над этими дверями были козырьки нестандартной формы, усеченные с двух сторон треугольничками, так что они были несколько длиннее у стены, чем со стороны улицы. Окна первого этажа (заселенного так же, как и остальные) были расположены невысоко над уровнем земли, и с внешней стороны дом был огорожен невысокой оградкой из частых бетонных столбиков, ограда эта крепилась к невысоким бетонным тумбам с верхушками в форме пирамидки, стоявшим на расстоянии около двух метров друг от друга. Неширокая полоса (около 1,5 м.) между стеной дома и оградкой была асфальтирована. На этой полосе были вырыты несколько ям для окон из подвальных помещений; эти ямы были выложены бетоном, дно их было асфальтировано, а сверху они были прикрыты чугунными решетками. По широкому, неасфальтированному тротуару вдоль дома шла неширокая (примерно 1,5 м.) асфальтовая пешеходная дорожка с такими же подходами к каждому из пяти подъездов. Парадные входные двери эти были обычно заперты, для входа в дом и выхода из него все желающие пользовались черными ходами, со двора, там входные двери были низкие. Около торца того крыла дома, которое выходило на Хавско-Шаболовский переулок, были смонтированы бетонные же ворота с примыкающими к ним двумя короткими фрагментами высокого бетонного забора. Вверху ворот был смонтирован невысокий (около 1 м.) плоский бетонный фронтон фигурной формы с круглым отверстием (люкарной) в нем, диаметром около 0,5 м. Створки ворот, укрепленные на бетонных верях, были сварены из чугунных стержней, обычно они были заперты на висячий замок, но в одной из створок была калитка для пешеходов, как правило, не запертая. Попастъ в наш двор и зайти в дом можно было, только пройдя через эту калитку.

Расскажу о чердаке и подвальных помещениях дома. Двери чердака были всегда открыты, он был предназначен для развешивания сушащегося после стирки белья. Моя мать часто использовала его для этой цели, и никогда ни одна вещь не пропадала. Освещения там не было, только слабый свет из люков на крышу. Пол там был засыпан шлаком, с выступающими из засыпки часто расположенными деревянными балками. Из чердака на крышу можно было выйти через один из люков (их было несколько), выход был свободный, к люкам от пола чердака вели невысокие лесенки из железных прутьев. Крыша была железная, покатая, но скат был не крутой. Она была огорожена невысокой оградкой из одного железного горизонтального прута.

Подвал был глубокий, подвальные помещения хорошо оборудованы. Под средним подъездом был оборудован так называемый "красный уголок": там была контора домоуправления и маленький зрительный зальчик с невысокой сценой и трибуной на ней. В этом же зальчике стоял небольшой книжный шкаф с домовой библиотекой — абонементом для жильцов дома. В конце 30-х годов и в начале 40-х я активно пользовался этой библиотекой. Тут же, вблизи от красного уголка одну из комнат занимала так называемая столовая, а точнее раздаточный пункт.

Сюда ежедневно доставляли из расположенной по соседству (в доме-коммуне) столовой небольшой котел с супом и посуду со вторым блюдом и отдельно с гарниром, а также посудину с компотом. На второе обычно привозили жареные котлеты, а в качестве гарнира картофельное пюре. Желающие из жильцов дома (в том числе и моя мать) брали, отсюда за небольшую плату, обед на дом (обедать на месте было невозможно: негде). Для подогрева подвозимых блюд в раздаточной была плита, на ней же иногда кто-либо из обслуживающего персонала (или добровольцы из жильцов дома) пекли различные пирожки или что-либо подобное, обычно сладкое, которое продавалось затем желающим за буфетной стойкой, расположенной в том же зальчике

красного уголка. Там же продавались, помнится, кое-какие закуски и безалкогольные напитки.

Остальная часть подвала использовалась уже на моей памяти по-разному. Вначале в подвале под одним (там, где жил я) крылом дома была котельная для отопления дома, к этой части подвала периодически подвозили уголь и ссыпали в подвал через одно из подвальных окон. Под другим крылом дома (выходившим на переулок) были оборудованы разгороженные каморки-чуланы (для каждой квартиры отдельно), где жильцы могли хранить вещи, не постоянно ими используемые. В частности, моим отцом туда были положены некоторые книги, в основном художественная литература на иностранных языках (например, немецкая классика). Отец ходил туда редко, а когда чуланы эти были ликвидированы, оказалось, что книги оттуда исчезли, хотя чулан был заперт на замок.

Позднее, к середине 30-х годов, подвальная котельная была ликвидирована, видимо, тепло для отопления дома стали подводить откуда-то извне. Вместо котельной эту часть подвала стали использовать под склад картофеля. Осенью к подвальному окну, куда ранее ссыпали уголь, подъезжали грузовые автомобили с грузом картофеля, лежавшим в кузове навалом, и этот груз рабочие ссыпали в подвал с помощью подставляемых к грузовику деревянных лотков.

К концу 30-х годов, когда на политическом горизонте явственно замаячила война, подвальные чуланы были ликвидированы, и на их месте было оборудовано бомбоубежище. Там было проведено электрическое освещение, 2 - 3 небольших комнаты были наскоро отделаны, там были поставлены скамьи для сидения и, кажется, несколько небольших столиков. В 1941 - 42-м годах, когда немецкие самолеты подвергали Москву бомбардировкам, жильцы дома по сигналу "Воздушная тревога" (обычно это бывало по ночам) спускались в эти подвальные помещения и пребывали там до "Отбоя", иногда долго, а иногда всю ночь. Спускался туда с матерью и я, но очень не любил сидеть там, так как ночью очень хотелось спать, а спать сидя мне тогда не удавалось.

Описав мой дом, скажу здесь несколько слов о его возможном архитекторе. Упомянутые и некоторые другие особенности архитектурного оформления дома позволили мне высказать предположение (гипотезу), что дом этот был спроектирован известным российским архитектором первой половины 20-го века Николаем Яковлевичем (Джемсовичем) Колли (1894 – 1966 гг.). Этот архитектор принадлежал к тому направлению (в пределах стиля конструктивизма), сторонники которого полагали, что новые жилые дома должны быть не только удобны и уютны для жильцов (и экономичны для строительных организаций и государства), но и эстетически привлекательны, красивы, чтобы они воспитывали их художественный вкус и углубляли гуманистическое мировоззрение. Во главе этого направления архитектурной мысли стоял маститый архитектор, академик архитектуры И. В. Жолтовский (1867 – 1959 гг.), учеником его был Н. Я. Колли (учениками которого, в свою очередь, были архитекторы Б. Г. Бархин (1880 – 1969 гг.) и Н. Н. Уллас (1914 – не ранее 1985 г.)). Кроме описанных выше особенностей архитектуры моего дома, выделивших его на фоне довольно стандартных, удобных, но эстетически не оформленных, многочисленных в 20-е годы новых 4 - 5-этажных домов (например, домов соседнего поселка "Коммуна", о которых будет сказано ниже), он имел еще две особенности, общие с домами, спроектированными Н. Колли. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что это очень похожие конструкция окон, совмещенных с балконными дверями, и похожая планировка внутренних двориков (например, цветочные клумбы в

форме изогнутых фасолин).

Еще один довод в пользу возможного авторства Н. Колли: в нашем доме долго жил художник Колли, известный мне тогда как Алеша Колли. Это был молодой человек с темными длинными, вьющимися волосами, на голове его был берет, надетый всегда набекрень. В последнее время я узнал, что это был художник Алексей Владимирович Колли, 1927-го года рождения (ныне покойный) племянник архитектора Н. Колли. Но, согласно достоверным сведениям, мой дом был спроектирован не Н. Колли. В пользу этого последнего положения есть еще один довод: планировка квартир в моем доме имела недостаток — совмещенный санузел. Учитывая все эти доводы, представляется вероятной гипотеза, что дом, в котором я жил, был спроектирован в мастерской Н. Я. Колли, возможно, кем-либо из его учеников или сотрудников (но не им самим).

Остается сказать здесь, что случилось с бывшим моим до 1966-го года домом теперь. Изменения начались уже в конце 30-х годов. Дом стали надстраивать приблизительно в 1940-м году. Работа эта велась и во время войны с Германией и закончилась в 1943-м или 1944-м году. Дом стал на два этажа выше. Во время этих работ не заботились подбирать кирпичи подходящего цвета, поэтому верхние два этажа дома "пестрые". Позднее дом, не штукатуря, покрасили несимпатичной красноватой краской. В квартирах надстроенных этажей балконы не смонтировали. В прежнем четырехэтажном доме лифтов не было, но когда его надстроили еще на два этажа, то в 50-х годах в каждом подъезде были смонтированы внешние подвесные желоба, в которых ходили кабины лифтов.

После окончания диктатуры коммунистической доктрины в Москве появились состоятельные граждане, не пожелавшие жить в тесных квартирах советской постройки. В некоторых относительно новых домах делают капитальный ремонт с перепланировкой квартир, заменой устаревших материально и морально перекрытий и коммуникаций, и т. п. Такому именно капитальному ремонту подвергся бывший мой дом приблизительно в середине 90-х годов. Число подъездов уменьшилось с 5 до 3-х, этажей стало 7, правда, первый этаж стал техническим. Дом оштукатурили и покрасили в солидный светлый цвет. Что сделали с подвалом, не знаю, может быть, засыпали. Проверить это трудно, так как на дверях подъездов установили домофон, в подъезд не зайдешь. Дворик тоже резко изменился. Палисадник и вся растительность во дворе ликвидирована, ворота и наружная оградка вокруг дома тоже. Двор сплошь заасфальтирован и, как правило, забит автомобилями. Для игр детей поставили все-таки посреди двора какую-то жалкую железную лесенку, чтобы лазить по перекладинам, а больше ничего.

Дом, аналогичный бывшему моему, стоящий напротив последнего через Хавско-Шаболовский переулок (теперь улица Лестева), в основном сохранился в прежнем виде (но надстроенный, 6-этажный), даже бетонные ворота с люкарной наверху целы (но никаких железных створок нет), внутрь подъездов зайти можно, там все сохранилось, как было в добрые старые времена. Первоначальный палисадничек внутри двора не сохранился, но там оборудована довольно большая площадка для детских игр. Есть в дворике, к сожалению, и несколько "ракушек" для автомашин.

Описание дома, в котором я жил в те давние годы моего детства, нужно, для полноты представления, дополнить сведениями о квартале, на углу которого он помещается. Квартал этот ограничен с запада и востока улицами Шаболовка и Хавская, с юга Серпуховским валом, а с севера Хавско-Шаболовским переулком. Когда-то, в стародавние времена, а точнее в первой половине 19-го века весь этот квартал занимал

огород г-на Хавского, того самого Петра Васильевича Хавского, чиновника министерства юстиции, а по совместительству историка христианских церквей и города Москвы, в честь которого названа Хавская улица. Впрочем, на улице, названной в конце 19-го века Хавской, Хавский не жил, а дом его был в то время поблизости, на Донской улице. Я понял, что П. Хавский является интересной и характерной исторической фигурой, и так как он теперь практически совсем забыт, и сведения о нем достаточно труднодоступны неспециалисту, то ниже я вкратце сообщу наиболее существенные сведения о нем.

Итак, квартал, бывший ранее огородом Хавского. Все внутреннее пространство квартала (большая часть его площади) занимал большой жилой массив из новых (постройки 1925-го – 1929-го годов) пятиэтажных домов поселка "Коммуна". Всего в пределах квартала было построено 13 жилых домов и один трехэтажный, называвшийся "клуб" (в нем были администрация поселка, библиотека, зрительный зал и т. п.). В этом поселке мне довелось в детстве бывать весьма часто, так как в одном из домов его (корпус 8) жила семья моего дяди Владимира Ивановича, с которой моя семья была в тесной дружбе, мы много общались. Кроме того, в том же доме (но в другом подъезде) жила семья служащего автозавода АМО (позднее ЗИС и ЗИЛ) Александра Петровича Иванова, в которой мне тоже довелось часто бывать, потому что с сыном его Игорем я одно время дружил, а жена Александра Петровича Ольга Яковлевна была в пору моего детства некоторым образом моей воспитательницей (она присматривала за мной днем, когда моя мать была занята на работе). Об этой весьма значительной полосе моего детства я подробно расскажу позднее.

Поселок "Коммуна", располагаясь в основном в глубине квартала, выходил частично и на Хавско-Шаболовский переулок и совсем немного на Шаболовку. Кроме упомянутого участка поселка и нашего дома квартал по его периферии был окаймлен рядом тесно стоявших старых одноэтажных домиков, ранее, вероятно, бывших частными. Среди них, однако, несколько двухэтажных тоже, видимо, раньше были частными, в одном из них, расположенном на Серпуховском валу, еще при мне была мастерская и магазин оптических изделий. Были там и такие двухэтажные дома (старые, деревянные), в которых жили семейные рабочие. Но был и трехэтажный дом, судя по его архитектуре, в нем было что-то вроде общежития для одиноких рабочих. Он был вблизи от нашего дома, фасадом выходил на Хавско-Шаболовский переулок, а вход в него был с двора "чемоданной фабрики". Это было почти наверное общежитие для рабочих фабрики. Все эти старые малоэтажные дома едва ли были благоустроены по стандарту того времени. В 30-е годы они не имели водопровода; помню, жители их ходили с ведрами за водой к водоразборным колонкам, одна из которых была около моего дома, на углу Хавской улицы и Хавско-Шаболовского переулочка. Некоторые из этих малоэтажных домов сохранили возле себя, даже после постройки в этом квартале 5-этажных домов, небольшие садики. Вблизи стыка Серпуховского вала и Шаболовки между этими маленькими и новыми домами нашлась небольшая площадка, где зимой устраивали ледяной каток для детей, живших в близлежащих домах. Все улицы в то время были замощены булыжником, а на тротуарах асфальтовые дорожки были только против домов новой постройки, а возле старых домов, стоявших вдоль улиц (а таких домов тогда было большинство), тротуары не имели никакого покрытия, и в ненастную пору ходить по покрывавшей их грязи было неприятно. Здесь скажу еще, что Хавско-Шаболовский переулок был направлен прямо на Большой собор Донского монастыря, и когда я шел по переулочку домой от Даниловской площади (а это было практически каждый день), величественные купола собора были постоянно перед глазами.

Перехожу к Хавской улице, на которую непосредственно выходили наше окно и балкон. Расскажу о моем детском наблюдении, когда я смотрел с балкона (4-й этаж) на простиравшийся передо мной город. Повернув голову налево, я видел верхушку колокольни Ивана Великого, что в Кремле, а посмотрев направо, видел вдали зеленеющие поля за Окружной железной дорогой. Таковы были в то время размеры Москвы; весь город можно было окинуть едва ли не одним взглядом. Хавская улица была в то время малолюдная и малоезжая, так что между бульжниками ее против нашего дома местами пробивалась ярко-зеленая травка. Улица эта и по сей день остается малохоженой и малоезжей.

Теперь о Петре Васильевиче Хавском, чьим именем еще в 19-м веке была названа улица. Хавский родился еще в 18-м веке, в 1783-м году в г. Егорьевске Московской губернии, в семье обер-офицера (не дворянина). Поступил на службу там же, копиистом в судебную канцелярию. Работал всю жизнь чиновником по судебному ведомству, видимо, весьма усердно и успешно, так что к концу трудовой деятельности получил чин действительного статского советника (штатский генерал) и дворянское достоинство. По долгу службы занимался в московских архивах, где знакомился с документами по истории юстиции в России, а заодно и по истории города Москвы. Публиковаться он начал в 1825-м году по совету знаменитых писателей Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского. В 1847-м году издал книгу о 700-летию города Москвы, в которой систематически описал весь город Москву, разделенный для удобства описания на "части" (полицейский термин) и кварталы. Будущая окрестность моего дома называлась Серпуховская часть, она состояла из 5 кварталов. Мне пришлось просмотреть также описание некоторых кварталов Калужской части. Из этой книги Хавского мною был почерпнут ряд сведений по истории района Дальнего Замоскворечья. Кроме истории юриспруденции и истории г. Москвы, Хавский занимался хронологией русской истории и церковной хронологией, имел печатные труды по этим отраслям знания. Жил он долго, умер в 1876-м году в возрасте 93-х лет, был трижды (последовательно) женат, имел от трех жен пятерых детей, в том числе от последней жены троих; последний ребенок (сын) родился у него в 1856-м году. Некоторое время (с 1831-го по 1845-й год) он жил на Донской улице и имел огород по Серпуховскому валу. В то время Хавской улицы еще не было, это была дорога, и Хавский называл ее Проектированной улицей. Хавско-Шаболовский переулок был в то время тоже лишь проезжей дорогой между двумя кварталами.

Некоторые дома, расположенные по Хавской улице, заслуживают упоминания. В конце улицы, на углу Серпуховского вала и Хавской улицы расположена маленькая церковь, построенная в последние годы 19-го, либо в первое десятилетие 20-го века. В ее архитектуре заметны некоторые черты русской архитектуры 17-го века. Мой отец говорил мне, что это была старообрядческая церковь. В 30-е годы и позднее в ней был какой-то склад, но она хорошо сохранилась. Недавно она была отреставрирована, но не была передана духовенству какого-либо толка, а в ней была открыта закусочная (или что-то в этом роде).

Если идти по Хавской улице в сторону центра, то на углу Хавской улицы и Хавско-Шаболовского переулка, как раз напротив бывшего моего дома стоит здание, построенное примерно на рубеже 20-х и 30-х годов 20-го века. Тогда это была средняя школа (номер 540), в которой мне довелось учиться с 1936-го по 1941-й год (1-й – 5-й классы). 4-этажное здание построено в хорошем конструктивистском стиле, для украшения внешнего вида применено некоторое варьирование объемами. Нижний (первый) этаж представляет собой полуподвал или цокольный, технический этаж, с которым сообщается вынесенный в пристройку обширный физкультурный зал. Коридоры в этой школе широкие, классные помещения просторные, потолки в них

высокие. В этом здании, начиная с 1942-го года и по сию пору, размещается специальная лечебница (госпиталь).

Далее по Хавской улице, после пересечения Сиротского переуллка, на правой стороне расположено здание тоже средней школы (545-й), в которой мне в 1943-м – 45-м годах довелось учиться, и в 1945-м году я ее окончил. Здание этой школы было построено в середине 30-х годов, школа там была открыта в конце 1936-го года. Здание школы 3-этажное, и архитектурный стиль ее имеет черты эклектизма (так называемое Сталинское барокко, даже намеки на классицизм и модерн). Однако внутри здания потолки несколько ниже, чем в школе 20-х годов, и помещения немного менее просторны. Школьный двор весьма обширен, там в хорошее время устраиваются спортивные игры, а в военное время двор использовался как огород для работников школы. Имеются сведения, что в начале 20-го века на месте этой школы и ее двора был обширный карьер, где добывали песок или глину для выработки строительных материалов.

Далее с правой же стороны возвышается многоэтажный (не менее 8 этажей) жилой дом постройки 1940-го – 41-го годов, с невыразительной архитектурой. В конце улицы, у Арсеньева переуллка, была когда-то Дровяная площадь, с дровяным рынком на ней, на котором в начале 30-х годов дрова уже не продавали. Теперь эта площадь частично застроена вышеупомянутым жилым домом, осталась узкая полоска земли, занятая небольшим сквером.

Напротив этого сквера, по Арсеньеву переулку, расположено небольшое 3-этажное здание, бывшее в 30-е годы жилым. Это здание с низкими потолками и мелкими частыми окнами предназначалось для бедных жильцов, или было в конце 19-го века общежитием для рабочих. Ныне в этом здании размещаются разные учреждения.

Теперь о ближайшем соседстве моего дома — бывшем когда-то рядом с ним Варваринском сиротском приюте. Непосредственно в соседнем квартале (через Хавско-Шаболовский переуллок), где, по литературным данным, в начале 20-го века были обширные приютские сады, к 30-м годам от них уже ничего не осталось. Этот квартал был частично застроен в 10-х годах по периферии, со стороны Шаболовки и Сиротского переуллка небольшими деревянными одно- или двухэтажными домами — скромным жилищем московских мещан или рабочих и мелких служащих. Со стороны же Хавской улицы и Хавско-Шаболовского переуллка были в 20-х годах построено несколько жилых стандартных пятиэтажек. В самом начале 30-х годов фасадом на переуллок был воздвигнут так называемый "дом-Коммуна", большой, в форме "покоя" пятиэтажный жилой дом, спроектированный не без претензии на красоту, с классическим для конструктивизма внешним обликом. Внутренняя же планировка являла собой коридорную систему из небольших квартир, что с точки зрения коммунальных удобств едва ли приятно. Впрочем, на первом этаже дома размещалась хорошая для тех времен столовая, недорогая, с большой пропускной способностью, с хорошим буфетом и отпуском, при желании, обедов на дом. В настоящее время уже никакой столовой нет, и в этом доме размещаются различные организации. В этом же квартале стоит дом-визави бывшего моего дома, напоминающий его зеркальное отражение. Этот дом-отражение сохранился и поныне в его первоначальном виде, лишь с добавлением двух надстроенных этажей. В этом же квартале стояло, фасадом на переуллок, бревенчатое двухэтажное здание, в котором в середине 30-х годов была школа; ныне это здание снесено. В этом же квартале близко от Хавской улицы в середине 30-х годов было построено жилое 5-этажное здание несколько более совершенное по планировке, чем пятиэтажки 20-х годов.

В соседнем квартале (ближе к центру, через Сиротский переулок) был расположен сам приют, для девочек. По данным на конец 20-го века, в приюте было 29 девочек. В 30-х годах приюта там уже не было, но на краю квартала, в сторону Сиротского переулочка, была воздвигнута в 1922-м году сетчатая конусообразная башня, сваренная из стальных балок, высотой около 160 м. Эта башня, смонтированная из блоков гиперболоидальной формы по проекту знаменитого архитектора, талантливого инженера В. Г. Шухова, была предназначена для использования в качестве антенны для дальних (беспроволочных) радиопередач. Со стороны Шаболовки в этом квартале виден трехэтажный особняк, построенный, судя по архитектуре (модерн) на рубеже 19-го и 20-го веков. Возможно, в этом здании и размещался сиротский дом. Квартал этот весьма обширен; далее в сторону центра стояло (и стоит) большое трехэтажное здание конца 19-го или начала 20-го века (стиль модерн, эклектика, древнерусское направление), в этом здании, по словам моего отца, размещалась богадельня. В 20-х годах и позднее в этом доме были различные учреждения. Наиболее интересное (и таинственное) здание было на периферии этого квартала со стороны Хавской улицы. Это было маленькое низкое одноэтажное строение фабричного типа, вросшее в землю, с двухэтажной пристройкой и невысокой фабричной трубой. Никакой вывески на этом здании не было, в 40-х годах 20-го века здание это, по крайней мере, частично, использовалось как жилье. В настоящее время имеется въезд во двор этого здания и вывеска: "Центральный НИИ лубяных волокон".

Еще один квартал в том месте имеет, на мой взгляд, отношение к сиротскому приюту: это квартал, расположенный через уличный перекресток от моего дома, между Хавско-Шаболовским и Сиротским переулочками и Хавской улицей. Внутри этого квартала расположено несколько жилых (или учебных, или лечебных) домов. Два из них, трехэтажные, были построены еще в 19-м веке (90-е годы) в стиле казенных домов того времени. Еще один дом был построен в 50-х годах, и другой в 70-х, оба явно жилые. Еще в этом квартале имеется здание заводского типа, оно было частично снесено в конце 90-х годов 20-го века. Весь этот квартал окружен высоким забором (с колючей проволокой наверху), в котором имеются две проходные, но без вывесок. Так было в 30-е годы 20-го века, такое же положение сохранилось и теперь. Остается добавить, что не углу этого квартала, фасадом на Хавскую улицу, а торцом на Хавско-Шаболовский переулок, был построен в конце 19-го века довольно большой трехэтажный жилой дом, в который, однако, доступ с улицы был (и есть). Теперь в этом доме какие-то учреждения. Точно такой же дом (аналогичной архитектуры) стоит недалеко от описываемых кварталов, в Конном переулочке, близ выхода его на бывшую Дровяную площадь. И еще один небольшой, но трехэтажный кирпичный дом постройки явно начала 20-го века стоит на краю квартала, где расположен ЦНИИ лубяных волокон. Теперь там размещается среднее техническое учебное заведение (коллеж). Возможно, во времена приюта там был жилой корпус для девочек.

Таковы факты об этих "сиротских" кварталах. В каждом из двух последних имелись мастерские или фабрички, возможно, для обучения сирот рабочим профессиям, раздельно мужским и женским. Имелись на этих территориях жилые дома, и мало того, были предусмотрены и жилые дома — жилье для выросших и обученных сирот, где они могли бы жить первое время по выходе из приюта. Теперь на месте приюта для девочек расположен ЦНИИ лубяных волокон, а что теперь размещено в квартале приюта для мальчиков — неясно. Можно построить об этом гипотезу, но чтобы высказать ее, требуется какое-либо разъяснение, которого пока нет.

Рассматривая далее ряд жилых кварталов на протяжении от Хавской улицы до Мытной

и Даниловского рынка (который был расположен у существовавшей до конца 19-го века Серпуховской заставы), можно сказать, что все это достаточно обширное пространство было застроено небольшими одно- и двухэтажными, в большинстве деревянными домами времен конца 19-го и начала 20-го века, предназначенными для народа, то есть бедных, малообразованных людей — мещан, рабочих, мелких служащих; большинство этих людей были недавними (послереформенными и послереволюционными) выходцами из деревень. Среди жилых домов встречались изредка продовольственные магазины (бывшие лавки) и одна нефтелавка.

Описываемое здесь пространство разделялось несколькими улицами, параллельными Хавской, это улица Татищева и Городская. Ближе к Серпуховской заставе были две Самаринские: Самаринская (без номера) и 2-я Самаринская. По поводу происхождения их названий историк Москвы П. В. Сытин кратко сообщает, что они названы в начале 20-го века по фамилиям живших здесь видных домовладельцев, и названия эти не имеют никакого отношения к видным российским историческим деятелям историку В. Н. Татищеву и философу, общественному деятелю Ю. Ф. Самарину.

В описываемых кварталах полезно отметить еще несколько домов, два из них на Городской улице. У начала ее, на углу Сиротского переулочка расположен 5-этажный старый жилой дом времен конца 19-го века, по архитектуре нечто вроде общежития для низкооплачиваемых рабочих, выходцев из деревень. Рядом, (но через ул. Татищева) фасадом на Сиротский переулок, построен примерно в 1940-м году 5-этажный жилой дом, несколько более изящный, чем дома 20-х годов. Напротив, на углу Сиротского переулка и Мытной улицы — дом примерно середины 30-х годов, с большим продовольственным магазином, известным под сказочным названием "Три поросенка". В витрине этого магазина были смонтированы эти поросята в виде рекламного макета. Магазин этот и макет поросят в его витрине существует и поныне.

На другом конце Городской улицы, у Серпуховского вала стояла обширная 2-хэтажная вилла, с небольшой 3-хэтажной, тоже жилой, башенкой. Дом этот существует и поныне, и принадлежность его не известна (как в 30-х годах, так и теперь). Дом, по-видимому, необитаем, вместе с тем, он всегда был заперт, а ныне и тщательно охраняем. Никогда никакой вывески, ни упоминания о нем в литературе нет. Сравнивая, однако, его архитектурный облик с чертами главного корпуса Морозовской больницы (1905-й год) и расположенного неподалеку здания станции Канатчиково Окружной железной дороги (1904-й год), можно подметить между ними некоторое сходство. Все три здания имеют черты стиля Модерн, направление эклектика, намек на стиль итальянского Возрождения (наличники окон, порталы дверей). Возможно, все три здания возведены почти одновременно, одним и тем же архитектором. Морозовская больница построена на средства одного из членов многочисленного семейства Морозовых, имевшего инициалы В. Е. (может быть, Василий Елисеевич). Известно, что члены семейства предпринимателей Морозовых в религиозной вере строго придерживались старообрядчества. Вспомним, что небольшая церковка на углу Хавской улицы и Серпуховского вала была, как мне говорили, старообрядческой. Нигде в литературе и где-либо еще я не нашел упоминания, что где-либо в окрестностях Хавско-Шаболовского переулка или вблизи него жили старообрядцы. Заметим, что церковка на Хавской улице совсем небольшая, и для более или менее многочисленной паствы просто мала. Но здесь же, совсем близко от этой церковки, расположен вышеупомянутый таинственный особняк. Можно предположить, что это особняк, где жил с семейством состоятельный старообрядец В. Е. Морозов, и небольшая церковь была построена по его заказу, для удовлетворения религиозных потребностей его самого и его семейства. Однако, пока это только гипотеза

(Справедливости ради отмечу, что весьма смелая).

В конце Хавско-Шаболовского переулка на Даниловской площади был в середине 30-х годов построен 4-хэтажный Даниловский универмаг, здание в стиле уже Сталинского Предампира. На Даниловской площади против универмага до конца 40-х годов был поворотный круг маршрутных трамваев, а до постройки универмага на его месте размещался Даниловский рынок (я еще застал его здесь), который в середине 30-х годов был переведен к Серпуховской заставе. Хавско-Шаболовский переулок же проходил рядом с универмагом и упирался своим концом в солидный кирпичный забор, наглухо ограждавший территорию Чернышевских казарм. Забор этот тянулся от Серпуховской заставы до самого Арсеньевского переулка без разрывов. Между Большой и Малой (Люсиновской) Серпуховскими улицами была в 30-х годах сплошная застройка малых, в свое время частных домиков, а напротив, через Люсиновскую улицу, между последней и Мытной расположился поселок из 4-х и 5-тиэтажных домов (их было 7 или около того) постройки 1925 го – 28-го годов. Поселок назывался попросту, без затей: "Новые дома". Часть таких домов была и по другой стороне Мытной улицы, там, в глубине квартала, есть, наряду с 4-этажными, и 3-хэтажные дома постройки тех же годов. Все эти дома стоят и поныне.

Скажу несколько слов о Тульской дороге, отходящей от Серпуховской заставы по направлению к Серпухову и Туле. В 30-е годы это была уже Тульская улица, застроенная тогда маленькими в основном деревянными мещанскими домами, перемежающимися кое-где крепкими кирпичными двухэтажными (по-видимому, купеческими). В одном из двухэтажных кирпичных домов, наиболее солидном, было почтовое отделение.

От Тульской улицы отходил в сторону Даниловского кладбища и упирался в ворота его Духовской переулочек, застроенный в то время так же, как и Тульская улица. Вблизи от него Тульскую улицу пересекает по мостовому путепроводу (поверху) Павелецкая железная дорога. За путепроводом Тульская улица переходит в Варшавское шоссе. Однако, перед самым путепроводом на Тульской улице стоят два интересных дома. В одном из них, постройки первого десятилетия 20-го века в стиле Модерн, помещался клуб рабочих текстильной фабрики им. М. В. Фрунзе, а в другом, построенном в 20-е годы 20-го века в стиле конструктивизм — фабрика-кухня, тоже для рабочих.

Вернувшись к Серпуховскому валу, посмотрим, чем было застроено пространство, примыкающее к Малой Тульской улице (которая отходит тоже от этой заставы и идет примерно параллельно Тульской, то есть Большой Тульской, до загородного в то время села Черемушки) и Серпуховскому валу. Там был построен в 20-е годы небольшой массив из жилых домов, аналогичных домам поселка "Коммуна", всего 5 – 7 таких домов, и большое здание котельной с высокой трубой. Позднее, в конце 30-х годов там вдоль Серпуховского вала были построены три многоэтажных жилых дома (7 – 8 этажей) с улучшенной внутренней планировкой. Вблизи Шаболовки там в 30-е годы возник механический завод по обработке изделий из цветных металлов. Там же, но дальше от Серпуховского вала расположены Даниловское кладбище, загородный дом (дача) графа А. Г. Орлова, и еще дальше Орлова роща и психиатрическая больница им. П. П. Кащенко, ныне им. Н. А. Алексеева ("Канатчикова дача"). Продолжение Камер-Коллежского вала от стыка его с Шаболовкой шло мимо нового Донского кладбища до Калужской заставы. В 30-е годы эта улица называлась 5-й Донской проезд, а ныне это улица им. Г. К. Орджоникидзе (1886 – 1937 годы). На этой улице расположен механический завод им. Орджоникидзе, возникший в 30-х годах в результате расширения железнодорожных мастерских при Окружной железной дороге. На этой же

улице в двух больших зданиях расположился (после 1950-го года) Университет дружбы народов (им. П. Лумумбы) для студентов из развивающихся стран. На той же улице, у стыка ее с Шаболовкой была построена в начале 30-х годов баня, а ближе к заставе в конце 20-х годов — здание общежития для студентов Текстильного института. Оба последних здания — в ярко выраженном конструктивистском стиле.

Вдоль Шаболовки на конечном ее участке вплоть до Выставочного переулка стояли маленькие старые дома, построенные до 1917-го года. Это были в основном одноэтажные домики, но встречались и двухэтажные, в том числе против стыка с этой улицей Хавско-Шаболовского переулка была двухэтажная кирпичная нефтелавка, а рядом с ней кирпичная же, но одноэтажная булочная.

Ближе к Калужской площади на Шаболовке появились промышленные предприятия, некоторые немалого масштаба, например 2-й Шарикоподшипниковый завод. Еще ближе к Калужской площади — Апаковский трамвайный парк с крытыми ангарами для вагонов и административным зданием, выходящим фасадом на улицу. У самой Калужской площади стояли с обеих сторон улицы несколько многоэтажных (от трех этажей и выше) жилых домов постройки конца 19-го или начала 20-го века; теперь все они снесены.

Возвращаясь к конечному участку Шаболовки, отмечу параллельный ей короткий Дальний переулок, где в старом двухэтажном доме было расположено почтовое отделение, бывшее нашим участковым и часто нами посещавшееся. Непосредственно за Дальним переулком стояло и стоит поныне величественное сооружение — Донской монастырь, к нему со стороны Донской улицы примыкает небольшая Донская площадь со сквером — Донская площадь. Во времена моего детства и отрочества (да и позднее) мне довелось часто гулять по местности вокруг монастыря и входить внутрь его ограды. Это сооружение, видимо, оказало существенное влияние на выработку моего духовного облика; о монастыре подробно расскажу в следующих главах.

К северо-западу от монастыря, примыкая к Донской площади, расположено крупное промышленное предприятие, машиностроительный завод бывш. братьев Бромлей. Новый большой кирпичный корпус этого завода выходил непосредственно на Донскую площадь, наверху его выложена белым кирпичом дата его постройки: 1915-й год. Завод этот в годы моего детства носил имя видного в те времена государственного и партийного деятеля Я. Э. Рудзутака (1887 – 1938-й годы) о чем сообщало вывешенное на стене корпуса панно. Позднее, после репрессий и гибели Рудзутака панно со здания исчезло, а завод стал называться "Красный пролетарий". К монастырю, точнее к скверу подходила с севера тихая Донская улица, застроенная в 30-е годы 1–2-хэтажными жилыми домиками; так же был застроен и пересекающий ее Выставочный переулок. К югу от монастыря расположено новое Донское кладбище, примыкающее к монастырю, но непосредственно с ним не сообщающееся. В центре этого кладбища в начале 20-го века была построена небольшая церковь во имя Серафима Саровского. В 1926-м году эта церковь была перестроена архитектором Д. П. Осиповым под крематорий. В настоящее время крематорий там закрыт, здание перестроено обратно под церковь.

К западу, близко от монастыря, расположена Большая Калужская улица (ныне начальный участок Ленинского проспекта). На этой улице расположено немало зданий выдающейся архитектуры, в том числе ряд научно-исследовательских институтов АН СССР, а также несколько старинных зданий больниц. Подробнее о них будет сказано ниже. В расположенном параллельно Б. Калужской улице 2-м Донском проезде расположен завод по обработке металлических изделий им. Н. А. Семашко (1874 –

1949-й годы), попросту говоря, завод по изготовлению протезов рук и ног. Главное здание завода было построено в начале 20-го века. На этом заводе работал мой отец Леонид Иванович в последний период своей служебной деятельности (до 1949-го года), о чем будет сказано ниже.

Справа от Большой Калужской улицы (если идти от центра) напротив Донского монастыря расположен Нескучный сад, куда мне довелось часто ходить на прогулки, сначала в сопровождении отца, позднее матери, а также и одному. В этом же саду расположен дворец, где размещался Президиум АН СССР, а вблизи от него — флигель (ранее конюшня), где в 30-е годы был расположен Музей палеонтологии, который мне (с отцом) в те годы также довелось посетить.

О жизни моих родителей в Москве; первые годы моей жизни

Скажу вначале о моей матери Рыжковой (с 1927-го года Барабановой) Екатерине Михайловне, год рождения которой 1899-й. Учебная и производственная деятельность ее в Раненбурге была освещена ранее, в первой части настоящих записок. Прослушав курс и сдав в августе 1922-го года зачеты в Раненбургском институте народного образования (РИНО), Екатерина Михайловна в том же месяце не поступила на медицинский факультет 2-го Московского государственного Университета (МГУ), Малая Пироговская улица, где училась до 1924-го года и жила в общежитии на Погодинской улице. Летом 1924-го года она перевелась в 1-й МГУ на аналогичный факультет. Причиной перехода стало опасение, что в результате чистки она может быть отчислена из студентов по причине ее не пролетарского и не крестьянского происхождения. И такая мера к одной из ее однокурсниц в том году уже была применена.

Действительно, летом 1924-го года в московских ВУЗах проводилась "чистка", с целью вообще уменьшить количество студентов, которыми ВУЗы были якобы переполнены, и одновременно освободить ВУЗы от студентов дворянского и буржуазного происхождения. Чистка проводилась в каждом ВУЗе комиссией, каждая из которых имела свои критерии оценки. Видимо, такие критерии были в 1-м МГУ более либеральны, или члены комиссии в этом университете были более склонны к либерализму, и это стало известно в студенческой среде. Как бы то ни было, с 1924-го года Екатерина Михайловна продолжила обучение на медицинском факультете 1-го МГУ, и во время обучения жила в общежитии в Козицком переулке. Что до чистки, то она была кончена осенью того же 1924-го года, и в дальнейшем вопрос об отчислении студентов, видимо, не поднимался.

В 1928-м году Екатерина Михайловна окончила курс по медицинскому факультету, осенью 1928-го года выдержала испытания (готовиться к которым ей помогли подруги по факультету) Государственной квалификационной комиссии, и ей была присвоена квалификация врача. Впрочем, свидетельство о присвоении ей этой квалификации, датированное 31-м мая 1930-го года, было выдано ей только в 1931-м году.

Еще до окончания университета Екатерина Михайловна 4 мая 1927-го года вступила в брак с Леонидом Ивановичем Барабановым, и 17-го июля 1928-го года в семье родился сын Николай Леонидович Барабанов, автор настоящих записок. Непосредственно после оформления брака (в бюро ЗАГС) супруги Барабановы жили какое-то время по приглашению брата Екатерины Михайловны Ивана Михайловича Рыжкова близ его новой квартиры в каком-то мало приспособленном жилье, но уже к моменту рождения

сына они жили в купленной Леонидом Ивановичем комнате в новом кооперативном доме в Хавско-Шаболовском переулке (дом этот был описан выше). Мне известно, что Екатерину Михайловну устроила в роддом наша соседка по квартире, по фамилии Матус, работавшая медсестрой в роддоме им. Клары Цеткин, в Шелапутинском переулке, близ левого берега р. Яузы и Таганской площади, вне Садового кольца. Из сопоставления сообщаемых здесь дат следует, что дом в Хавско-Шаболовском переулке в мае 1927-го года был еще не готов, а к июню-июлю 1928-го года был уже заселен.

Скажем кратко, что этот родильный дом был построен в начале 20-го века (до 1917-го года) на средства богатого купца-мецената Павла Григорьевича Шелапутина, построившего также гимназию для детей из малообеспеченных семей, предположительно, в том же Шелапутинском переулке. Еще один пример благотворительской деятельности Шелапутина: помощь в образовании мальчику из бедной семьи Володи Снегирева. Владимир Федорович Снегирев, выучившись медицине, стал знаменитым врачом-гинекологом. П. Шелапутин на свои средства основал для его работы обширную клинику в составе 2-го МГУ, носящую ныне имя В. Ф. Снегирева (1847 – 1916 годы). У входа в эту клинику (на улице Плющиха) поставлен памятник профессору В. Ф. Снегиреву.

Вскоре после рождения сына Екатерина Михайловна съездила на короткое время в Раненбург, к родителям, где сын, то есть я, был крещен в Троицком соборе. Восприимчиками были мой дед Михаил Гаврилович Рыжков и тетя Соня (сестра отца), имеется фотография меня в московской комнате, датированная мартом 1929-го года. С марта по июнь 1929-го года Екатерина Михайловна работала врачом-стажером в одной из московских больниц. В июле 1929-го года она уехала вместе с сыном (то есть со мной) в Раненбург для прохождения врачебной практики в некоторых селах вблизи города. С июля 1929-го по июль 1931-го года она работала участковым врачом (и заведующим сельским медпунктом) сначала и по февраль 1931 года в селе Соловые (примерно 10 км к северу от Раненбурга), а с февраля по июль 1931-го года в селе Кольбельское (примерно на таком же расстоянии к югу от города). По совместительству она работала с апреля 1930-го года заведующей Раненбургской малярийной станцией. Во время стажировки действительную помощь оказывали ей опытные раненбургские врачи Ольга Федоровна Спасская (терапевт), Александр Феодосьевич Капустин (офтальмолог), и в особенности хирург Александр Николаевич Боголюбов. В июле 1931-го года Екатерина Михайловна уехала в Москву и с тех пор жила в доме в Хавско-Шаболовском переулке.

В ноябре 1931-го года она поступила на работу врачом по охране здоровья подростков в Краснопресненском районе Москвы, в апреле 1932-го года поступила в 7-й единый диспансер, работала там врачом по ОЗП, также врачом-терапевтом. С января 1948-го года стала работать врачом в поликлинике номер 67 (Варшавское шоссе, между фабриками им. М. В. Фрунзе и им. М. И. Калинина). Там основным контингентом ее пациентов были работницы и рабочие этих фабрик, недавние переселенцы из сельских местностей. Работала она там врачом-терапевтом, в частности, во врачебно-контрольной комиссии, по совместительству врачом-маляриологом. В 1956-м году была назначена заместителем главного врача по экспертизе. В сентябре 1957-го года освобождена от этой должности ввиду приближающегося ухода на пенсию, а в январе 1958-го года освобождена от должности врача в связи с уходом на пенсию по возрасту. С 1971-го года Екатерина Михайловна жила в семье сына, она умерла 22-го октября 1982-го года. Прах ее погребен на кладбище города Раненбурга.

Оценивая жизненный путь и профессиональную деятельность моей матери и тетушки

Зои в области охраны здоровья русских людей в первой половине 20-го века, в период кардинальной ломки общественных отношений и резкого повышения общественной активности лучших представителей народа, замечу, что моя мать и тетушка много сделали для обеспечения максимальной действенности жизни и работы деятельных членов общества того времени. Они сделали все, что было в их силах, чтобы избавить русских людей от вредного наследия невежественного общества — губительных инфекционных болезней: оспы, туберкулеза, малярии и других. В результате их усилий русское общество к середине 20-го века стало жить чуть-чуть полноценнее и счастливее, чем в начале века. Завидный итог жизни и деятельности, на мой взгляд.

Теперь расскажу о моем отце Леониде Ивановиче Барабанове.

Ранее было рассказано, что Леонид Иванович учился в Раненбургском институте народного образования (РИНО), существовавшем под этим названием с 1918-го по 1922-й год. В 1922-м году Леонид Иванович, окончив этот институт, уехал в Москву и поступил на Высшие научно-педагогические курсы, отделение педтехникумов, при 2-м МГУ. Однако курсы эти Леонид Иванович не окончил. В июле 1924-го года он уехал в г. Петропавловск, тогда Акмолинской губернии, ныне Астанинской области Казахстана, где работал руководителем-лектором губернских курсов по переподготовке учителей. Внезапный отъезд Леонида Ивановича из Москвы, вероятно, был следствием развернувшейся в это время в московских ВУЗах "чистке" среди студентов, о которой было рассказано в главе о Екатерине Михайловне. С сентября по декабрь 1924-го года Леонид Иванович жил в г. Златоуст, близ Челябинска, и работал преподавателем педагогического техникума. В конце декабря того же года Леонид Иванович вернулся в Москву.

Прежде чем рассказывать дальше о Леониде Ивановиче, скажу кратко о раненбуржце, молодом ученом-психологе Николае Дмитриевиче Левитове, значительно повлиявшем на жизненный путь Леонида Ивановича. Николай Дмитриевич Левитов родился в 1890-м году в многодетной семье священника Троицкого собора (и благочинного по уезду) Дмитрия Васильевича Левитова. Это был человек образованный, интересовавшийся современной литературой и вообще культурой, обладавший значительной библиотекой художественной литературы. Он заботился об образовании своих детей. Николай Дмитриевич был последним ребенком в семье, с раннего детства он проявил большой интерес и способности к учению. К своим четырем годам он самостоятельно овладел русской грамотой, затем постепенно, по учебникам старших братьев изучил французский язык. В дальнейшем он изучил немецкий и английский языки, много читал как на русском, так и на иностранных языках. Окончив с отличием Раненбургское духовное училище и Рязанскую духовную семинарию, он продолжил свое образование в Петербургской духовной академии, получив там квалификацию преподавателя логики и психологии. После кратковременного периода преподавания в Рязанской духовной семинарии он переехал в Раненбург и возглавил там институт РИНО. В 1921-м году он уехал в Москву и поступил на работу в Центральный Институт Труда (ЦИТ), возглавлявшийся видным в то время ученым, писателем и общественным деятелем Алексеем Капитоновичем Гастевым. В 20-е годы Гастев увлекался идеями рациональной организации труда, и в частности, оптимальным подбором трудящихся, рабочих и других кадров. В ЦИТе он организовал шестимесячные курсы консультантов по организации труда. Николай Дмитриевич, видимо, окончил эти курсы и, вероятно, в 1924-м году поступил на работу в Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний им. В. А. Обуха (1870 – 1934 гг.), расположенный на улице Воронцово Поле, близ Курского вокзала. Здесь Николай Дмитриевич организовал кабинет по оценке способностей людей к той или иной

профессии (психотехнический кабинет), позднее преобразованный в психотехническую лабораторию. Работа в этой лаборатории началась в конце 1925-го года.

Вернувшись к началу 1925-го года в Москву, Леонид Иванович поступил на работу в ЦИТ, где работал научным сотрудником в сенсорной лаборатории и одновременно учился на курсах консультантов по организации труда. Закончив эти курсы, он сначала 1926-го года поступил в ин-т им. Обуха, вероятно, по рекомендации Н. Д. Левитова, и стал работать в лаборатории психотехники под его руководством. В мае 1927-го года Леонид Иванович женился, а в июле 1928-го года у него родился сын, ныне пишущий эти записки. Работая в ин-те им. Обуха, относившемся к системе Наркомата здравоохранения, Леонид Иванович вскоре вступил в строительный кооператив "Медсантруд", что позволило ему в конце 1927-го (или в начале 1928-го) года получить комнату во вновь построенном жилом доме в Хавско-Шаболовском переулке.

Тогда, в первой половине 20-х годов представлялось, что психотехника — очень перспективная профессия. Эта практическая, как и теоретическая, деятельность широко развернулась в то время в передовых западных странах (Германия, Франция, Нидерланды, Англия, Испания, Италия, США). Основывались национальные психотехнические общества, а в конце 20-х годов и Мировое психотехническое общество. В России (тогда советской) тоже образовалось в 1927-м году Психотехническое общество, во главе которого был широко образованный и эрудированный сотрудник ЦИТа доктор философии И. Н. Шпильрейн. В ЦИТе также было отделение психотехники. Скажу здесь, в дополнение к вышесказанному, что бессменным руководителем ЦИТа был А. К. Гастев, до 1917-го года профессиональный революционер коммунистического толка, пролетарский поэт и писатель, ученый, специализировавшийся на научной (рационализированной) организации труда. Психотехническое общество России (позднее СССР) издавало с 1928 по 1934-й годы журнал по психотехнике под редакцией Шпильрейна, в журнале, в подробном отделе хроники, широко освещались текущие события по развитию психотехнического движения в мире, в том числе и в России. Тут находилось место, среди прочего, и для краткого освещения работ Л. И. Барабанова.

Работы по психотехнике, в том числе в институте им. Обуха под руководством Н. Д. Левитова, имели целью, в частности, ведение профориентации подростков и взрослых молодых людей, рациональный профотбор рабочих для различных отраслей производства, и выработку рекомендаций по трудовой деятельности индивидуально для каждого из обследованных молодых людей. Таким образом, цель работы состояла в оптимальном распределении рабочей силы по отраслям производства, с тем, чтобы последнее развивалось бы возможно более качественно и быстро, и при этом учитывались бы индивидуальные психофизиологические особенности и трудовые потребности каждого работника. Так это мыслилось в передовых странах, так мыслили и психотехники в 1920-х годах в России.

Леонид Иванович активно приступил к психотехнической работе. В 1926 – 27-м годах он провел работу по профориентации и профотбору подростков для школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) различных производств. Важнейшими критериями отбора были общая умственная одаренность и техническая одаренность. Возможно, эти критерии более уместно называть: общая и техническая обучаемость, потому что оба зависят от уровня образованности обследуемого.

Наиболее употребительным методом оценки названных критериев был принят метод тестирования, то есть для этого использовались тесты (вопросы, задававшиеся

испытуемому). Тесты для этого были разработаны Н. Д. Левитовым и А. А. Толчинским и изданы в 1927-м году. Для ясности представления читателя о тестах приведу здесь несколько образцов их из статьи Л. И. Барабанова, опубликованной в 1929-м году в Трудах ин-та им. Обуха, вып. 21.

Тест 1, на выполнение инструкций, например, подчеркнуть букву "т" в слове "ребята".

Тест 5, подбор заголовков, соответствующих приводимым коротеньким рассказам, например, заголовки: Герой; Лучше поздно, чем никогда; Услужливый дурак опаснее врага; Труд кормит, а лень портит.

Примеры рассказиков: 1. Медведь хотел смахнуть комара с лица спящего крестьянина, взял булыжник и убил, вместе с комаром, и крестьянина. 2. Липатыч до 50 лет не знал грамоты, а теперь решил поучиться; и т. п.

При оценке результатов тестирования учитывались правильность решения и время, использованное для его выработки.

Сообщаю здесь выводы, к которым пришел оператор (Л. И. Барабанов).

1). Общая умственная одаренность подростков одного возраста и одного уровня образования различна и образует нормальное распределение. При этом по мере увеличения уровня образованности общая умственная одаренность возрастает, но влияние исходных (биологических) особенностей сохраняется.

2). Показатели общей умственной одаренности хорошо совпадают с успехами испытуемого в процессе обучения, отмечаемыми его преподавателями.

3). Не замечена достаточно существенная зависимость общей умственной одаренности испытуемого от его пола, то есть, мальчики и девочки показали, в массе своей, одинаковую общую умственную одаренность.

На основе результатов этих испытаний оператор (Л. И. Барабанов) рискнул предложить рекомендации о целесообразности продолжения общего образования для различных групп испытуемых, в соответствии с распределением их показателей общей умственной одаренности по кривой нормального распределения. Проще говоря, он разделил подростков на тех, кто может достаточно успешно продолжать учиться в общеобразовательной школе, и на тех, кто в дальнейшем будет лишь напрасно протирать свои штаны на школьной парте и расходовать государственные средства без перспективы сколько-нибудь существенной отдачи обществу. Таким подросткам рекомендуется без проволочки приступить к производственной работе.

Другим критерием одаренности молодых людей является техническая одаренность. Л. И. Барабановым совместно с его сотрудником и другом, земляком по Раненбургу Николаем Ивановичем Жердевым были проведены испытания технической одаренности молодых рабочих в сопоставлении с показателями их успеваемости на производстве. Для этого были применены тесты другого характера, чем рассмотренные выше, например, на конструктивную сообразительность, на техническую наблюдательность, на глазомер и др. Такие тесты были представлены в основном в графической форме. Было показано, что техническая одаренность, как и общая, зависит от уровня образованности, но также имеет большую зависимость от пола, чем общая одаренность. Именно, девочки в целом технически менее одарены, чем мальчики;

причем, это соотношение одаренности мальчиков и девочек было охарактеризовано количественно. На основании полученных результатов были высказаны рекомендации для испытуемых относительно наиболее подходящих для них областей производственной деятельности. Однако, Л. И. Барабанов оговаривается, что определяемые показатели отражают лишь некий первый (низший) уровень одаренности. Более высокий, "интуитивный" уровень одаренности, то есть способность к творчеству, определяется, вероятно, значительно сложнее, и требует специального изучения (специальная методика, нормы и т. п.).

Леонид Иванович активно участвовал в работе общественных психотехнических объединений, и прежде всего в заседаниях Московского отделения Всероссийского (с 1929-го года Всесоюзного) психотехнического общества: делал доклады о своих работах, задавал вопросы другим докладчикам, выступал в прениях по докладам со своими замечаниями, и т. п. Некоторые из его работ были опубликованы, но не в журнале "Психотехника", а в сборниках статей, в том числе в одном из сборников (1929-й г.) трудов института им. Обуха, в котором он работал, и в других. Работы его вызывали одобрительные, благожелательные отклики видных в то время специалистов по психотехнике (А. А. Толчинский, П. А. Рудик). Так, в рецензии на сборник трудов ин-та им. Обуха, где были опубликованы две статьи Л. И. Барабанова, психотехник П. А. Рудик писал: "Работа Л. И. Барабанова "Связь общей умственной одаренности с образованием" является одной из самых ценных работ в сборнике. Отдельные выводы, к которым приходит автор, заслуживают того, чтобы быть разобранными в отдельности, ввиду их большого значения не только для теории методов измерения одаренности, но и для теории самого понятия одаренности". Впрочем, следует отметить, что Леонид Иванович в служебных и профессиональных вопросах всегда был лишь помощником Н. Д. Левитова, был всегда на вторых ролях.

На заседании Московского отделения ВПО в феврале 1930-го года Леонид Иванович высказал пожелание о целесообразности перевода ряда иностранных книг по психотехнике на русский язык и последующего издания их, в целях улучшения подготовки молодых кадров психотехников, однако не встретил понимания со стороны правления Общества, которое сочло возможным ограничиться изданием подходящей литературы, написанной на русском языке, которая, по мнению председателя правления И. Н. Шпильрейна, имеется в достаточном количестве. В 1931-м году Леонид Иванович выступил с докладом о проводимых им профконсультациях рабочих подростков на заседании Всесоюзного психотехнического съезда, состоявшегося 20 – 25-го мая 1931-го года в Ленинграде. Откликов на этот доклад не последовало, и, видимо, это было не случайно.

Уже начиная с середины 1930-го года, деятельность советских психотехников стала испытывать определенные затруднения, исходившие от верхов единственной тогда в стране и руководящей Коммунистической партии (и, соответственно, от контролировавшихся ею государственных органов). В политике и публицистике страны преобладало тогда представление, что до 1929-го года страна переходила через период восстановления экономики, а после этого года начинается период быстрого развития ее. Для этого периода требуется большое количество рабочих кадров (рабочих рук), которые должны быть направлены государством в отрасли производства и на предприятия, определяемые на плановой основе Госпланом СССР. Для этого требовалась значительно большая маневренность с направлением использования рабочей силы, чем такая, какую могли обеспечить практиковавшиеся до того психотехнические испытания. Последние позволяли определить индивидуальные психофизиологические особенности отдельных работников и рекомендовать

использование их оптимальным образом, а в новых условиях ускоренного экономического развития индивидуальный подход к работникам становился затруднительным и даже невозможным, так как труд приобретал массовый характер, и тут было уже не до индивидуального подхода.

Уже в 1929-м году прозвучали известные сентенции Сталина (1879 – 1953-й гг.) о трудящихся — "винтиках" в социальной системе, и о том, что "незаменимых людей нет". Тотчас же, начиная с 1930-го года, появились и усиленно внушались в научной среде новые концепции об организации труда в производственных отраслях страны. С подачи руководящих партийных и партийно-административных деятелей муссировалось положение, что до конца 20-х годов психотехника в России имела буржуазный характер, копируя зарубежные, то есть заимствованные из буржуазных стран, цели и методы работы. Теперь же (после 1930-го года) следует переходить на марксистско-ленинскую психотехнику, имеющую другие цели и другие методы работы. Труд в СССР приобрел массовый характер, цель его — строительство большого количества новых индустриальных объектов, главным образом предприятий тяжелой промышленности. Для этого на строительство следует направлять массы рабочих, и теперь уже невозможно, да и нет необходимости, изучать психофизиологические особенности каждого индивидуума, а следует направлять рабочую силу на предприятия в соответствии с указаниями администрации, которые базируются на результатах расчетов плановых органов. Что же касается индивидуальных особенностей, то постулировалось, что любой здоровый человек может исполнять любую работу (кроме 2–3-х профессий, например, композитора или снайпера), и нужно только подготовить его морально (распропагандировать) и физически, то есть обучить нужной профессии. При этом пренебрегались объективные половые различия людей (считалось, что женщины могут работать на тех же рабочих местах, что и мужчины), не принималась во внимание и трудовая усталость (то есть, регламентацией продолжительности рабочего дня можно и нужно при необходимости пренебречь). Пропагандировались такие способы стимулирования труда, как социалистическое соревнование, ударничество, стахановское движение, выдвигенчество; и моральное поощрение трудящихся типа красных (черных) досок на видных местах предприятия, и т. п. В этих новых условиях скрупулезные исследования психофизиологических способностей отдельных индивидуумов, как это практиковалось в 20-х годах, и чем занимался, в частности, Л. И. Барабанов, становилось, в сущности, не нужным, а главной задачей психотехники становилось обучение рабочей силы трудовым навыкам (что, вероятно, гораздо лучше могли бы сделать опытные рабочие, мастера-практики). Кроме того, исследования психотехников, и в том числе Л. И. Барабанова, выявили, что показатели одаренности зависят от социальной среды, окружающей испытуемого. В частности, дети рабочих показывают в целом худшие результаты, чем дети служащих, что в практическом плане, при условии следования рекомендациям психотехников, ведет к расслоению общества по признаку одаренности (или способности к обучению), а это противоречит важнейшему положению марксизма-ленинизма (а в 30-х годах и сталинизма). Таким образом, психотехника в СССР стала как бы изживать себя. Поэтому в стране, начиная с 1933-го года, лаборатории психотехники и пункты профотбора на основе психотехнических испытаний стали потихоньку закрываться, причем инициаторами этого становились хозяйственные подразделения учреждений и предприятий, в особенности, в провинции. Дело шло к полному прекращению деятельности психотехников в стране. В этом направлении, правильном или нет, двигалось социально-политическое развитие страны. Следует отметить, что в передовых западных странах сочли такое направление развития страны неправильным, там практика психотехнических исследований продолжалась по-прежнему. По этой

причине между СССР и передовыми западными странами возник и стал "уплотняться" так называемый "железный занавес".

Сотрудники психотехнических организаций по-разному реагировали на возникающие обстоятельства. Некоторые, как глава психотехнического движения в стране И. Шпильрейн, пытались к ним приспособиться, калялись в совершенных ранее ошибках и надеялись продолжать свою деятельность без существенной корректировки ее. Другие, а их было немало, демонстрировали свой полный конформизм с властями и занимались в основном критикой (в том числе и грубой) работ и воззрений видных в прошлом деятелей психотехники (вероятно, не гнушаясь и наушничеством). Леонид Иванович Барабанов, человек искренний, но, видимо, достаточно наивный, пытался приспособить получаемые им по "классической" методике показатели одаренности к новым обстоятельствам путем подбора к ним неких поправок, в соответствии с социальным происхождением и положением испытуемых. Он не раз поднимал вопрос об этих новых (или дополнительных) критериях одаренности, чтобы с их использованием сохранить научный характер результатов его испытаний. Однако, никаких вразумительных указаний на этот счет он не получил. Леонид Иванович, насколько я понял из журнальной хроники, никогда не выступал публично с речами или высказываниями в покаянном ключе касательно методов, и результатов его работ, и его интерпретации их. Также не выражал он апологетических взглядов на новую, официальную интерпретацию психотехники. Его непосредственный руководитель Н. Д. Левитов, человек умный, широко образованный и дальновидный, несколько раз выступал с умеренной критикой своей прежней работы. В то же время он стал понемногу сближаться с кругом значительных ученых, психологов, работавших в области общей и теоретической, а также педагогической психологии. В частности, он стал посещать кружок педагогов и психологов, руководимый Н. К. Крупской (1869 – 1939 гг.).

В 1934-м году прогремел административный гром. В конце 1934-го года прекратилось издание журнала "Советская психотехника", его главный редактор И. Н. Шпильрейн в январе 1935-го года был арестован, а в декабре 1937-го года погиб. В течение 1935 – 1936-го годов были закрыты все лаборатории и консультационные пункты по всей стране, уцелел пока лишь ЦИТ под руководством А. Гастева, да и то лишь временно. Работы, ведшиеся в ЦИТе, подвергались в печати того времени (особенно в "Комсомольской правде") резкой критике за приверженность к излишней регламентации трудового процесса, "фордизму", как тогда писали, что ведет, якобы, к эксплуатации трудового народа на манер буржуазной (а по сути дела, видимо, за умаление значения моральных стимулов труда, пропаганды и т. п.). Многие работники психотехнических консультаций, склонные к конформизму и сотрудничеству с властями, какими бы они ни были, быстро перестроились и включились в широко развернувшуюся кампанию за "перестройку" психотехники в направлении, нужном в тот момент властям, но мало что имеющем общего с наукой. Они стали ратовать за "марксистско-ленинскую" психотехнику, а по существу за полную ликвидацию ее. И ликвидация последовала. В июле 1936-го года вышло постановление ЦК ВКП (б) о закрытии педологических (педология — это, в сущности, психотехника применительно к детям) учреждений (это же, конечно, относилось и к психотехнике). В постановлении содержался призыв к ученым, педологам и психотехникам, о развертывании в печати критики педологических (и психотехнических) книг, и рекомендация рядовым психотехникам и педологам поступить на педагогическую работу в средние школы.

В 1936-м году психотехнический отдел, ин-та им. Обуха, где работал Л. И. Барабанов, был ликвидирован, а он остался без работы. Без работы остался и Н. Д. Левитов.

Последний устроился в Институт политехнического образования психологом биологической группы. В 1938-м году он устроился на работу в Институт психологии АН СССР, где вскоре защитил сначала кандидатскую, а позднее и докторскую диссертацию (по специальности педагогических наук). В дальнейшем Левитов работал в педагогических институтах Москвы, сначала научным сотрудником, позднее профессором, читал лекции (в том числе публичные, общедоступные), руководил аспирантскими работами, писал и издавал книги по своей специальности. Он умер в Москве в 1972-м году.

Скажу здесь кратко о еще одном уроженце Раненбурга, московском враче-психиатре Евгении Петровиче Радине (1872 – 1953-й годы). Евгений Петрович, сын раненбургского либерального купца П. Радина, был младшим братом поэта и дипломированного химика, большевика Л. П. Радина. Подобно своему старшему брату, Евгений Петрович имел левые убеждения, поэтому высшее образование получил в Швейцарии. После 1917-го года работал в Наркомздраве, и во времена споров о педологии горячо ее защищал, выступая со статьями в выходившем до 1932-го года журнале "Педология". В 1936-м году ему поэтому пришлось уйти с работы на пенсию.

Сотрудник, друг и помощник Леонида Ивановича Николай Иванович Жердев после 1936-го года, решив пополнить свое образование, поступил учиться в Медицинский институт, который с течением времени и окончил. После этого он работал врачом в подмосковном городке Луховицы.

Леонид Иванович, уже на моей памяти, пришел однажды в ЦИТ, к А. К. Гастеву, видимо, чтобы попытаться устроиться на работу. Визит его в ЦИТ состоялся, скорее всего, в конце 1935-го или в начале 1936-го года. Идя туда, он взял меня с собой, так как, вероятно, меня не с кем было оставить дома. Когда мы пришли в институт, располагавшийся в особняке начала 20-го века на улице Петровка, он оставил меня в вестибюле, а сам поднялся во внутренние помещения. Через какое-то время он вернулся; по-видимому, визит этот оказался без последствий, потому что, как я вспоминаю, в дальнейшем он туда не ходил, а занялся, согласно партийной рекомендации, преподавательской работой. Что же касается ЦИТа, то этот институт тоже был ликвидирован в 1940-м году, а А. Гастев был арестован еще в 1938-м году, и в 1941-м году погиб.

По прошествии многих лет после описанных событий становится ясным, что общегосударственная кампания по внедрению в общественную практику новой, регулируемой ВКП(б) и государством организации труда, охарактеризованной выше, была явлением закономерным. Начинаясь социально-экономическая реорганизация общества была лишь естественным следствием политической реорганизации России в 1917-м году. Начавшаяся в начале 30-х годов ликвидация сети психотехнических организаций в СССР была неизбежной, и пытаться противодействовать ей, цепляться за систему индивидуального пополнения рабочей силы, как это было принято в развитых западных странах, было бесперспективно. Времена изменились, и, хорошо ли это было или плохо, нужно было с этим считаться. В противном случае государственное "красное колесо" не поколеблется переехать сопротивляющегося (с трагическим исходом), примеры этого были налицо. Видимо, наиболее дальновидный из известных мне деятелей психотехники, Н. Д. Левитов, вовремя понял это и нашел для себя удобный и достойный выход из создавшегося положения. Напротив, наивный неопытный в организационных делах Леонид Иванович тогда, по-видимому, не вполне понимал, куда направлена эволюция общества.

В этой связи следует рассказать такой эпизод. Леонид Иванович в семейном кругу и вообще в частной жизни никогда не говорил о политике и никак не характеризовал существовавшую тогда советскую власть. Однако, когда в 1937-мом году, после принятия конституции 1936-го года (Сталинской, как тогда говорили официально) в стране были проведены, впервые на основе всеобщего избирательного права, выборы в Верховный Совет, с тайным голосованием, но безальтернативные (то есть, в сущности, референдум за или против существующей власти), то Леонид Иванович, как потихоньку говорили в семье, не проголосовал за официального кандидата. Никаких последствий такое голосование не имело.

Так как речь зашла о выборах в Верховный совет 1937-го года, скажу о некоторых агитационных предвыборных мероприятиях для избирателей нашего округа в том году. Упомяну о предвыборной бесплатной увеселительной поездке "на природу". Для поездки избирателей разместили в открытом кузове грузовой автомашины, люди теснились на скамьях, закрепленных поперек кузова, что было не слишком-то удобно. Ехали по Волоколамскому шоссе, проехали по туннелю под каналом Москва-Волга, и вскоре остановились и выгрузились. Там был просто пустырь, поросший травой, в отдалении виднелся кустарник или лесок (Теперь это густо населенный Тушинский район Москвы, где, кстати сказать, живет автор настоящих записок). На месте привала была организована торговля нехитрой снедью и прохладительными напитками, публику увеселяли музыкой, звучащей с помощью привезенных записей. Спустя недолгое время "пикник" закончили, люди заняли свои места в машине и вернулись восвояси.

Другим мероприятием было недлинное кукольное представление (бесплатное) в зале дома-коммуны, расположенного близ нашего дома. По малости лет автор этих записок кукольного представления не понял и ничего сказать о нем не может.

Прежде чем заканчивать жизнеописание Леонида Ивановича, скажу несколько слов о частной жизни, в семейной и домашней среде. У Леонида Ивановича подрастал сын, автор настоящих строк, с которым он, по моим представлениям, достаточно много занимался. В Раненбурге (летом) он гулял с сыном по городу, в частности, во время одной из таких прогулок он показал сыну дом математика Рашевского (на улице Горького, ранее Рязанской) против Никольской церкви. В Москве он также гулял с сыном, в частности, к расположенным вблизи нашего дома известным памятникам архитектуры (Данилов и Донской монастыри, Нескучный сад и его парковые сооружения, Орлова роща, железнодорожный мост через Москву-реку у Воробьевых гор). Когда сын был поменьше, он играл с ним в некоторые игры с игрушками (например, с кубиками), и приучил его к ежедневной уборке игрушек вечером в предназначенный для них ящик ("дом" игрушек), задвигавшийся на ночь под кровать. Когда сын стал постарше, он посещал с ним некоторые музеи: Музей истории религий (с антирелигиозной направленностью), располагавшийся тогда (до 1934-го года) в гульбище главного храма Донского монастыря; Музей народов СССР, по существу этнографический, в здании так называемой "Мамоновой дачи" на Воробьевых горах; Музей палеонтологии во флигеле дворца Демидова в Нескучном саду; также Политехнический музей и Третьяковскую галерею; никаких литературных музеев мы не посещали.

Леонид Иванович развивал у сына любовь к истории (отечественной): рассказывал о некоторых выдающихся моментах истории России, в частности, о Куликовской битве, о войне с Францией в 1812-м году. Эти рассказы, как мне представляется, были навеяны

ему, в частности, учебников и книг известного в 19-м веке историка Д. И. Иловайского (1832 – 1920-й годы), уроженца Раненбурга (подробнее об Иловайском сказано в разделе о Раненбурге).

Следует сказать о существенной черте внутренней жизни Леонида Ивановича: о его любви к поэзии. В этой связи интересно осознать, какие у него оставались книги к тому времени, когда я мог сознательно судить о них. Из художественной литературы преобладала поэзия. Были сочинения русских поэтов И. С. Никитина (1824 – 1861 гг.), Ф. И. Тютчева (1803 – 1873 гг.), И. А. Бунина (1870 – 1953 гг.), К. Д. Бальмонта (1867 – 1942 гг.). Две последних книги и ныне в моей библиотеке. Леонид Иванович и сам писал стихи (для себя, не для публикации). К сожалению, стихи его не сохранились, за исключением отрывка, написанного его рукой на обороте фотографии, изображающей его с сослуживцами по заводу обработки металлов (Протезном) (об этом ниже). Приведу его здесь:

*А я попрежнему склоненный,
Забывтый брошенный в тени,
Стою коленопреклоненный;
И красотой умиленный
Зажег вечерние огни.*

(орфография и пунктуация Л. И.).

Список датирован 7-м декабря 1948-го года. Образ вечерних огней, как кажется, заимствован у кого-либо из русских поэтов так наз. "чистого искусства" 19-го века напр. у А. А. Фета (1820 – 1892 гг.), или у кого-нибудь из поэтов Серебряного века.

Из произведений на русском языке, оставшихся после Леонида Ивановича, помню еще томик избранного Пушкина (Школьная награда Леонида Ивановича, об этой книге было сказано в разделе о Раненбурге), и перевод романа В. Гюго "Отверженные", или в дореволюционном переводе "Несчастные".

Еще одна яркая особенность Леонида Ивановича — склонность к изучению иностранных языков и к чтению художественной литературы на них. Он изучал иностранные языки, может быть, потому, что не любил и не знал современную ему русскую (советскую) художественную литературу, а из русской дореволюционной литературы знал и любил, видимо, только поэзию.

Он изучал языки французский, немецкий и английский, изучал их и еще на моей памяти, в 30-е годы, для чего посещал соответствующие курсы. К 1937-му году он, по его самооценке, мог читать на этих языках без словарей. У Леонида Ивановича было немало книг на этих языках, да еще многие подобные книги были у него украдены при ликвидации подвальных чуланов нашего дома в Хавско-Шаболовском переулке (об этом было сказано выше). Кое-что из иностранных книг у него все же сохранилось и дожило до моей осознанной оценки. Это в основном учебная литература на французском языке, роман А. Дюма-отца (1802 – 1870 гг.) "Граф Монте-Кристо", роман Ж. А. Бернарден де Сен-Пьера "Поль и Виргиния", несколько переводов с иностранных языков (шведский, итальянский) на французский. Сохранилось у меня также и несколько книг немецкой классической литературы, опять же поэтических. Так, сохранился коллективный сборник стихотворений немецких поэтов 18-го и 19-го

веков, томик стихов Г. Гейне (1797 – 1856 гг.), одна трагедия Ф. Шиллера (1759 – 1805 гг.). Из книг на английском языке остался от него роман В. Гюго "Отверженные" в переводе.

У Леонида Ивановича хранилась и научная литература (на русском языке). Остались после него книги: Ж. Таннери "Теория функций", перевод с французского; А. А. Эйхенвальда "Электричество"; труды немецких философов В. Виндельбанда (1848 – 1915 гг.) "История новой философии", и В. Вундта (1832 – 1920 гг.) "Элементы психологии народов".

Наряду с научной Леонид Иванович любил и приключенческую, а также и детективную литературу. У него сохранился классический приключенческий роман Д. Дефо (ок. 1660 – 1731 гг.) о Робинзоне Крузо, несколько романов Ж. Верна (1828 – 1905 гг.), но лучшим автором приключенческих романов Леонид Иванович считал француза Г. Эмара (1818 – 1883 гг.). К детективным романам можно отнести упомянутого выше "Графа Монте-Кристо", а также один из романов виконта Понсон дю Террайля (1829 – 1871 гг.) "Похождения Рокамболя". Остались после него также с десяток "популярных" детективных романов на немецком языке. Я их прочитал, и о дальнейшей их сохранности не заботился. Приключенческие и детективные романы Леонид Иванович брал для прочтения сыном, с неукоснительным возвратом (об этом подробнее будет рассказано ниже).

Леонид Иванович всю жизнь живо интересовался шахматной игрой, собирал шахматную литературу, сам немало и с удовольствием играл. В 30-х годах к нам в гости часто приезжал его друг и сослуживец Н. И. Жердев, о котором было сказано выше. После беседы на профессиональные темы, в которых часто упоминалась фамилия Мандрыка (как я позднее узнал, это был психотехник, их научный оппонент), они садились за шахматы и играли 2 – 3 партии, в течение которых немилосердно "подначивали" друг друга. У Леонида Ивановича была небольшая шахматная библиотечка, содержащая книги чемпиона мира А. А. Алехина, выдающихся шахматистов, тоже какое-то время чемпионов мира Э. Ласкера (1868 – 1941 гг.) и Х. Р. Капабланки (1888 – 1942 гг.), а также вырезки из газет, содержавшие корреспонденции о ходе важнейших международных шахматных турниров и матчей (например, матч-турнир 1938-го года в Амстердаме). Выйдя на пенсию, Леонид Иванович в хорошую погоду выходил во двор, садился за специально врытый в землю в палисаднике столик и играл там в шахматы с желающими пенсионерами-любителями (своеобразный "шахматный клуб"). Ни в домино, ни в шашки Леонид Иванович не играл, но за этим столиком пенсионеры играли только в шахматы.

В дополнение к сказанному выше рассказу кратко о последних годах жизни Леонида Ивановича. В начале войны с Германией, осенью 1941-го года он был мобилизован и работал в военном госпитале, сначала в г. Тверь, позднее где-то на Урале. Однако, осенью 1942-го года он был демобилизован по болезни и приехал сначала в г. Шатуру (под Москвой), но вскоре и в Москву. Он вернулся к штатской жизни, и первое, что он предпринял — съездил к родственникам в Раненбург и привез полный (небольшой) чемодан пшена, что существенно поддержало нашу семью в этот трудный год. Так как центральное отопление у нас в военные годы не работало (из-за нехватки в то время угля для нагрева воды), то он где-то добыл и оборудовал в нашей комнате железную печку "буржуйку", которую мы топили каждый день, для чего добывали кое-какие дровишки из сломанных заборов, стенок ненужных амбаров и сараев, срубленных кустов и небольших деревьев, и т. п.

Леонид Иванович поступил на работу. Вначале он работал в одной из соседних средних школ секретарем в канцелярии, и иногда, в случае экстренной необходимости, временно учителем математики. Вскоре он перешел на работу на металлообрабатывающий (протезный) завод им. Н. А. Семашко, расположенный близ Донского монастыря. Работал он там в качестве инструктора по технике безопасности. Иногда ему поручали перевод технической литературы (статьи, патенты) по протезной тематике с английского или немецкого языка на русский, что он и делал.

Однако, его гипертония продолжала прогрессировать. У него была заметно сниженная скорость движений, замедлена речь, хотя сознание всегда было ясно, память удовлетворительна. Видимо, и на работе он уже не вполне удовлетворял руководство, поэтому ему пришлось уйти с работы на пенсию еще до достижения пенсионного возраста, в 1950-м году. Вначале ему дали статус инвалида 2-й группы (и небольшую пенсию), а через год он стал получать нормальную пенсию по выслуге лет.

После всех этих событий и до конца своей жизни Леонид Иванович жил спокойно в кругу своей семьи, выполнял нетрудные обязанности по покупке продуктов, сдаче в мастерскую в починку прохудившейся обуви, и т. п. Материально семье жилось уже удовлетворительно, так как сын его (автор настоящих записок), кончая свое образование, вносил уже существенный вклад в семейный бюджет. В свободное время (которого оставалось много) Леонид Иванович играл в шахматы с соседями-пенсионерами или читал художественную литературу, исключительно на английском языке. Это были книги классиков английской литературы 19-го и 20-го веков, реалистического направления, например, Ч. Диккенса (1812 – 1870 гг.), Д. Голсуорси (1867 – 1933 гг.) Здоровье его продолжало ухудшаться; однажды его поместили для лечения в больницу 5-ю Советскую на Большой Калужской улице (ныне Патриаршая больница). После непродолжительного лечения он вернулся домой, явного улучшения здоровья не было заметно.

В последние месяцы жизни у него стала развиваться болезнь глаз глаукома, ухудшалось зрение. Однако, он, пробыв несколько дней в больнице, от оперативного лечения глаз отказался. Через два месяца после этого он поехал вместе с супругой, моей матерью, на свою родину, в г. Раненбург (Чаплыгин). Там они прожили несколько недель у Рыжковых, сестер матери, и уже собирались вернуться в Москву, но состояние его здоровья внезапно резко ухудшилось, и 26-го июня 1962-го года днем у него случился инсульт (кровоизлияние в мозг), в результате чего он скоропостижно скончался. Похоронен он на кладбище в Раненбурге.

О детстве и отрочестве автора записок

Прежде чем писать о себе, скажу несколько слов о нашей квартире (где жила наша семья) и живших в ней наших соседях. Квартира, как и все прочие в нашем доме, состояла из трех изолированных комнат. Она была расположена на 4-м этаже, до 1941-го года самом верхнем. Вход в нашу комнату из прихожей был прямо напротив входа в квартиру. Комната наша площадью около 20 кв. метров была слегка вытянута в глубину дома и имела одно (большое) окно, оно же дверь, ведущая на балкон. Высота потолков в комнатах 3,2 метра, мой собственный замер. Балкон, выполненный в форме полулоджии, был довольно широк (примерно 1,3 м.); он был общим с балконом аналогичной комнаты в квартире рядом с нашей, но расположенной в соседнем

подъезде. Перегородка на балконе между нашей половиной его и половиной соседей не была предусмотрена; позднее соседом по балкону была поставлена самодельная (но прочная и долговечная) деревянная перегородка.

Кухня и ванная комната (она же туалет, так как санузел был совмещенным) были общими. В кухне площадью 8 – 10 кв. метров стояла газовая плита; была смонтирована простенькая железная эмалированная раковина для умывания и мытья посуды, над ней умывались все жильцы. Подводки горячей воды не было, в ванной была газовая колонка для подогрева воды. До войны стояла весьма примитивная колонка, после 1945-го г. смонтировали усовершенствованную колонку, позволявшую регулировать температуру нагреваемой воды, можно было принимать душ. Мусоропроводов в доме не было, в кухне стояло мусорное ведро, которое, по мере заполнения, жильцы по очереди выносили во двор и выбрасывали мусор в стоявший там деревянный контейнер, откуда мусор периодически забирали и вывозили на автомашине.

В кухне стояли три небольших столика, над которыми висели две полки для посуды (одна из них общая для двоих соседей, в том числе и нашей семьи). Часть площади кухни была выделена из нее перегородкой, эта отделенная квадратная часть площадью 1 кв.м. представляла собой так называемый холодный шкаф (он, в отличие от кухни, не отапливался) и имел миниатюрное окошко, выходившее во двор. В этом шкафу были смонтированы три больших полки, по одной на каждую комнату. В кухне висел на стене небольшой ящик — газовый счетчик, по показаниям которого мы платили за газ. В прихожей висели на разных стенах счетчик электричества, по которому мы ежемесячно платили за электроэнергию, и телефон, общий для всех жильцов квартиры.

Теперь о наших соседях по квартире. В меньшей комнате (около 18 кв. м.), выходившей окном, как и наш балкон, на Хавскую улицу, жили две незамужних сестры Гавриловы. Старшая, Ольга Алексеевна, работала старшей медсестрой (кастеляншей) в каком-то роддоме. Младшая Лидия Алексеевна работала счетоводом или бухгалтером на разных предприятиях в окрестности (она часто меняла места работы). Сестры весь день были на работе, тем не менее, имели кошку, которую на целый день запирали в комнате, и вообще никогда не выпускали из квартиры, вследствие чего кошка часто тосковала, иногда протестовала и даже однажды выпрыгнула их квартиры во двор, но осталась жива. Кормили хозяева кошку только сырым мясом. В наибольшей комнате (около 22 кв. м. с большим встроенным шкафом), выходившей большим окном (без балкона) во двор, жила в 30-е годы бездетная семья, довольно молодые еще люди. Муж Ипполит Миронович Новик был педагог, преподавал математику в одной из соседних школ. Был он человек вежливый, корректный, но замкнутый, неразговорчивый. Жена его Александра Ивановна Конькова была, напротив, весьма разговорчива, но очень раздражительна и часто вела себя в общей кухне недостаточно корректно, а иногда и скандально. Теперь-то я понимаю, что это был, видимо, один из симптомов ее тяжелого хронического заболевания (а тогда этого никто не понимал). Незадолго до начала войны с Германией ее нервное заболевание проявилось открыто, у нее был так называемый рассеянный склероз мозга. Вероятно, это заболевание имеет генетическое происхождение. Ей стало трудно передвигаться даже по квартире; она выходила из своей комнаты, толкая перед собой стул, наскоро готовила какую-то нехитрую еду и уползала обратно в свою комнату. Потом она выползала из комнаты буквально, на коленях. В 1941-м году Ипполита Мироновича сразу после начала войны призвали в армию, и очень скоро он погиб на фронте, о чем пришло извещение. После этого Александру Ивановну изредка навещала ее престарелая тетка, с которой у моей матери были хорошие отношения.

Вскоре после начала войны Александре Ивановне стало трудно вставать с постели, ее увезли и положили в какую-то больницу. Осенью 1941-го года (октябрь, ноябрь) немецкие войска рвались к Москве, и многие москвичи уехали (мы же не двинулись с места, видно, матери было трудно уезжать, да и работу бросать не хотелось — ее поликлиника, конечно, продолжала работать). Ранней весной 1942-го года, когда немецкое наступление было отбито и немецкие войска были отброшены на некоторое расстояние от Москвы (и советское контрнаступление продолжалось), часть уезжавших москвичей вернулась в Москву, но многие из них нашли свои прежние квартиры занятыми; трудно сказать, кем именно, но это был факт. В таком положении оказалась, в частности, некая женщина по фамилии Мажарова, которую поселили в свободную к тому времени комнату Коньковой. У Мажаровой был сын по имени Женя, юноша лет 17-18-ти,

который был незадолго до ее вселения к нам мобилизован в армию, и вскоре погиб на фронте. Мажарова же пожила в нашей квартире очень недолго и вскоре ушла куда-то на другую квартиру, не сообщив, куда именно. Вселяясь к нам, она привезла с собой, в частности, стопку книг своего сына, книги она свалила на полку в холодном шкафу, а уезжая на другую квартиру, не взяла с собой. Воспользовавшись этим обстоятельством, я завладел книгами, часть из которых уже тогда представляла для меня значительный интерес. Об этих книгах я позднее расскажу подробно.

Комната Новика – Коньковой опять освободилась. И тогда в нее вселили еще одну жилицу, пожилую женщину – зубного врача Марию Яковлевну Звирину. Она тоже уезжала из Москвы в 1941-м году, а вернувшись, нашла свое жилье занятым. Поселили ее у нас в квартире с условием, что она будет ухаживать за настоящей хозяйкой комнаты Александрой Ивановной Коньковой. Вскоре Александру Ивановну вернули из больницы домой; состояние здоровья ее не улучшилось, скорее наоборот. Мария Яковлевна ухаживала за ней. Вскоре Александра Ивановна скончалась, и Мария Яковлевна осталась нашей полноправной соседкой.

Я полагаю, что нам с ней, как с соседкой, повезло. Это была умная, культурная, практичная женщина с мягким характером, она хорошо ужилась в нашей квартире. Вообще, мы, соседи по квартире, жили тихо и мирно, каких-либо спорных вопросов у нас не возникало, а с Марией Яковлевной мы (наша семья) дружили. Скончалась Мария Яковлевна в 1975-м году, когда наша семья уже переехала (1971-й год) на другую квартиру.

Далее кратко расскажу о моем воспитании, обращая внимание на источники информации о внешнем мире, и откуда я ее черпал. Оглядываясь на себя того времени, прихожу к выводу, что я был очень жаден до такой информации, на первых порах, конечно, бессознательно. Подробнее об этом скажу ниже.

Вначале о моих первых годах на этом свете. Материальное положение семьи было таково (у отца были небольшие заработки), что мать поступила на работу практически сразу же после того, как привезла меня в Москву в 1931-м году. В таком возрасте (3 – 6 лет) я нуждался в уходе и присмотре. В нашем доме и даже в нашем же подъезде в одной из квартир на первом этаже, был организован детский сад для детей жильцов дома. Меня пытались туда устроить, но я был категорически против этого, привыкнув к ласковой опеке "своих", то есть родственников. Уговорить меня не смогли, и пришлось искать иное решение. Его нашли в том, чтобы пригласить ко мне няню, и нашли такую в Раненбурге. Пригласили молодую, даже очень молодую, крестьянку из Кривополянья (южного пригорода Раненбурга) по имени Настя. Какое-то время (не помню, какое, но недолго) она за мной присматривала. Но произошел случай, приведший к прекращению

ее деятельности у нас. Мне пришло в голову поиграть в дом, который я соорудил, спустив скатерть (или клеенку) с нашего обеденного стола почти до пола. Под столом стало темно, и для освещения Настя взяла нашу керосиновую лампу (которая была у нас на случай перебоев с электричеством, а такие перебои бывали нередко) и зажгла ее, а я ее поставил на пол в глубине игрушечного дома; сама же Настя, по рассказам взрослых, стала участвовать в игре. Через короткое время горячий газ, поднимавшийся по стеклянному теплоотводу лампы, нагрел столешницу с нижней стороны так сильно, что дерево стало обгорать и дымить, в квартире стал распространяться запах дыма. К счастью, мать в это время пришла домой. Почувствовав запах дыма, она прибежала в комнату и прекратила игру. После этого Настя вскоре оставила нашу квартиру и вернулась в Раненбург. Позднее, когда я достиг сознательного возраста, мне доводилось встречать ее в Раненбурге, в частности, в доме тетюшек Рыжковых; она работала уборщицей в одной из городских школ.

Следующую няню для меня подыскали тоже в Раненбурге, точнее, в его окрестности, в селе Соловые (около 10 км. от города), где моя мать незадолго до того, работала в сельском медпункте. В этом селе, полностью коллективизированном к тому времени, оставались еще две единоличницы, две незамужних сестры, Марфа и Матрена, фамилию их я не знаю. Это были женщины средних лет и, как я понимаю, с разными характерами. Старшая, Марфа, была и физически очень сильна, и имела твердый, вероятно, упорный характер. В то время, как известно, в селах России партийные и государственные власти стремились к полной, 100-процентной коллективизации населения и его земли, но в данном случае власти натолкнулись на решительное нежелание. После долгой и изнурительной борьбы их оставили в покое. Земельный удел у них изъяли, но оставили небольшой приусадебный участок около избы. В таком трудном положении сестры (в основном, конечно, Марфа) ухитрились, тщательно обрабатывая имевшийся у них участок земли, как-то существовать плодами своего труда, и даже делать тете Зое нехитрые подарки. Однажды я видел, что Марфа, приехав по делам в Раненбург и остановившись, как обычно, у тети Зои, привезла ей в подарок небольшой (а по моим представлениям, увесистый) мешок отменного картофеля.

Из двух сестер младшая, Матрена, и стала моей второй (и последней) няней. Характер ее сильно отличался от характера ее сестры, он был мягкий, покладистый. Видимо, она внушала к себе определенное уважение; мой отец всегда был с ней на "вы" и называл ее "Матрена Павловна". Впрочем, отец был всегда на редкость вежлив и благожелателен со всеми, с кем общался. Матрена была, видимо, женщина болезненная и мнительная, она часто жаловалась на боли (неизвестного происхождения) где-либо внутри нее; впрочем, это не сказывалось на исполнении ею ее обязанностей. Я помню одно из ее изречений, которое она часто повторяла: "Я харчи ем, а харчи меня едят". Несколько загадочное изречение, допускающее различные толкования. Когда я подрос, она уехала к себе в село; позднее я иногда видел ее в Раненбурге у тети Зои во время ее кратких визитов в город.

Когда я немного подрос, то стал гулять в нашем дворе, где играл с моими сверстниками, детьми соседей по дому. Кратко охарактеризую некоторых из этих детей. Большинство их происходили из относительно культурных семей, родители их были в основном представителями "новой" интеллигенции, как и мои родители, интеллигентами в первом поколении. Дети их были достаточно воспитаны, без дурных наклонностей. Однако, были из этого и исключения. Скажу сначала о таких детях. Соседкой нашей по балкону (но из квартиры по соседнему подъезду) была мать-одиночка по фамилии Покровская. Сын ее Леонид ("Лесик большой") был старше меня года на два. В компании с ним ходил сын одного из двух наших дворников, мой тезка и

сверстник Захаров (другой наш дворник имел фамилию Филиппов). С ними "водился" еще один мальчик, из соседнего с моим подъезда, по имени Шурка Ермаков, немного старше меня. Это были, видимо, плохо воспитанные и небрежно опекаемые дети; они, видимо, завидовали лучше опекаемым детям (к коим относился и я), и при встрече со мной дразнили и задирали меня, впрочем, по-детски, без поползновений к драке и другим серьезным эксцессам. Теперь, конечно, мне жаль этих детей.

Играл же я с иными детьми, например, с Андреем Евдокимовым, моим сверстником ("Андрюша большой"); Глебом Карпюком (тоже сверстником) и его ближайшим соседом и приятелем Фимкой (Тимофеем) Хаитом; Эрленом (известен под именем Эрик) Спектором, который был старше меня на год, и другими. Краткое время я общался также с Борисом Цейтлиным, внуком (возможно) известного тогда литературоведа и историка литература А. Г. Цейтлина (о нем скажу в следующей главе). Был среди детей и "Андрюша маленький", моложе меня на 3 года — Андрей Тартаковский; он был моложе большинства детей и не играл с ними во дворе, так как плохо бегал (у него был незначительный дефект ноги) и плохо выговаривал некоторые звуки (слегка шепелявил). В детской компании эти незначительные недостатки имеют-таки значение. Однако, во "взрослой" жизни он стал известным историком, автором нескольких книг, в том числе по философии истории. О нем подробно скажу позднее. Игры наши были несложны, в основном салки, прятки, "палочка-выручалочка" и т. п. В "расшибалочку", то есть бросание монеты на стенку и выигрыш или невыигрыш ее в зависимости от того, как она упадет, мы не играли, в это играли менее воспитанные дети.

Был в нашем дворе мальчик старше меня и моих дворовых друзей года на 3 – 4. Звали его Витька Гиленсон, а прозвище было Жаба (отец его был Гусь, а мать Утка). Витька был лидер по призванию в детском обществе, он любил организовывать "военный отряд" детей, которых ставил в строй и пытался муштровать, заставить маршировать под его команду, и т. п. Мне это очень не нравилось, и я обычно убегал и прятался в подъезде, или вообще уходил домой. В своей взрослой жизни Витька, по разговорам, стал сотрудником НКВД (позднее КГБ). Еще один старший мальчик, старше меня лет на пять, Макс Липшиц, жил в нашем подъезде. Он был лицом некрасив и носил очки. Младшие дети поддразнивали его, обзывая "Очкастая горилла", а добродушный Макс, поддерживая игру, в шутку гонялся за детьми. Впрочем, Макс, повзрослев, тоже стал сотрудником КГБ. Также жил в нашем дворе старший мальчик Воля (такое имя) Великовский, сын врача.

Расскажу эпизод, случившийся в нашем дворе, которого я был очевидцем, и попытаюсь дать ему достаточно правдоподобное, на мой взгляд, объяснение. Было мне тогда лет 7 – 8. Однажды под вечер, в сумерки, я, гуляя во дворе, случайно оказался возле 5-го (ближайшего к воротам) подъезда нашего дома. Вдруг в подъезде раздался резкий, громкий звук, похожий на звук выстрела. Тотчас же из подъезда выбежал человек и поспешно ушел из нашего двора на улицу. После этого вскоре из подъезда вышел, шатаясь и хватаясь за косяки двери, еще один человек; с трудом сойдя с крылечка, он рухнул на асфальт и остался недвижим. Кто-то из взрослых вызвал карету (автомашину) скорой помощи, которая вскоре приехала и забрала упавшего. После этого на том месте асфальта, где лежал человек, осталась красная лужица, которую я хорошо рассмотрел при свете горевшего вблизи фонаря; это явно была кровь. Каких-либо вразумительных объяснений этого эпизода от взрослых я не слышал; велись неясные толки о неудавшемся ограблении, о некоей "ссоре криминальных элементов", и т. п., и те вскоре утихли (может быть, в присутствии детей). Ручаясь за верность фактической основы эпизода, рискну предположить объяснение его, на мой взгляд,

достаточно вероятное.

Известно, что в середине 30-х годов политическое положение в правившей тогда Коммунистической партии, а следовательно, и в стране было довольно сложное вследствие ожесточенной (хотя и скрытой) борьбы в партии. Возможно, рассказанный эпизод явился отражением этой борьбы на уровне частной жизни в нашем доме. Напомню еще печальный эпизод из жизни вождя страны в 20-х годах В. Ульянова (Ленина). В 1922 – 24-м годах тяжело больной Ульянов не работал, а жил на покое в имении Горки, под Москвой. Тем временем в верхах партии развернулась борьба за лидерство в самой партии, а в случае смерти Ульянова и в стране. В лидеры, вопреки категорическим указаниям Ульянова, рвался генеральный секретарь партии И. Джугашвили (Сталин, 1879 – 1953 гг.) Ульянов, вопреки скрываемой надежде Сталина, к концу 1923-го года стал медленно поправляться и, по прогнозам врачей, мог бы выйти на работу к середине 1924-го года. Ульянов, зная о притязаниях Сталина, в начале января 1924-го года очень боялся, что его могут убить (скорее всего, отравить) агенты Сталина, точнее, сотрудники ГПУ, то есть секретной государственной службы. Скажу еще, что в Горках был размещен отряд латышских стрелков для охраны Ульянова, 20 человек, командиром их был некто П. П. Пакалн. Ульянов в особенности боялся, буквально панически, этого Пакална. Известно, что Ульянов в январе 1924-го года чувствовал себя относительно хорошо, но 22-го января внезапно почувствовал себя плохо и к концу дня умер. Очень вероятно, что он все-таки был отравлен, и к этому был причастен Пакалн. После смерти Ульянова Сталин вынес благодарность латышским стрелкам за службу и приказал своим подчиненным "хорошо их устроить". В пятом подъезде нашего дома (том самом, из которого вышли два упомянутых выше человека) жил на первом этаже мальчик Валя (Валентин) Пакалн, о котором дети знали, что он по национальности латыш. Этот мальчик, старше меня года на два, был всегда аккуратно одет, был молчалив и серьезен, с детьми общался мало, никогда не играл в общие игры. После упомянутого эпизода Валя исчез и больше во дворе не показывался. Возможно, что начальник латышских стрелков был поселен а нашем (новом в то время) доме, а Валя — его сын. В период сложного политического положения в стране было, возможно, найдено целесообразным избавиться от свидетеля смерти Ульянова по сомнительной причине. К нему был подослан обученный убийца из КГБ, возможно, его же коллега, и Пакалн был убит. История свидетельствует, что такого рода эпизоды с участием ГПУ случались, и отнюдь не были редкостью. Не берусь определенно настаивать на сообщаемом объяснении эпизода, но за факт, которого был свидетелем, ручаюсь.

Скажу еще об одном мальчике, сыне третьей сестры наших соседей Гавриловых, Варваре Алексеевне, которая жила в каких-то провинциальных городках и иногда навещала сестер. Она привозила с собой сына Сережу, моложе меня года на три. Я с ним общался мало, так как он был моложе меня, к тому же по своим "установкам" он мне не нравился; он любил играть в "оратора", вскакивал на какую-нибудь скамеечку как на трибуну и пытался "толкать речугу". Замечу в скобках, что это, видимо, одна из примет общественной жизни того времени. Выходцы из малообразованных мещанских слоев населения пытались "выбиться в люди» путем бездушного и беспринципного конформизма, принятия существующего порядка вещей (впрочем, такого рода проявления свойственны, по-видимому, всем временам).

В 30-е годы заходил иногда в наш двор старьевщик; взрослые говорили, что это был татарин. Он становился посреди двора и кричал громко, но не очень внятно: "Старье берем!" В ответ на это услышавшие его дети собирали в своих квартирах вышедшие из употребления вещи: изношенную обувь, прохудившиеся кастрюли и т.п., и бегом несли

их старьевщику. В обмен они получали нехитрые игрушки, часто свистульки, иногда глиняные, а иногда и железные. Помню, однажды я выменял железную трубочку с небольшим резервуаром; если налить в него воду и дуть в трубочку, то получался свист, похожий на соловьиный. Тогда это немало меня забавляло (впрочем, скоро надоело).

Упомяну о моей таинственной болезни: поднялась температура тела, а кроме этого никаких признаков заболевания не было. По подозрению о сыпном тифе меня поместили в больницу — 5-ю Советскую на Большой Калужской улице. Там я пролежал в небольшой палате вместе с 4-мя взрослыми пациентами (один из них был Воля Великовский с нашего двора) примерно 5 дней, после чего меня выписали. Впрочем, вскоре после этого я действительно болел скарлатиной и пролежал с неделю или дней 10 в детской (огромной, переполненной) палате Павловской больницы; пребывание там внушило мне очень неприятные впечатления. В те же дошкольные годы я посещал занятия в группе детей с небольшими дефектами произношения; меня лечили от легкого заикания. Занятия эти были организованы при неврологической клинике им. З. Соловьева, что близ Донского монастыря. Лечение это имело некоторый успех (а с годами мое заикание стало практически незаметным).

Когда я немного подрос, лет до 6 – 7, няню Матрену отпустили восвояси, и меня стали оставлять днем дома одного. Было скучновато, особенно вначале, но я слушал радио. У нас был репродуктор от городской радиосети, и как раз в это время стала работать на сеть радиостанция им. Коминтерна (передатчик ее располагался в одном квартале от нас близ радиоантенны — башни В. Шухова на углу Шаболовки и Сиротского переулка). Днем по радио обычно передавали музыку, и классическую, и танцевальную. Часто объявляли и передавали танцы: фокстрот, румбу.

Перехожу к сюжетам общественного характера. Управляющим нашего дома работал некто Александр Михайлович (фамилию не знаю). Он был человек общительный и любезный, и видимо, знал многих из своих жильцов, в частности, моего отца. Однажды мы с отцом шли домой, у дома нам встретился Александр Михайлович, стал разговаривать с отцом, спросил у отца, сколько мне лет и получил ответ: восемь. Тогда он, обратившись ко мне и показав свои десять пальцев, сказал: "Если принять, что десять пальцев представляют всю человеческую жизнь, то один палец ты уже отмотал", и сделал характерный жест, изображающий отсечение пальца. Вскоре после этого Александр Михайлович был арестован, после чего сгинул, больше никто его не видел. Таких жильцов, репрессированных в 30-е годы, было в нашем доме немало. К их числу относился отец моего товарища по играм (а в дальнейшем и однокашника по ВУЗу) Эрика Спектора; врач Волков, сын владельца малой фабрички по соседству с нашим домом (отец Лесика маленького), другой сын этого фабриканта, отец двух сыновей Аскольда, будущего физика, и Олега, будущего звероведа; отец мальчика Левушки Гросмана, нашего соседа по лестничной площадке на нашем же этаже. Не сомневаюсь, что были и другие репрессированные из нашего дома, но об этом никогда ничего не говорилось, видимо, из соображений осторожности.

Мой отец всегда следил за политической обстановкой в стране и во всем мире. Он выписывал газету "Правда" и ежедневно читал ее. Я тоже постепенно, исподволь, стал интересоваться политической обстановкой, разумеется, в пределах доступной в то время официальной (унифицированной) информации. Так, в начале 1934-го года в Германии пришедшие к власти национал-социалисты (гитлеровцы) использовали случившийся (возможно, не без их участия) в то время пожар в здании германского Рейхстага (парламента), в своих политических целях, обвинив в поджоге живших тогда

в Берлине функционеров Коминтерна болгар Г. Димитрова, Попова и Танева. Был инициирован шумный, публичный судебный процесс по обвинению этих лиц, но нацистам не удалось осудить этих сотрудников Коминтерна, и после их оправдания они прибыли в СССР. Так как я проявил некоторый интерес (разумеется, в соответствии с уровнем моего развития тогда) к событиям в окружающем мире, для меня тоже выписали газету, "Пионерскую правду", которую я и читал. Отмечу, что газету эту выписать для доставки на дом было всегда нелегко: на подписку на нее устанавливали лимит, отпускаемый на каждое почтовое отделение. Поэтому бывало так, что приходилось "ловить" подписку, посещая несколько почтовых отделений; в этих случаях мы проявляли упорство, и в результате выписать газету удавалось.

В 1938-м году я, читая газету через плечо отца, прочитал о судебном процессе "правотроцкистского блока". Там было написано, в частности, что один из подсудимых, родом откуда-то из Средней Азии, во вредительских целях якобы подсыпал в пищу рабочих в столовой толченное стекло. Я, в мои 10 лет, уже тогда подумал, что это, конечно, чушь; отсюда пошло мое недоверие к официальным известиям об этом процессе, а в дальнейшем и весьма скептическое отношение ко всем официальным сообщениям того времени (вплоть до конца 80-х годов) вообще. Замечу еще, что вопросы текущей политики мы в семье никогда не обсуждали (по крайней мере, в моем присутствии).

В скобках замечу, что летом 1940-го года в "Пионерской правде" впервые была опубликована повесть А. Гайдара (1904 – 1941 гг.) "Тимур и его команда", на основе которой в дальнейшем стало распространяться, с одобрения и при поддержке властей, среди детей "тимуровское движение", которое, конечно же, было положительным общественным явлением. Да и повесть Гайдара, как и вообще его творчество, довольно талантлива. Однако, меня тимуровское движение не коснулось.

Скажу теперь о моих прогулках по окрестностям моего дома в те далекие годы детства. В середине 30-х годов я, в сопровождении отца, а иногда и вместе с моими двоюродными братом Борисом и сестрой Инной, и их отцом, дядей Володей, ходил на уже довольно дальние прогулки, чаще всего в Нескучный сад, к Андреевскому железнодорожному мосту через Москву-реку и по набережной реки ниже Нескучного сада. Иногда ходили гулять в Орлову рощу; туда шли через Даниловское кладбище. Орлова роща представляла собой в то время недлинную долинку между двумя холмами, на которых виднелись психиатрические лечебницы, им. П. П. Кащенко, для взрослых и для детей. По долинке, поросшей кустарником, с редкими, но высокими деревьями, вился узкий ручеек и впадал в небольшой пруд. Вдоль ручейка, вытекавшего из туннеля под Окружной железной дорогой, шла тропинка. Ручеек, вытекая из маленького пруда, впадал далее в большой пруд, откуда вода стекала в Москву-реку в районе Варшавского шоссе. В долинке через ручеек был устроен небольшой деревянный мостик. Это были остатки угодий графа А. Орлова, ему же принадлежала и круглая дача, вблизи от стыка Шаболовки и Серпуховского вала. Во время прогулки по роще мы шли по тропинке вдоль ручья до его туннеля под железной дорогой, после чего возвращались обратно.

В Нескучном саду сохранилось несколько садовых павильонов 18-го и начала 19-го веков, на которые я тогда смотрел, не понимая, конечно, их историко-художественного значения. Это мне, возможно, удалось лишь теперь.

Иногда мы ходили с отцом на прогулку к Данилову монастырю, внутрь ограды

которого тогда доступа не было. Суровую прелесть стен и башен этого монастыря я осознал тоже лишь в последние годы. И все же, полагаю, какие-то впечатления от этих выдающихся произведений архитектурного гения и мастерства у меня оставались, постепенно накапливались и сказались позднее, в относительно полной мере лишь теперь.

Прежде чем говорить о моих с отцом "научных" экскурсиях, скажу о тех беседах на исторические темы, которые он вел со мной в его свободное время, по утрам в выходные дни. Он кратко, но интересно рассказывал мне о выдающихся событиях российской истории, например, о войнах с монголо-татарами, Куликовской битве, о войнах России с Францией и роли в них М. И. Кутузова (1745 – 1813 гг.) в начале 19-го века, и т. п. Рассказы его были, конечно, в популярной форме (сказал бы я теперь), в духе рассказов о русской истории Д. И. Иловайского. Может быть, он действительно вдохновлялся трудами этого популярного до 1917-го года историка, родным городом которого был Раненбург. Я слушал эти рассказы отца с большим интересом.

Ходили мы с отцом на прогулки и к Донскому монастырю, и внутрь ограды (стен) его. Никакого монастыря там в то время не было, а в обширном крытом помещении гульбища вокруг здания Большого собора была развернута выставка по истории религий, имевшая целью жесткую критику и осмеяние всех религий вообще, в том числе и христианской. От этой выставки у меня осталось, пожалуй, только одно воспоминание. Был там выставлен смешной идол с какого-то тихоокеанского острова, изображавший в натуральную величину сидящего человека с высунутым длинным языком, к кончику которого был подвешен маленький колокольчик, издававший звон при его шевелении. Выставка эта существовала до 1934-го года (когда мне было 6 лет), так что не удивительно, что кроме этого идола я ничего не запомнил.

На Воробьевых горах в бывшей усадьбе Дмитриева-Мамонова (Мамонова дача) был организован (вокруг дачи) так называемый Этнографический парк, а позднее в здании дачи Музей народов СССР, где, в частности, были выставлены макеты исторических жилищ некоторых народов России, например, кавказская сакля, юрта кочевников из западносибирских степей, чум каких-то народов Севера, и т. п. Выставка существовала там до 1941-го года; в каком году меня туда водили, сказать не могу, предположительно в 1937 – 39-м годах, не позднее.

Еще один музей, Палеонтологический, я посетил с отцом году в 1936-м. Музей был расположен тогда в одном из флигелей Нескучного дворца, в котором тогда размещался Президиум АН СССР. Помню множество красивых камней, разложенных в витринах музея, также несколько скелетов гигантских доисторических ящеров. На все это я взирал тогда, "хлопая глазами". В этом музее довелось мне тогда прослушать научно-популярную лекцию по геологии известного тогда геолога академика А. Е. Ферсмана (1883 – 1945 гг.), одного из основоположников науки геохимии. Из его лекции я ничего не воспринял (смертельно скучал, слушая его), однако, основные черты его внешнего облика в моей памяти остались.

Кроме этих близлежащих музеев, отец возил меня в Политехнический и в Третьяковскую галерею, где я тогда, конечно, в основном хлопал глазами, но все же кое-что, видимо, осталось в моем сознании. Много позднее я с интересом прослушал цикл популярных лекций о картинах, выставленных в Третьяковской галерее, лекции читали научные сотрудники галереи в залах ее, непосредственно перед выставленными картинами. Детей, при возможности, водить в музеи нужно, хотя плоды от этих посещений сразу не очевидны. Результаты, может быть, скажутся позднее.

Теперь о "хлебе насущном". В мои самые ранние годы я еще застал продовольственные карточки (даже помню, как они выглядели), введенные после отмены НЭПа и начала коллективизации на селе, то есть в году 1929 – 30-м. Не могу судить, каково было снабжение продуктами по карточкам, расскажу только в этой связи об одном моем воспоминании. Гуляя с отцом в скверике возле Донского монастыря, я обратил внимание, что северные ворота его были перегорожены, и за загородкой, под сводом ворот, работал продовольственный магазин. Отец сказал мне, что этот магазин — так называемый "закрытый распределитель". Видимо, какие-то привилегированные слои общества снабжались независимо от продовольственных карточек. Примерно о таком же явлении я случайно узнал и много позднее, в 1962-м году. Делаю вывод, что плановое общество было вовсе не таким единым, как пропагандировалось, видимо тогда все члены общества были равны, но некоторые "равнее" других. Такое деление общества на привилегированных (разных степеней) и прочих свойственно для плановых (или хотя бы отчасти плановых), нерыночных обществ. Впрочем, вскоре (1933-й или 1934-й год) продовольственные карточки были отменены. После отмены карточек снабжение продуктами было, на мой взгляд, вполне удовлетворительное, свободно продавались везде, в том числе и на нашей окраине, самые разнообразные продукты. Правда, ассортимент продуктов в магазинах, расположенных ближе к центру Москвы, был заметно шире. Так, иногда мы ездили за продуктами на Большую Серпуховскую улицу, где вблизи от Серпуховской площади был большой магазин "Гастроном". Там ассортимент продуктов был шире, чем в наших краях, но магазин посещало много народа, и к прилавкам стояли длинные очереди. На той же площади, на углу Вальной улицы был большой кондитерский магазин, в котором мы иногда (редко) покупали так называемые "шоколадные бомбочки" — полые шоколадные шарики, в полость которых заделывали какую-либо незатейливую деревянную игрушку. При покупке бомбочки самое интересное для меня было, какая именно игрушка содержалась в бомбочке. Другой интересный для меня магазин был на первом этаже новой в то время пятиэтажки на Люсиновской улице, близ Даниловской площади. Речь идет о магазине под названием "Консервы", где продавались самые разнообразные консервы, а кроме того, кондитерские изделия, овощи и Фрукты. Среди кондитерских изделий были всегда так называемые восточные сладости, из которых меня особенно привлекали халва и так называемый рахат-лукум (вид мармелада).

Хуже обстояло дело со снабжением одеждой и обувью (промтовары). Помню, что в каждую поездку моих родителей в Раненбург (со мной или без) они везли с собой из Москвы мануфактуру, то есть ткани и готовые промтоварные изделия. Однако, непросто было со снабжением промтоварами и в Москве. Например, такой эпизод. Отцу потребовалось купить себе брюки. Он пошел за ними в недавно построенный Даниловский универмаг, но подходящих брюк там в продаже не оказалось, их требовалось "подсидивать", то есть "сидеть в очереди" на завалинке (облицованной плитами из красивого черного камня с искрами, лабрадора) магазина. На другой день он пошел в магазин пораньше и "подсидел", то есть купил себе брюки. Было это в году 1937-м или 38-м.

Возвращаясь к моему интеллектуальному воспитанию, упомяну мою первую серьезную книгу "Приключения Робинзона Крузо" в переложении для детей Льва Толстого. Эта небольшая книжка мне очень нравилась, и ее читали мне много раз, позднее я читал ее сам несколько раз. На полях ее я упражнялся в письме, заполняя поля неуклюжими печатными буквами. Эта книжка (вместе с моими печатными буквами) сохранилась у меня и поныне. Читал я также "Приключения Мюнхгаузена" Э. Распе (1737 – 1794) в переложении для детей К. Чуковского (1882 – 1969). Несколько позднее я перешел на

книги писателей приключенцев, классиков Т. М. Рида (Майн-Рид, 1818 – 1883 гг.) и Жюль Верна (1828 – 1905 гг.). Мой отец купил мне три романа Ж. Верна, в том числе "Дети капитана Гранта", и один том сочинений Майн-Рида. Эти книги я читал уже сам. Были у меня также два романа Д. Ф. Купера (1789 – 1851 гг.) из цикла о Натти Бампо, роман В. Скотта (1771 – 1832) "Айвенго". Позднее мне купили 3 книги М. Твена (1835 – 1910 гг.), предназначенные для детей, а также роман В. Гюго (1802 – 1885 гг.) "Отверженные" в пересказе для детей. Все эти книги я читал с большим интересом, особенно книгу Гюго.

Кроме детской классики, были у меня и научно-фантастические книги. Упомяну детский роман Сергея Розанова "Алюта – воздушный слоненок", о городе социалистического будущего. Автор этого романа собрал в нем немало фантастических выдумок, на манер известного четвертого сна Веры Павловны Чернышевского; и эти выдумки Розанова в дальнейшем осуществились не больше, чем задумки Чернышевского. Упомяну еще о фантастике А. Н. Толстого (1883 – 1946 гг.), антиутопиях в романах "Аэлита" и "Гиперболоид инженера Гарина", сказочной фантастике в "Приключениях Буратино". Последняя книга — переработка сказки итальянского писателя К. Коллоди (1826 – 1890 гг.) "Приключения Пиноккио".

Позднее, когда я уже учился в школе (с 1936-го года) отец привозил мне приключенческие и детективные книги, взятые им для прочтения у его старшего коллеги по работе Н. Д. Левитова. Это были романы французских писателей Л. Жаколио (1837 – 1890 гг.) и Л. Буссенара (1847 – 1910 гг.), детективные рассказы А. К. Дойла (1859 – 1930 гг.) о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе. Эти книги доставляли мне столько удовольствия, что я просил повторно принести их мне, что и исполнялось. Отец брал у Левитова и приносил мне также некоторые романы А. Дюма-отца (1802 – 1870-й гг.) (не из серии о трех мушкетерах), но эти романы у меня "не пошли", возможно, я, по малости лет, их не понимал. Однажды отец посетил Левитова вместе со мной, и я видел его в его квартире на первом этаже в Георгиевском переулке, близ Тверской улицы.

Не следует думать, что я читал только такую, не слишком серьезную художественную литературу. Довольно рано я стал приобщаться к русской классической литературе. У нас дома были три толстых однотомника сочинений А. Пушкина (1799 – 1837 гг.), Н. Гоголя (1809 – 1852 гг.) и В. А. Жуковского (1783 – 1852 гг.). Я начал их читать с Жуковского, прочитал его романтические баллады, а затем (с большим удовольствием) перевод "Одиссеи" Гомера. Видимо, мой позднейший интерес к античной литературе (и истории) зародился уже в детстве. Позднее я прочитал сочинения Гоголя, и (в последнюю очередь) Пушкина. В те же годы я читал неоднократно сказку П. П. Ершова (1815 – 1869 гг.) "Конек-Горбунок".

Упомяну также о книгах, которые я брал для прочтения у моего дяди, точнее, у Екатерины Карловны (тети Кати). Это было старое издание сочинений У. Шекспира (1564 – 1616 гг.) в прозаическом переводе Н. Х. Кетчера (3 тома из 4-х); их я с удовольствием прочитал. Кроме того, я брал у нее еще ряд книг, среди них книгу путевых очерков этнографа и путешественника В. К. Арсеньева (1872 – 1930 гг.) "Дерсу Узала", сборник русских сказок, записанных фольклористом А. Н. Афанасьевым (1826 – 1871 гг.), и знаменитый роман М. Сервантеса (1547 – 1616 гг.) "Дон Кихот", последний брал почитать неоднократно.

В те же годы я читал детские журналы "Пионер" (который для меня выписывали) и "Костер", который выписывали для моих двоюродных брата и сестры. В журнале

"Пионер" кроме проходных, "обязательных" детских повестей, печаталось много интересного. Например, пересказ древнегреческих мифов о подвигах Геракла, последний роман М. М. Пришвина (1873 – 1954 гг.) "Осударева дорога" (фальшивый по идее, но высокохудожественный по стилю), повесть Л. Лагина (1903 – 1979 гг.) о старике Хоттабыче, повесть канадского писателя Серой Совы (Д. Белани) (1888 – 1938 гг.) о природе и животных, повесть литературоведа И. Андроникова "Загадка Н. Ф. И.", и др. В "Костре" тоже печаталось немало интересного. В частности, первый испанский плутовской роман о похождениях Ласарильо де Тормеса (16-й век, автор неизвестен), начало известного романа В. Каверина "Два капитана", роман Ш. Де Костера (1827 – 1879 гг.) "Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке", исторические романы и повести С. Т. Григорьева (1875 – 1953 гг.), и др. произведения. Как видно, читал я в мои детские и отроческие годы немало, и с интересом, иногда жгучим, и в руки мне попадала в основном "серьезная" литература, дававшая, наряду с широкой информацией об окружающем мире, о русской и мировой истории, и воспитание в конструктивном направлении.

В конце 30-х годов я стал постепенно привыкать к просмотру художественных кинофильмов, для чего меня изредка водили в кинотеатры. В то время вблизи нашего дома кинотеатров не было, ближайшие были на Серпуховской площади ("Великан") и на Валовой улице ("им. Моссовета"), близ Павелецкого вокзала. Упомяну о, видимо, моем первом фильме "Новый Гулливер", по мотивам классического романа Д. Свифта (1667– 1745), о мелодраматическом американском фильме "Кукарача", которые я еще не понял, не усвоил и помню плохо. Перед последним из них показывали американский же мультфильм "Три поросенка и серый Волк" по известной детской сказке. Этот последний фильм до меня "дошел", дошел и до тогдашнего общества, в котором сказка о поросятах стала настолько модной, что в честь трех поросят назвали большой продовольственный магазин поблизости от нашего дома (какое название этот магазин сохраняет и поныне). Из названных выше кинотеатров сохранился только "Великан", но в перестроенном виде и под названием "Буревестник". В дальнейшем я дополню рассказ о кинотеатрах и кинофильмах, рассказав о фильмах, которые мне довелось посмотреть в последние перед большой войной годы (1939 – 1941 гг.). Пока же расскажу о широко распространенном те годы общественном явлении: стремлении к исследованию малодоступных регионов земного шара, а также к покорению воздушного пространства, как вдаль, так и ввысь.

Еще в год моего рождения (1928) была осуществлена итальянская экспедиция с целью достижения Северного полюса на дирижабле (модный в то время огромный управляемый и оборудованный моторным двигателем вытянутый воздушный шар). "Италия". В экспедиции участвовали, кроме ученых-исследователей, отряд солдат итальянской армии во главе с офицером, дирижаблестроителем У. Нобиле (1885 – 1978). Дирижабль достиг полюса, покружил над ним, но на обратном пути потерпел аварию, причем часть участников экспедиции (в том числе Нобиле) была сброшена на лед, а остальные пропали без вести (и так и не были найдены) На выручку группы Нобиле вылетел на самолете в одиночку известный, маститый полярный исследователь Р. Амундсен (1872 – 1928 гг.), но вместе с самолетом пропал без вести (несомненно, погиб). Тогда на помощь терпящим бедствие итальянцам-полярникам вышел советский пароход-ледокол "Красин", названный в честь видного русского революционера, советского партийного и государственного деятеля Л. Б. Красина (1870 – 1926 гг.). Ледоколу удалось подойти к льдине с терпящими бедствие полярниками, погрузить их на борт и доставить на сушу.

Вскоре в СССР была предпринята попытка пройти по Ледовитому океану за летний

сезон так называемым северо-восточным проходом (вокруг северной оконечности Европы и Азии от Баренцева моря до Тихого океана) на обычном корабле, не ледоколе. Для этого употребили совсем новый корабль "Челюскин", названный так в честь исследователя северной Азии С. И. Челюскина (примерно 1700 – 1760 гг.). Экспедицию, предпринятую в 1933-м году, возглавил известный ученый-математик с коммунистическими убеждениями, впоследствии академик О. Ю. Шмидт (1891 – 1956 гг.). Кораблю почти удалось пройти намеченный путь, но так как он задержался слишком долго в полярных водах, то совсем близко от Берингова пролива он вмерз в лед и стал вместе с ним дрейфовать обратно на запад. Вскоре корабль был раздавлен льдами и затонул, а люди перешли на льдину, образовав временный лагерь. Для их спасения была организована воздушная экспедиция с участием 7 полярных летчиков, и в феврале следующего 1934-го года участники экспедиции Шмидта, в том числе и он сам, были постепенно сняты со льдины и на самолетах были доставлены на сушу. Экспедиция эта была сложная и трудная; она широко освещалась тогда в печати и по радио, за ней следили многие в стране, в том числе и автор этих записок.

Во второй половине 30-х годов в СССР были предприняты воздушные экспедиции на самолетах для достижения рекордов по дальности и длительности полетов; большинство этих полетов завершилось успешно. Так, в 1936 – 38 гг. состоялись дальние полеты из СССР в США под руководством выдающихся пилотов В. П. Чкалова (1904 – 1938 гг.) и М. М. Громова (1899 – не ранее 1985-го года). В 1938-м году женщины-пилоты под руководством В. С. Гризодубовой (1910 – не ранее 1985-го года) из Москвы долетели на самолете до Дальнего Востока (Хабаровский край). Однако, в 1937-м году опытный полярный летчик С. А. Леваневский (1902 – 1937 гг.) пропал без вести во время попытки перелета из СССР через Северный полюс в США. Гигантский 8-моторный агитационный самолет АНТ-20 ("Максим Горький"), построенный в 1934-м году в одном экземпляре, в мае следующего года потерпел катастрофу и разбился в Москве во время воздушного парада и показательного полета, столкнувшись в воздухе с другим самолетом. При этом погибли все пассажиры и пилоты обоих самолетов (около 50 человек). Несколько ранее, с конца 20-х годов, начались высотные полеты, для чего использовались воздушные шары — аэростаты, или, для сверхвысотных полетов, стратостаты. Полеты эти осуществлялись успешно, были достигнуты всесоюзные рекорды по высоте. Однако, в 1934-м году стратостат "Осоaviaхим-1" (Общество содействия авиации и химизации страны) потерпел катастрофу при спуске с рекордной 22-километровой высоты. Погиб весь экипаж стратостата, в том числе начальник экспедиции П. Ф. Федосеенко (1898 – 1934 гг.). Наиболее значительная полярная экспедиция "Северный полюс-1" была предпринята в 1937-м году под руководством И. Д. Папанина (1894 – не ранее 1985-го года). Группа ученых, 4 человека, была высажена с самолета на лед на Северном полюсе, и дрейфовала вместе со льдиной к югу, ведя непрерывно научные наблюдения. Весной 1938-го года группа была снята с раскалывающейся льдины с помощью ледокола. В том же году был опубликован дневник записей И. Д. Папанина "Жизнь на льдине", которую для меня, по моей настойчивой просьбе, купили, но одолеть которую я не смог.

В 1930-х годах широкое общественное мнение, под влиянием подробных сообщений в печати о полярных и иных дальних экспедициях, воздушных полетов и т. п., проявляло значительный интерес к научным и спортивным достижениям, в том числе и в историческом плане. Такого рода интереса не избежал и автор настоящих записок. Я подробнее скажу об этом далее, а пока в этой связи расскажу кратко о небольшой общественной библиотеке, работавшей в подвальном помещении нашего дома. Вся библиотека размещалась в небольшом шкафу, на 3 –4-х полках. Библиотекарем работала, на общественных началах, пожилая пенсионерка, жительница нашего же

дома, по имени Александра Дмитриевна (фамилии не знаю). Это была почтенная седовласая дама, видимо, весьма образованная и культурная. В определенные дни и часы она спускалась в подвал, отпирала шкаф и выдавала (и принимала) книги.

Помню, что я весьма активно пользовался этой библиотекой, брал в ней и читал книги по биологии, этнографии; художественную литературу. Так, я прочитал, с удовольствием, популярную книгу французского энтомолога Ж. А. Фабра (1823 – 1915-й гг.) "Жизнь насекомых"; изданные тогда "Дневники путешествий" этнографа Н. Н. Миклухо-Маклая (1846 – 1888 гг.); и даже классическое "Путешествие натуралиста на корабле "Бигль"" Ч. Дарвина (1809 – 1882гг.). Впрочем, последний труд я с трудом осилил, и труд этот едва ли принес мне пользу. Зато еще одну книгу я прочитал с энтузиазмом, и не один раз. Это были знаменитые "Три мушкетера" А. Дюма-отца. Упомяну еще об одной книге, памятной для меня, которую я прочитал в 1939-м году. В том году на северной окраине тогдашней Москвы была открыта "Всесоюзная сельскохозяйственная выставка достижений", конечно, сильно преувеличенных. На прогулку по этой выставке родители брали и меня, и купили там для меня книгу "Приключения капитана Врунгеля" Андрея Некрасова. Эта юмористическая детская книга была мною неоднократно и с интересом прочитана.

Позднее, в 1941-м году я брал в нашей домашней библиотеке и читал книгу Я. Гашека (1883 – 1923 гг.) "Похождения бравого солдата Швейка", но недопонял ее. Там же я брал и читал роман Н. Вирты "Одиночество", о том, какие мерзавцы были крестьяне Тамбовской губернии, восставшие против советской власти, и как вредно было это восстание. Роман этот мне не понравился, но я с удовольствием прочитал едва ли не единственный советский детектив "Из записок майора Пронина" Льва Овалова (Шаповалова).

Перехожу теперь к ярким впечатлениям моей жизни, полученным мною в семье нашего соседа по кварталу Александра Петровича Иванова, жившего в том же доме (но в другом подъезде), что и семья моего дяди Владимира Ивановича (дяди Володи). Александр Петрович жил на третьем этаже и обладал целой квартирой из трех изолированных комнат, что тогда было в нашем кругу (рядовая трудовая интеллигенция) довольно большой редкостью. Для сравнения скажу, что как моя семья, так и семья дяди Володи жили каждая в одной комнате трехкомнатных квартир. Александр Петрович работал на автомобилестроительном заводе АМО ("Акционерное машиностроительное общество"), после 1937-го года автозаводе ЗИС (им. И. В. Сталина), и занимал там, по словам моих родителей, видную должность коммерческого директора. Жена его Ольга Яковлевна нигде не работала, но собирала в своей квартире небольшую группку детей (от двух до пяти человек) старшего дошкольного или младшего школьного возраста, за которыми она днем присматривала, гуляла с ними, кормила их обедом, принесенным их матерями, а вечером кто-нибудь из родителей забирал своих детей домой. Ольга Яковлевна брала небольшую плату, а детей приглашала к себе из "приличных" интеллигентных семей, с родителями этих детей она поддерживала хорошие отношения. В такую ее группку ходил (без малейших возражений) в течение нескольких лет и автор этих строк. У Ольги Яковлевны была помощница, "приходящая" прислуга — пожилая деревенская женщина по имени Степанида.

Александр Петрович, насколько помню, был молчаливый, сдержанный, пожилой уже человек, среднего роста, худощавый, слегка сутулый блондин с небольшими усами. Ольга Яковлевна, напротив, была скорее низкорослая, очень близорукая женщина, и постоянно носила очки (без оправы, но с позолоченными дужками). Она немного

(очень немного) знала немецкий язык и иногда преподавала какие-то начатки его (разговорные фразы) своим воспитанникам. На двери их квартиры, как тогда было принято, висела латунная светло-желтая табличка с надписью "Александръ Петровичъ Ивановъ" (буквы курсивом).

Несколько слов о прогулках ее с детьми-воспитанниками. Прогулки эти были всегда под ее присмотром. Ходили недалеко, но регулярно, и зимой тоже. Зимой дети часто брали с собой санки и катались с пригорков, например, около Донского монастыря. К нему мы ходили часто, гуляли там в сквере около монастыря, заходили и внутрь ограды, гуляли около церквей и по кладбищу. При этом я смотрел на старинные надгробные памятники, которые, как я понял много позднее, являются ценными памятниками истории и искусства. Иногда заходили и на новое Донское кладбище, к югу от исторической территории монастыря, за оградой. Там размещаются более поздние погребения, только с начала 20-го века.

Однажды Ольга Яковлевна зашла с детьми в домик, где жила прислуга Степанида. В середине 30-х годов неподалеку от Серпуховского вала (но вне старой территории Москвы), сохранились еще 2 – 3 домика совершенно сельского типа; домики эти оказались во дворе новой школы, построенной примерно в 1933 – 1935-м годах. Мы зашли внутрь домика, там было все как в сельских избах: царили, как я помню, неустройство и беспорядок.

Ольга Яковлевна была очень общительный человек, у нее было в окрестностях ее дома много знакомых. Одна из них жила, в частности, в "круглом доме", бывшей даче графа А. Г. Орлова, в переулке близ Даниловского кладбища. Ольга Яковлевна заходила в этот дом с детьми-воспитанниками. В то время дом этот был разгорожен на несколько коммунальных комнат, а внизу, в квадратном цокольном этаже помещалась общая кухня. Как обычно в таких кухнях, там был беспорядок, резко пахло керосином, видимо, газ туда еще не был подведен.

Более дальние прогулки с Ольгой Яковлевной бывали иногда в Духовской переулочек, представлявший собой путь от Большой Тульской улицы к Даниловскому кладбищу. Переулочек этот тогда был застроен обычными для конца 19-го века небольшими 1 – 2-этажными домами. В одном из них, двухэтажном (кирпичный низ, деревянный верх) жила на втором этаже приятельница Ольги Яковлевны по имени Александра Васильевна Леонова и ее сын Боря, примерно на два года старше меня. Туда и приходила иногда Ольга Яковлевна с детьми, и пока она беседовала с приятельницей, дети играли с Борей; впрочем, общение с ним у меня не получилось. Иногда мы заходили и на Даниловское кладбище, куда тогда можно было зайти через небольшие воротца, выходившие на 1-й Рощинский проезд (продолжение улицы Шаболовки).

Теперь расскажу о моем продолжительном знакомстве и даже, некоторым образом, приятельстве с младшим сыном четы Ивановых Игорем (или Гогой, как тогда его часто называли, это было его уменьшительно-ласкательное имя в семье). Был у Ивановых и старший сын Валерий, но он жил отдельно от родителей и бывал у них редко. Игорь был старше меня на 4 года, но почему-то любил со мной общаться. Ему, видимо, хотелось делиться с кем-нибудь своими воззрениями на общественную жизнь, не во всем совпадавшими с общепринятыми тогда, и таким «сосудом», куда их удобно было излить, не ожидая возражений, служил для него я. Но, как покажу ниже, мои интересы были шире, чем его, они постепенно зрели в эти годы (конец 30-х – начало 40-х годов), и продолжали формироваться и позднее (в определенном смысле продолжают формироваться и поныне).

Когда я подросток, и мне стало 11 – 12 лет, я продолжал ходить после школы к Ивановым, собственно, уже только к Игорю, потому что с детьми, воспитанниками Ольги Яковлевны я, естественно, уже не ходил, и обедать ходил уже самостоятельно в столовую в доме-коммуне, против нашего дома через переулок. Дети же, воспитанники Ольги Яковлевны, сидели в послеобеденное время в отведенной для них комнате за детским столом на низких детских стульчиках и тихо рассматривали или читали детские книжки и журнальчики (такие в то время издавались, например, "Еж" и "Чиж"). Я же проходил в комнату Игоря (у него была отдельная комната) и общался с ним, играл с ним в шахматы (всегда проигрывал, но играть тогда любил) или рассматривал и читал бывшие у него книги, которые для него в изобилии покупал Александр Петрович. Об этих книгах, и других, хранившихся в большой комнате (гостиной) квартиры я расскажу позднее. Собственно, эти-то книги, бывшие в семье Ивановых в изобилии, как мне казалось тогда, и привлекали меня в эту квартиру.

Игорь был мальчик (потом юноша) невысокого роста, склонный к полноте, сильно близорукий, и постоянно носил очки. В детстве, до моего знакомства с ним, он, по рассказам, был болезненным (по поводу сердца), часто лежал в постели, и для него была сделана фанерная переносная подставка (держалка) для книг и бумаг. Он любил рисовать, и был для своих лет неплохим рисовальщиком. Он любил читать о морских судах, военно-морском флоте, и т. п., у него был и ряд книг на эту тему. Был подробный справочник о кораблях военно-морских флотов всех зарубежных стран (но не СССР), с поименным перечислением и краткой технической характеристикой всех кораблей (включая строящиеся на год издания), изданный в 1937-м году. Помню еще книгу английского военно-морского историка Вильсона "История мировой войны 1914 – 1918 гг. на море", которую и я с удовольствием прочитал, видимо, она была написана достаточно популярно, да и в сущности, это все же история. Были у него комплекты военно-морского журнала "Морской сборник". Интересовался Игорь, по-дилетантски, конечно, военными самолетами (тогда достаточно примитивными), читал издававшиеся тогда специальные журналы о военной авиации. Меня этот интерес не затронул.

Остановлюсь подробнее на книгах из книжного шкафа Игоря, которые я не переставал читать на протяжении ряда лет, примерно до 1942-го года. Видимо, стараниями Александра Петровича у него была собрана довольно значительная (по тем временам) библиотечка приключенческой и юношеской литературы. Это прежде всего собрания сочинений Т. М. Рида (в издании до 1917-го года) и Ж. Верна, в доброкачественном издании ЗИФ (советское гос. АО, 20-е годы). В этом же издании были у него известные классические романы Д. Ф. Купера и В. Скотта. Последних двух авторов я тогда, впрочем, не читал. Но зато усердно и с удовольствием читал романы А. Дюма-отца из серии о Д'Артаньяне "Двадцать лет спустя", "Десять лет спустя" ("Виконт де Бражелон"). Мы даже играли "в мушкетеров", для чего у Игоря было несколько игрушечных "шпаг" (в натуральную величину) из железного прутка, но с "достоверно" приделанными эфесами, так что мы в шутку "фехтовали". И был у него игрушечный военный немецкий шлем времен Первой мировой войны, с острым "пиком" на макушке.

Переходя к обзору литературы для широкого круга читателей из библиотеки Ивановых, отца и сына, скажу вначале, что мне был открыт неограниченный доступ к любой книге в их квартире. Задумываясь теперь о причине такого доброго ко мне отношения, прихожу к выводу, что все книги в своей квартире мне негласно предоставил для просмотра и прочтения Александр Петрович. Думаю, что он сам был страстный книголюб, с любовью к серьезной художественной и доброкачественной (правдивой и

высокоинформативной) научно-популярной литературе. Он был, видимо, выходец из демократических, либеральных кругов российского общества, появившихся в России как следствие либеральных реформ Александра Второго и его сотрудников по государственной деятельности. У своего сына Игоря Александр Петрович, видимо, с трудом мог наблюдать аналогичные тенденции умонастроения, а у меня, может быть, наблюдал или интуитивно чувствовал тенденцию в настроении, некоторым образом аналогичную его собственной. Отсюда его скрытая симпатия ко мне, не проявлявшаяся словесно, но лишь через фактические поступки, а именно, доступ для меня в его квартиру и к его книжному собранию, книги которого были очень интересны и важны для меня в те времена.

В распоряжении Игоря был, в частности, комплекты популярного естественнонаучного, географического (и политического) журнала "Природа и люди". Комплекты относились к 1913 – 1916-му годам; помню, что там печатались, в частности, военные репортажи с фронтов Первой мировой войны, очерки на географические и исторические темы. Но печатались и художественные произведения, в частности, исторические романы историка и романиста Д. Л. Мордовцева (1830 – 1905 гг.). В этой же связи упомяну некоторые "серьезные" книги, предназначенные для юношеского чтения. Я с удовольствием прочитал повесть, в значительной степени, утопическую, молодого тогда писателя К. Г. Паустовского "Колхида", на тему об облагораживании и обустройстве низменных болотистых земель Западной Грузии, прилегающих к Черному морю. Интересна итальянская сказка о деревянном человечке Пиноккио, написанная К. Коллоди (1826 – 1890 гг.), она имеет гораздо большее воспитательное значение, да и она шире, интереснее, чем парафраз на близкую тему А. Толстого — "Золотой ключик", хотя последняя сказка написана, скорее всего, с большим блеском, чем Пиноккио. Я прочитал там также сказочную повесть забытого теперь писателя Ю. К. Олеси (1899 – 1960 гг.) "Три толстяка", не без интереса; понятно, что автор ее довольно талантлив. Достоин упоминания полное собрание сочинений Д. Лондона (1876 – 1916 гг.), откуда некоторые повести я с интересом читал, и полное, для того времени, собрание сочинений М. Горького (1868 – 1936 гг.), откуда я ничего не прочитал.

У Игоря был сборник очерков на модную тогда географическую тему "Глобус", в котором были очерки по географии российских и зарубежных земель, история географических открытий дальних стран, и т. п. Прочитал я с удовольствием популярную книгу по этнографии всех народов мира, изданную в 20-х годах. Позднее с большим интересом сборник избранных повестей Г. Уэллса (1866 – 1946 гг.), в том числе "Человек-невидимка" и др. Прочитал я также в те дни, и с интересом, известный в то время роман-хронику А. С. Новикова-Прибоя (1877 – 1944 гг.) "Цусима". Автор этой книги — военный моряк, матрос, участник знаменитого морского боя русской эскадры под командованием адмирала З. П. Рожественского (1848 – 1909гг.) в Цусимском проливе в 1905-м г, закончившегося разгромом русской эскадры японским флотом. Результат этого боя фактически решил исход русско-японской войны в пользу Японии. Матрос Новиков подробно описал ход этого боя. Записи эти он, вернувшись в Россию, в свое село в Рязанской губернии, спрятал в своем огороде, закопав их в землю, а сам временно уехал в город. Вернувшись через несколько лет, он долго, но тщетно искал их. Записи были найдены племянником автора только в 1928-м году, по ним Новиков и написал свой роман, изданный затем в 1932 – 1935-м годах

Упомяну здесь о капитальных научно-популярных трудах, имевшихся у Александра Петровича. Это многотомные издания, прекрасно оформленные, переведенные с немецкого языка: "Вселенная и человечество", "Всемирная география" в 6 томах,

издававшиеся в конце 19-го – начале 20-го веков. К этим книгам, равно как и ко всем другим, имевшимся в квартире, я имел постоянный доступ, чем активно и пользовался.

Были у Александра Петровича и солидные энциклопедические издания, вышедшие также на рубеже двух веков, но до 1917-го года. Из них наиболее интересной для меня была 10-томная "Детская энциклопедия", которую я усердно, но выборочно читал. Были также "Большая энциклопедия" — лексикон в 20 толстых томах, и 11-томная "Военная энциклопедия", которую почитывал Игорь, но не я. Что касается его чтения, то он читал преимущественно художественную литературу, которая полегче для усвоения. Например, он брал у своих товарищей книги И. Ильфа (1897 – 1937 гг.) и Е. Петрова (1903 – 1942 гг.) "12 стульев" и "Золотой теленок". С этими книгами ознакомился и я, но, вероятно, плохо понял, потому что впечатления были не очень яркие. Брал он и читал некоторые чисто юмористические книги М. М. Зощенко (1895 – 1958 гг.). Кроме того, он читал растрепанную заемную книгу исторических романов гр. Е. А. Салиаса (1840 – 1908 гг.), но мне эта книга не досталась. Впрочем, Игорь читал иногда и более серьезную литературу. Так, у него на полке стоял 2-томный роман Ч. Диккенса "Посмертные записки Пиквикского клуба", и сборник избранного Н. С. Лескова (1831 – 1895 гг.), которые Игорем были прочитаны. Также были у него сборники избранного (для школьников) М. Лермонтова и А. Чехова. Из серьезной литературы Игоря мне запомнились несколько книг из серии "Жизнь замечательных людей", и в частности прочитанная мной с интересом биография англичанина Дж. Стефенсона (Стивенсона) (1781 – 1848 гг.), положившего начало паровому железнодорожному транспорту. Первая рельсовая линия была построена и открыта им в 1825-м году, а одна из первых практически пригодных моделей паровозов ("Ракета") была создана им в 1829-м г. Стоит повторить, что в годы моего детства поезда на железных дорогах тянули все те же (усовершенствованные) паровозы, напр. марки ФД (то есть "Феликс Дзержинский", он же "Федя"). Скажу здесь о книге Игоря, внимательно и неоднократно мной прочитанной и глубоко запавшей в мое сознание. Я говорю о многотомном романе Ф. Рабле (1494 – 1553 гг.) "Гаргантюа и Пантагрюэль". Полный текст этой книги детям недоступен, но у Игоря имелось переложение для детей, выполненное известным литератором (поэтом) Н. Заболоцким (1903 – 1958 гг.). Эту книгу я читал, брал для прочтения домой, и здесь хотел бы выразить глубокую благодарность Н. Заболоцкому за его отлично выполненное переложение.

Став немного постарше, я читал кое-что по истории, именно по античной (греческой) истории. Прежде всего скажу, что был у Игоря томик трагедий Софокла (ок. 496 – 406 гг. до н. э.), которые я, конечно, не читал. Но с интересом читал книгу историка М. С. Альтмана "Греческая мифология". В книге был пересказ греческих мифов (это я читал с удовольствием) и научные комментарии к ним (это я пропускал). Наконец, был и вузовский учебник истории древней Греции, который меня не заинтересовал, был выше моего понимания. Был и 5-томный труд историка М. Н. Покровского (1868 – 1932 гг.) "Русская история", который я тоже не читал. Но когда у Игоря появился только что изданный учебник русской истории для школьников 4-го класса, я буквально "вцепился" в него, и добился, что мне его немедленно предоставили для прочтения, с согласия Александра Петровича. Я неоднократно читал бывшую у Игоря 8-томную "Историю XIX-го века" под ред. Э. Лависса (1842 – 1922 гг.) и А. Рембо, переизданную в СССР в 1938-м году.

Из серьезной художественной литературы, бывшей у Игоря в те года, отмечу книги "Жан Кристоф" Р. Роллана (1866 – 1944 гг.) и даже один из романов М. Пруста (1871 – 1922 гг.) из цикла "В поисках утраченного времени". Эти книги я не читал и донныне. Но были и некоторые малозначительные романы второстепенных советских писателей:

Л. Соболева "Капитальный ремонт", П. Павленко (1899 – 1951 гг.) "На Востоке", повесть Ю. Крымова (1908 – 1941 гг.) "Танкер "Дербент"". Эти книги невысокого художественного достоинства и ныне совершенно забытые, не привлекли и тогда моего внимания.

Теперь упомяну о подлинно научных книгах по истории литературы, бывших у Игоря. Это прежде всего "Очерки по истории западноевропейских литератур" В. М. Фриче (1870 – 1929 гг.). Эта книга доставила мне первое знакомство с историей литературы. Она написана, как теперь считают, с "вульгарно-социологических позиций", но я ценю и ценю ее за содержащуюся в ней фактическую информацию, а к оценкам автора я уже тогда делал свои поправки.

Серьезный академический коллективный труд "История французской литературы", т.1 (1946-й год) попал мне в руки уже позднее и с интересом был мною прочитан. Через короткое время книга была мне, к моему удивлению, подарена Игорем (видимо, за ненадобностью), возможно, с ведома Александра Петровича. Я прочитал ее с большим интересом, хотя тогда она и не полностью дошла до меня.

Эти две книги по истории литературы возбудили у меня и крепко укоренили интерес к истории мировой литературы. В дальнейшем я продолжил и углубил мои "штудии" по этой научной дисциплине.

Из кинофильмов, которые я просмотрел в годы 1935 – 1940, отмечу несколько фильмов с участием молодого тогда артиста, склонного к эксцентриаде И. В. Ильинского (1901 – не ранее 1985 г.), напр. картина "Закройщик из Торжка". Столь же веселые кинокомедии с участием артиста и певца Л. О. Утесова (1895 – 1982 гг.) посмотрел я в те годы, напр. "Веселые ребята". В те же годы дошли до меня отклики на фильмы Ч. С. Чаплина (1889 – 1977 гг.) "Огни большого города", "Новые времена". Я сам эти шедевры Ч. Чаплина не видел, но на Игоря эти фильмы произвели большое впечатление, и песенки из этих фильмов он часто напевал.

Добавлю еще, что у Александра Петровича были комплекты журнала "30 дней", типа нашего теперешнего "Огонька". Я этим журналом почему-то не заинтересовался и не читал его.

Игорь был юноша общительный, и к нему часто приходили его школьные товарищи, одноклассники. Иногда это были мальчики не без дарования, некоторые даже довольно известные впоследствии деятели российской культуры. Из таких, в то время мальчиков-старшеклассников упомяну Валю Горчукова (впоследствии московский скульптор Валентин Алексеевич Горчуков). Валя был юноша добродушный, он замечал меня, "малыша" на 4 года его моложе, и кажется, даже пытался общаться со мной. Позднее я ознакомился с некоторыми его работами, о чем скажу в следующей главе. Другой товарищ Игоря Яша Аким зашел к Игорю всего один раз; я его мельком видел. Это был стройный, черноволосый худощавый юноша, с небольшим дефектом речи (заикание), будущий (и ныне здравствующий) поэт Яков Лазаревич Аким. Он специализируется на поэзии для детей, но писал стихи и для взрослых читателей. О нем я тоже скажу подробнее ниже.

Еще одно мое мимолетное знакомство связано все с тем же соседним жилым поселком "Коммуна". В соседнем с 8-м 12-м корпусе этого поселка жил на третьем этаже в трехкомнатной квартире профессор-химик, специалист по физической химии Сергей Иванович Складенко. Сергей Иванович преподавал в какой-то военной академии, а

жена его Ирина Николаевна организовала небольшую группу из маленьких детей, и преподавала им в своей квартире, как тогда говорили "ритмику", то есть начатки танца под фортепианную музыку. Меня тоже поместили в эту группу, но я оказался неспособным к ее ритмике и вскоре на эти занятия ходить перестал. Однако, пребывая в квартире Сергея Ивановича, я обратил внимание на его книжный шкаф, и разглядел там среди книг русский перевод поэмы "Метаморфозы" римского поэта П. Овидия (43-й год до н. э. – ок. 18-го года н. э.). Видимо, я уже тогда понимал, что это за книга, и проявлял некоторый интерес к античной литературе. Сын Сергея Ивановича Игорь (на два года старше меня) впоследствии учился вместе со мной в Институте тонкой химической технологии (МИТХТ) и даже в одной группе, но я почему-то общался с ним мало. После окончания института он работал в одном из академических химических институтов на Большой Калужской улице. Вскоре я переехал из дома на Хавско-Шаболовском пер. на другую квартиру (а в 1971-м году он еще жил в квартире Сергея Ивановича), но теперь он там больше не живет, и я о нем ничего не знаю.

Приближались 40-е годы века, я стал постарше. Как уже говорил, интересовался общественно-политической жизнью того времени. В читаемой мною газете "Пионерская правда" кратко освещались громкие текущие события в Европе: начало 2-й Мировой войны нападением нацистской Германии на Польшу в сентябре 1939-го года, наступление германской армии, разгром польской армии и раздел Польши между нацистской Германией и СССР. В конце 1939-го года началась война СССР с Финляндией, закончившаяся в марте 1940-го года "вничью" (но некоторые финские территории отошли к СССР). Затем последовало отторжение от Румынии Бессарабии (Молдавии) и Северной Буковины в пользу СССР (июнь 1940-го года). В апреле того же года войска нацистской Германии вторглись в Данию и Норвегию и оккупировали их. До мая 1940-го года Франция и Англия, объявившие войну Германии в сентябре 1939-го года, вели с ней позиционную, "странную" войну, но в мае Германия начала с ними активную маневренную войну, германские войска вторглись на территорию Франции через Бельгию и Нидерланды. Войска Франции и Англии были "молниеносно" разгромлены, большая часть Франции оккупирована Германией, Франция была практически выведена из войны, и Англия продолжила войну в одиночку. В июне 1940-го года Италия вступила в войну на стороне Германии. Военно-политические события были поистине потрясающие; я, как умел, следил за ними, в частности, по газетам. В 1940-м году я читал уже газету "Известия", в которой эти события освещались довольно подробно, комментарии были в нейтральном тоне. Я так интересовался этой газетой, что сам ходил покупать ее к газетному киоску; при этом приходилось подходить к киоску заранее и ждать, когда газету привезут, потому что ее быстро расхватывали.

Война бушевала практически по всей Западной Европе. В 1938-м и 1939-м годах были столкновения советских войск и с Японской армией на Дальнем Востоке. Чувствовалось "в воздухе", что война с участием СССР назревает и вот-вот грянет. В обществе стали заметны тенденции, направленные на подготовку населения СССР к войне. Образовалось и развивалось добровольное Общество содействия армии, авиации, флоту и химизации ("Осоавиахим"). Организовывались кружки "Ворошиловский стрелок", где молодежь обучали прицельной стрельбе из военного оружия. В Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького (ЦПКО) была построена вышка (высотой метров 20), откуда совершались учебные прыжки с парашютом на землю. В печати публиковались якобы художественные произведения, где едва прикрито рассматривались перспективы предстоящей войны и некоторые ее социальные последствия, например, уже упоминавшаяся повесть А. Гайдара "Тимур и его команда". В серьезных журналах печаталось множество "художественных"

произведений (напр., роман В. Финка, 1888 – 1973 гг., "Комбатанты") и очерков о недавно закончившейся (март 1939-го г.) гражданской войне в Испании. В этой войне участвовали на стороне мятежников генерала Франко и германские и итальянские подразделения, которым противостояли, наряду с испанскими республиканцами, советские "советники" или прямо участники военных действий, а также отдельные представители интернациональной "левой" интеллигенции (Интернациональная бригада, "комбатанты"). В это время я прочитал несколько книг мемуаров видных зарубежных политических деятелей, напр., О. Бисмарка (1815 – 1898 гг.), Р. Пуанкаре (Франция, 1860 – 1934 гг.), книга "Архив полковника Хауса", доверенного лица известного президента США Т. В. Вильсона (1856 – 1921 гг.). Никакой практической пользы от этого чтения я не получил.

В кинотеатрах часто стали демонстрировать фильмы на военную тему: о походах советских подводных лодок, полетах каких-то новейших советских же военных самолетов, многочисленные стандартные фильмы о гражданской войне, в которых героизировались советские военачальники, напр. Н. А. Щорс (1895 – 1919 гг.), А. Я. Пархоменко (1886 – 1921 гг.) в одноименных фильмах, С. Г. Лазо (1894 – 1920 гг.) в фильме "Волочаевские дни" и др. (Знаменитый фильм "Чапаев" я тогда не видел, он к тому времени уже прошел.) Нравилась такие фильмы мне или нет, едва ли тогда я мог высказать определенное мнение. Это были зрелища, а я был тогда в таком возрасте, что поглощал любые предоставлявшиеся мне зрелища. Меня брал с собой в кинотеатры мой старший приятель Игорь Иванов. Мы ходили обычно в один из двух кинотеатров: "ЦПКО" или "Ударник". "ЦПКО" помещался в небольшом 3-этажном доме, построенном примерно в конце 20-х годов 20-го века, близ Крымского моста и одноименного парка. Теперь в этом доме разместились администрация парка. Кинотеатр "Ударник" является частью большого жилого "дома на набережной", привилегированного элитного дома для квартир крупных советских и партийных сановников и чиновников. Кинотеатр новый (1930-й год, архитектор Б. М. Иофан, 1891 – 1976-й гг.), большой, удобный, с большим фойе и столь же обширным помещением для буфета (в подвале).

Чтобы закончить рассказ об Игоре и его семье, скажу о нем еще несколько слов. После начала большой войны подошел (1942-й год) его призывной возраст. Он не был призван в армию и, соответственно, не участвовал в войне по состоянию здоровья (глаза, сердечно-сосудистая система), но был мобилизован на несколько месяцев для строительства укреплений (окопы и др.) под Москвой. После окончания школы-десятилетки он поступил в техникум Общественного питания. Напомню, что в тот год (1943-й) шла затяжная война, москвичи жили довольно голодно; подробнее скажу об этом ниже. После окончания техникума он поступил на работу в Министерство торговли, где и работал чиновником. После его поступления в техникум я стал уже довольно серьезно учиться в школе и учить иностранные языки, поэтому ходить к нему стал уже редко. Изредка мы встречались на улице (жили по соседству) и тогда общались, иногда довольно обстоятельно обмениваясь мнениями (точнее, я воспринимал тогда его мнения) по различным общественным вопросам. Когда позднее, в 60-е годы я встречал его на улице, он был болен гипертонией, но продолжал работать. После моего переезда из родительского дома на другую квартиру (1966-й год) наши встречи, естественно, прекратились, и более я о нем ничего не знаю (возможно, его уже нет в живых, во всяком случае, на своей прежней квартире он уже не живет).

Хотел бы сказать, в заключение этого сюжета, что я многим обязан Александру Петровичу Иванову, его супруге Ольге Яковлевне и их сыну Игорю, которые способствовали моему становлению как культурной личности. Книги и журналы,

которые я у них читал или просматривал, в значительной мере определили мое образование и культурный облик. Хочу здесь выразить (к сожалению, задним числом, с опозданием) мою сердечную благодарность за предоставление мне такой возможности культурному русскому интеллигенту (вероятно, из дореволюционной интеллигенции, может быть, провинциальной), сотруднику автозавода "АМО" Александру Петровичу Иванову, его супруге Ольге Яковлевне и их сыну Игорю Александровичу Иванову.

Скажу теперь еще об одном направлении моего образования — изучении иностранных языков, в первую очередь немецкого. Я начал учиться ему (так родители решили) в детстве у частной преподавательницы. В нашем квартале тогда преподавала на дому немецкий язык весьма пожилая, если не старая, дама, Надежда Михайловна Стрижева. (А жила она в маленькой каморке 2-этажного деревянного дома где-то в районе Пироговских улиц.) Она была знакома с моей неродной тетей Е. К. Теллер, с которой она разговаривала по-немецки. Надежда Михайловна организовывала небольшие группки детей (В возрасте 6 –10 лет) и занималась с ними у кого-нибудь из этих детей на квартире. Однако, у всех моих родственников-детей (и у других знакомых детей) изучение немецкого языка не пошло, остался у нее из учеников лишь я. Поэтому Надежда Михайловна регулярно, два раза в неделю приходила в нашу квартиру и в нашей комнате занималась только со мной, индивидуально. Видимо, я проявлял если не заинтересованность, то дисциплинированность в изучении языка, она это понимала и продолжала занятия. По ее методу она преподавала мне как разговорный язык, так и начальные навыки в чтении немецких текстов, в том числе и напечатанных готическим шрифтом. И в итоге это преподавание принесло определенные плоды. Когда, уже в студенческие годы, я был в Германии (Восточной) с целью прохождения студенческой практики по изучавшейся мной технической специальности (1949-й год), то несложные разговоры на бытовые темы я с немцами успешно вел, чему они были немало удивлены и весьма довольны. Когда я стал постарше, я читал и книги на немецком языке. Несколько книг немецкой беллетристики 19-го в. (напр. романы Ф. Шпильгагена, писательницы Марлитт), бывшие у тетушки Теллер, я прочитал с легкостью. Несколько "легких" книг на немецком языке (беллетристика и детективы) я нашел у отца и прочитал их. Особенно мне понравились стихотворения немецкого поэта 19-го века Г. Гейне, томик которого нашелся у отца. 2 – 3 из стихотворений его я и теперь помню наизусть, а томик этот стоит на моей полке по сию пору.

Когда я подросток и мне было 13 – 14 лет, Надежда Михайловна кроме немецкого языка стала, по моей инициативе, преподавать мне начатки французского. Какие-то основы языка я усвоил уже тогда, но позднее, к концу войны, жизнь становилась все труднее, было холодно (зимой) и голодно, и мои языковые штудии постепенно прекратились сами собой. Надежда Михайловна перестала приходить к нам, и теперь я о ней ничего не знаю. Впрочем, кое-чему из этих иностранных языков она меня научила, я отдаю ей должное и выражаю (конечно, с огромным опозданием) мою сердечную благодарность.

Несколько замечаний о моей учебе в школе. Меня записали в среднюю школу N 540, расположенную против нашего дома, через Хавскую улицу. Поступил я в эту школу в 1936-м году (в возрасте 8 лет) и учился в ней до начала большой войны, весной 1941-го года я окончил 5-й класс. Так как я довольно много читал в эти годы (о чем подробно рассказал выше), то учеба давалась мне очень легко и требовала мало времени и труда. С другой стороны, я весьма мало обретал в результате такой учебы, разве лишь начатки математики. Из моих одноклассников тех лет не могу выделить никого, то есть, ни с кем из них я не дружил. Впрочем, я "интроверт", мало с кем из них и общался. Скажу лишь, что как хороший (даже отличный) ученик, я пользовался определенным уважением

одноклассников, даже озорников, а что касается какого-либо хулиганства или сквернословия, то ничего из этого в отношении меня не было.

22-го июня 1941-го года началось немецкое вторжение в СССР, жизнь народа изменилась. Продовольственные продукты стали постепенно (не сразу) исчезать из продажи. Вскоре была введена карточная система распределения основных продовольственных и промышленных потребительских товаров, в том числе даже средств гигиены. Однако, именно в эти дни я самостоятельно посмотрел два новых кинофильма, законченных незадолго до начала войны. В клубе фабрики им. М. И. Калинина на Варшавском шоссе посмотрел экранизацию драмы М. Ю. Лермонтова "Маскарад" с известным артистом Н. Д. Мордвиновым (1901 – 1966 гг.) в главной роли (Арбенина). Другой фильм — развлекательную комедию "Сердца четырех" я посмотрел в кинотеатре "Ударник".

Вскоре после начала большой войны моя мать была направлена в учебный медицинский лагерь под Москвой. Она опасалась, что ее мобилизуют на военную службу, но обошлось, и примерно через месяц она вернулась домой. Отец первые 2 – 3 недели был еще дома, но вскоре его мобилизовали, и меня он перед уходом в армию отправил жить на дачу, построенную к тому времени моим дядей Владимиром Ивановичем примерно в 40 км от Москвы в районе платформы Кратово по Рязанской железной дороге. По пути на дачу мы выходили из электрички (тогда она уже ходила по этой железной дороге до станции Раменское) на платформе "42-й километр" и шли пешком до дачи, которая располагалась на конце дачного поселка, вдали от железной дороги; идти нужно было минут 30. На этой даче жили в это время и моя тетушка Екатерина Карловна и двоюродные брат и сестра Боря и Инна. Боря был старше меня на два года, а Инна — на три месяца.

Занятия наши были там — конечно, игры на дачном участке, довольно большом, но совершенно неустроенном. Сама дача (дом) была еще недостроена. Впрочем, жить там летом было можно, хотя обилие комаров досаждало. На краю участка было... непонятно что, то ли едва заметный ручеек, то ли весьма заметное болото. Возле дома беспорядочно росли кое-где молодые елочки и сосенки, и больше ничего на участке не было. Иногда мы играли и в настольные игры, привезенные тетушкой Катей из Москвы.

Мы, дети, иногда ходили купаться в Кратово; там, недалеко от железной дороги, но по другую ее сторону, был большой пруд, где можно было плавать, что я и делал. К концу моего пребывания на даче (начало августа) нам, детям, приходилось ездить на электричке на платформу "Фабричная" (одна остановка), где был универсальный магазин. Продукты и керосин тогда продавали еще без карточек, но за ними уже были очереди (пока небольшие). Прожил я там примерно месяц, а потом вернулась из военно-учебного лагеря моя мать, и я вернулся с ней в Москву, в нашу комнату.

К осени 1941-го года немецко-нацистская армия подошла довольно близко к Москве, немецкие самолеты стали совершать налеты на Москву и сбрасывали бомбы, причем, не прицельно, так как советские зенитки мешали им целиться. Помню, что примерно в сентябре-октябре вблизи нашего дома в одну ночь взорвались две небольших фугасных бомбы, обе примерно метрах в 50 от нашего дома, но с разных сторон. Повреждения в местах взрыва были минимальные, но все стекла в нашем окне (оно же балконная дверь) были выбиты, пришлось вставить в него на первое время фанеру. Сами мы были в эту ночь в бомбоубежище, в подвале нашего же дома. Там было светло от электроламп, вдоль стен стояли малоудобные скамьи, на которых сидели жильцы дома.

Вскоре прошел слух, что один немецкий самолет был сбит зенитным снарядом (летчик, якобы, спасся с парашютом) и упал на крышу большого нового (1940-й или 41-й год) дома, построенного на Хавской улице на месте бывшего там Дровяного рынка. В этом доме было позднее открыто почтовое отделение, которое вскоре стало обслуживать наш дом.

Немецкие войска подходили все ближе, и 16-го октября в Москве разразилась паника. Многие спешно уехали из Москвы, даже бежали; ходили слухи о разгроме и разграблении магазинов в центре города, но в окрестностях наших домов все было спокойно. Из нашего дома уехали, в частности, мать и сын Спекторы; Эрик Спектор был моим приятелем по дворовым играм. Что касается моей матери и меня, то мы не собирались никуда уезжать, потому что поликлиника, где работала мать, не собиралась закрываться, а скорее наоборот, развертывала свою работу. Вскоре положение на фронте стабилизировалось, а в декабре началось контрнаступление советских войск, и фронт несколько отодвинулся от Москвы. К концу зимы в 1942-м году многие беженцы вернулись в Москву, но многие вернувшиеся нашли свои квартиры (комнаты) занятыми другими жильцами; вернувшиеся кое-как устраивались на жилье где-либо еще. В частности, оказалась занята и комната Спекторов, и они поселились где-то еще; а Эрик изредка появлялся на нашем дворе, чтобы поведать старых знакомых.

Как уже было сказано, в нашей квартире примерно с осени 1941-го года одна из комнат пустовала. Когда беженцы стали возвращаться, в эту пустовавшую комнату поселили вернувшуюся беженку, по фамилии Мажарова; она нашла свою прежнюю квартиру занятой. У нее был сын Женя, который, однако, воевал в то время в рядах Советской армии. Вскоре пришло известие, что он убит на фронте, а мать его той же зимой нашла себе где-то более подходящее жилье и покинула нашу квартиру, но оставила в нашей кухне связку книг своего сына, которыми (книгами) завладел я. Скажу, что книги у Жени были хорошие, он, видимо, был умный юноша. Было там несколько книг по истории русской литературы (они до сих пор у меня), из художественной же литературы был плохо сохранившийся роман писателя В. В. Вересаева (1867 – 1945-й гг.) "Сестры", где отражалось положение русской интеллигенции после 1917-го года. Роман этот, видимо, правдив, и поэтому после первого издания в начале 30-х годов более не издавался вплоть до начала 90-х годов. Был там также один том из собрания сочинений писателя-бытописателя П. Д. Боборыкина (1836 – 1922-й гг.), который я в дальнейшем с интересом прочитал, и который и ныне хранится у меня. В этом томе напечатан роман "Перевал", в котором в положительном свете изображено московское торговое общество в конце 19-го века. Еще скажу, что у Жени были некоторые учебники для высшей школы (куда он, видимо, собирался поступать). Помню учебник физики и учебник по общей химии Б. В. Некрасова. В эти учебники заглядывал позднее и я, собираясь поступать, после окончания школы, в какой-либо ВУЗ.

Первая военная зима была очень тяжелая, прежде всего из-за холода. Центральное отопление в нашем доме с осени не включалось и не работало всю зиму из-за отсутствия топлива. Зима в том году была долгая, и даже март 1942-го года был холодный и снежный. Центральное отопление в нашем доме не работало до самого окончания войны, и было восстановлено только к концу 1945-го года. Отопительный газ в газовой сети был теоретически всегда, но давление его в сети было ниже обычного, и иногда газ в горелках еле горел, а иногда на короткие периоды вовсе не поступал в горелки. Электричество было в сети практически всегда, но был установлен жесточайший лимит его потребления, за соблюдением его служащие электросети тщательно следили, и за несоблюдение жестко наказывали, вплоть до отключения

квартиры от электросети. К нам такая мера ни разу не была применена, но страхов было много.

Зимой 1941 – 42 годов школьного обучения детей в Москве не было, ни одна школа не работала из-за отсутствия отопления, то есть топлива. Но к осени 1942г. некоторые школы уже заработали. Правда, моя 540-я школа (против нашего дома) была занята под госпиталь для раненных военных, и мне пришлось поступить в другую школу, подальше от нашего дома. Летом 1942-го года у нас жила моя тетя, сестра матери тетя Шура, педагог по специальности, которая помогла мне освоить курс пропущенного 6-го класса, объясняя новые для меня понятия по математике, именно по алгебре, которую в 6-м классе начинали преподавать впервые. Я довольно свободно и быстро освоил начала алгебры по курсу 6-го класса, а остальные предметы за этот класс освоил самостоятельно. К 1-му сентября 1942-го года я был готов к поступлению в 7-й класс, и поступил в седьмой (старший в том году в школе) класс школы N 629. Это была новая, только что сооруженная 4-этажная школа, построенная новым способом: не из кирпичей, а из бетонных блоков. Директором этой школы работала бывшая заведующая учебной частью моей прежней 540-й школы, так что зачисление меня в эту школу прошло гладко, без каких-либо испытаний, и я, учась в 7-м классе, показал, что они были излишни. Учился я хорошо. Помню некоторых моих учителей. Учительница литературы Зинаида Николаевна Гидаспова, математики — Николай Михайлович (фамилию не помню), молодой человек лет 25 – 27 с очень слабым зрением (постоянно носил сильные очки). По литературе я осваивал некоторых избранных русских авторов (неизменные Пушкин, Гоголь, Лермонтов). Впрочем, упоминались и некоторые менее известные авторы, напр. поэт А. Н. Майков (1821 – 1897 гг.). Несколько слов о моих товарищах по классу. Ученики были разные: были старательные, но недостаточно сообразительные, таким я помогал по алгебре, были и мальчики, склонные к хулиганству. Моим приятелем стал Юра Белозеров, смирный, старательный мальчик. К сожалению, он погиб летом 1943-го года, допустив неосторожность при поездке на трамвае. Некоторые мальчики из моего класса стали уже интересоваться девочками, из которых некоторые (немногие), в свою очередь, начинали кокетничать с мальчиками.

В зиму 1942 – 43 годов 629-я школа работала, а значит, отапливалась. Откуда же брали топливо? Топили школьную котельную в ту зиму дровами. По Павелецкой железной дороге, трасса которой проходила довольно близко от школы (а школа была расположена в то время в глубине квартала исторических мещанских домиков между Мытной улицей, Хавско-Шаболовским и Самаринским переулками, близ Даниловского рынка), подвозили уже в то время дрова. Школе, видимо, предоставляли грузовую автомашину, и ученики старшего, седьмого класса, я в том числе, ехали на этой автомашине на дровяной склад около железнодорожных путей (Дубининская улица), грузили дрова и привозили их к школе.

Летом 1943-го года был организован выезд учеников 6-го и 7-го классов нашей школы на сельскохозяйственные работы в подмосковном овощеводческом совхозе близ г. Каширы в селе Руново, на северном берегу р. Оки. У совхоза были обширные плантации моркови, капусты, свеклы, огурцов, гороха и помидоров. Жили ученики все вместе в неблагоустроенном бараке, прежде амбаре или хлеве, спали на импровизированных полатах, все ученики (обоих полов) вместе, но не попеременно и не попеременно, нравы детей остались наивными. Однако, была война, питание было аховое, нам давали какую-то "баланду", полусуп, полукашу. Во время работ (прополка, заготовка силоса из ботвы растений) ученики, конечно, ели овощи кто сколько хотел. Я помню работу внутри силосной башни — разравнивание свежесбрасываемой в башню свекольной ботвы. В свободное время ученики, и я в их числе, купались (и я плавал) в

Оке.

Однако, 7-й класс был окончен, 8-го в 629-й школе не было, а я хотел (и родители об этом говорили) окончить среднюю школу. Для этого я перешел в другую школу (уже мою 3-ю по счету), школу N 545, что на Хавской улице, вблизи от Арсеньевского переулка. В ней я стал учиться в 8-м классе.

Скажу немного об этой школе. Это была, видимо, как бы "элитная" школа; она была построена в 1936-м году в стиле, если можно так выразиться, сталинского неомодерна, то есть в эклектическом, с намеком на классицизм. Ранее (примерно с конца 19-го по середину 30-х годов 20-го веков) на месте школы был песчаный карьер. Школа была кирпичная, оштукатуренная, невысокая (3 этажа), но занимала довольно много места, и еще при ней была обширная спортивная площадка. Внутри школа была отделана с претензией даже на музейную красоту вестибюль ее намекал на сходство с вестибюлем московского Музея изобразительных искусств, что на Волхонке. Впрочем, классные помещения и спортзал были устроены как в обычной школе, но полы везде были паркетные. К тому времени уже вышло постановление о раздельном обучении, и школа эта первый год была чисто мужская (мальчиковая).

Из моих соучеников по 8-му классу отмечу Натана Ройзина, мальчика, увлекавшегося физикой. Мы с ним дружили, я даже бывал у него дома, в маленькой комнатке общежития на улице Зацепа, близ Серпуховской площади (семья его приехала в наш город откуда-то из западных районов СССР). Все же дружба между нами не получилась, потому что мои интересы клонились в сторону гуманитарных наук, особенно литературы. По окончании 8-го класса он перешел в другую школу, и я его больше не видел. Подружился я там с Юрой Моториным, мальчиком из интеллигентной семьи (отец инженер, мать преподавательница математики). Он был талантлив, даже, в отличие от меня, видимо, даровит в области математики, хорошо играл в шахматы: запросто обыгрывал меня. О нем я еще расскажу подробнее ниже. Учился со мной в 8-м классе мальчик с необычным именем Лир, по фамилии Жирнов. Дед известного писателя Георгия Семенова (1931 – 1992 гг.) носил эту фамилию. Из одной из книг Г. Семенова следует, что после того, как дом его деда в начале Б. Калужской улицы был снесен, два его дяди (сыновья старого деда) получили жилье в новых (тогда) домах в Хавско-Шаболовском переулке. Таким образом, не исключено, что вышеупомянутый Лир был родственником (двоюродным братом) будущего писателя Г. Семенова, который, кстати сказать, упоминает в своем романе, что двоюродные братья у него были (и жили во время войны в 1941 – 42-м годах вместе с ним в эвакуации). Кроме того, другой родственник Г. Семенова (со стороны его отца, то есть Семенов) жил на ул. Татищева в старом двухэтажном доме, и он (писатель) его там навещал.

Скажу немного о материальной стороне жизни нашей семьи в те годы (1943 – 44 гг.). Война еще продолжалась, продовольствие выдавали строго по карточкам, и то очень нерегулярно. На рынке продовольствие было, но стоило оно очень дорого, наша семья покупать его на рынке не имела возможности. Мы питались в основном вареным картофелем, а на первое мать варила щи из свекольной ботвы. Мясных продуктов, масла и сахара был почти незаметный минимум, да еще масло часто заменяли полужидким смальцем, а сахар — изюмом или финиками. Хлеб выдавали по карточкам, паек был тоже мал. Матери давали на работе, как ценному медицинскому работнику, талоны на обеды в общественной столовой, развернутой в Строченовском переулке, близ Серпуховской площади. Столовую эту (общий зал) оборудовали в помещении бывшей церкви бывшего приютского дома, фасад которого выходил на

улицу Зацепу. Иногда по этому талону обедал я вместо матери. Помню, что там часто выдавали каждому обедающему немного дрожжей, как полезную и питательную добавку.

Кому-то из родителей (теперь не помню, кому именно) выделили небольшой участок земли в качестве подспорья для прокормления. Участок был расположен далеко от Москвы (километров 40) на болотистом поле, довольно далеко от железнодорожной линии, почти там же, где была дача дяди Володи, к 1943-му году уже проданная (тоже для прокормления). Мы ехали на электричке с Рязанского вокзала до платф. Ильинская (перед Кратовом), потом шли пешком через весь дачный поселок, и за ним (еще на некотором расстоянии) был расположен в низменном болотистом месте наш участочек. Отец сажал на нем исключительно картофель, так как именно в нем мы прежде всего нуждались. Должен с сожалением сказать, что мне очень не нравились эти поездки, я ездил туда неохотно. Вся тяжесть этого предприятия пала в основном на плечи отца, который, не обращая внимание на мои капризы, усердно работал на огороде, а после сбора урожая носил тяжелые мешки до электрички, в чем я, боюсь, мало ему помогал. Впрочем, иногда ему помогала мать, и в те поездки мы ездили на огород все втроем. Добавлю, что наш участок, как и соседние, ничем не был огорожен, и никогда не замечали мы ни малейшего воровства огородного урожая.

В это время я, помню, усердно читал художественную литературу, исключительно классическую. В новом, 1940-го года постройки, доме на Серпуховском валу (за валом) была хорошая библиотека. Я брал там на дом художественную литературу (Шекспир, Шиллер и др.). При библиотеке был читальный зал, где я читал тоже художественную литературу "высокой пробы". Там я прочитал произведения, в частности, А. И. Куприна (1870 – 1938 годы), Стендаля (1783 – 1842 годы), П. Мериме (1803 – 1870 годы), К. Гамсуна (1859 – 1952 годы), и др. С большим интересом прочитал я там книгу по истории литературы — двухтомный труд П. С. Когана "Очерки по истории западноевропейской литературы". В то же время попался мне интеллектуальный роман немецкого писателя Томаса Манна (1875 – 1955 годы) "Лотта в Веймаре", из жизни немецкого поэта и прозаика И. В. Гете (1749 – 1832 годы). Я попытался читать этот роман, но тогда его не осилил. Однако, позднее, лет через 30, я прочитал этот роман с большим интересом, причем дважды, что у меня бывает очень редко. В упомянутом читальном зале работала очень любезная библиотекарь по имени Белла Иосифовна. Она даже выдавала мне неофициально книги из читальни для прочтения на дом на выходные дни, с условием вернуть их в первый же после выходных рабочий день, что я неукоснительно и выполнял. Здесь выражаю Белле Иосифовне мою искреннюю благодарность.

После успешного окончания 8-го класса мой приятель Ю. Моторин и я задумали перейти учиться в 10-й класс, минуя 9-й, чтобы поскорее окончить среднюю школу и после этого успеть поступить в какой-либо ВУЗ перед возможным призывом в армию (напомню, что в 1944-м году война с Германией все еще продолжалась, и срок ее окончания был достаточно неопределенным). С этой целью мы летом 1944-го года засели за учебники; занимались мы раздельно, справедливо полагая, что совместная подготовка не способствует успеху этого дела. Действительно, мы за лето проработали учебники, я читал еще и художественную литературу (но далеко не всю, требующуюся по программе 9-го класса), и в начале нового учебного года, в сентябре 1944-го года мы оба, после довольно поверхностно проведенных испытаний оказались в 10-м классе.

В 545-й школе был единственный 10-й класс, в нем начали 1-го сентября 1944-го года учиться 15 юношей, в том числе Моторин и я. Уровень общей одаренности этих

учеников был, в среднем, видимо, несколько выше среднего, поэтому двое из 15 очень скоро отсеялись, вышли из числа учеников и ушли, мне неизвестно, куда. Остались 13 человек, которые к весне следующего 1945-го года окончили курс 10-го класса, сдали выпускные экзамены и были выпущены из школы с аттестатами зрелости. Как обычно, я близко не сходилась с моими соучениками, за исключением, может быть, одного — Леонида (Лени) Щукина. Моему более интенсивному общению с ним способствовало и случайное обстоятельство — после окончания занятий в школе нам было по пути возвращаться домой, и мы часто шли вместе. Во время общения на этом кратком пути и выяснилось, что у Лени был некоторый интерес к литературе, хотя, как оказалось впоследствии, явно меньший, чем у меня. Из числа учеников нашего 10-го класса вышел талантливый ядерный физик, будущий академик АН Российской Федерации Лев Феокистов (ныне покойный). Также в нашем классе учился юноша по имени Керим, по фамилии Саид-Галиев, сын видного советского руководителя Татарской ССР и Крымской АССР. У Керима (ныне покойного) я видел и бегло впервые просмотрел томик стихов видного русского поэта-символиста В. Я. Брюсова (1873 – 1924 гг.); стихи эти мне тогда очень понравились (и нравились долго).

В 10-м классе я, как обычно, учился ровно по всем предметам, но наибольший интерес у меня вызывала литература. Изучали мы тогда русскую литературу 20-го века, от Брюсова до М. Шолохова (1905 – 1984 гг.), очень выборочно. Какое-то время мы потратили, впрочем, на поверхностное знакомство с двумя гигантами мировой литературы — Шекспиром и Гете. Некоторый интерес я проявил также к химии. В 10-м классе впервые в школе изучали начатки органической химии. Помню я и преподавательниц по этим предметам: соответственно Анна Александровна и Мария Андреевна (уроки последней очень нравились нашим 10-классникам, но, как стало ясно, не сам предмет). Физика же меня не очень привлекала, хотя преподавательница этого предмета Евгения Александровна Драгоманова была нашим классным руководителем. Иностранный язык у меня и в 8-м, и в 10-м классе был немецкий (хотя мне, по правде сказать, нечего было усваивать тогда в школе: в школьном объеме я его знал). Во время обучения в 10-м классе я продолжал посещать библиотеку на Серпуховском валу; в том же доме, кстати сказать, жил тогда Леня Щукин. Однако, эта библиотека и читальня при ней перестали вполне меня удовлетворять, так как в них было мало книг Ч. Диккенса и не было книг Э. Т. А. Гофмана (1776 – 1822-й годы). Я хотел найти их в библиотеке клуба завода ЗИЛ, находившегося на территории бывшего Симонова монастыря (против Данилова монастыря на противоположном берегу р. Москвы). Книги Диккенса там, действительно, нашлись, но не Гофмана. Тогда я записался и стал ездить в Юношеский зал библиотеки им. В. И. Ленина в бывшем Пашковом доме на Моховой улице. Там я нашел то, что мне было нужно. Позднее, поступив в институт, я читал книги в общем зале той же библиотеки.

После окончания занятий в школе передо мной встал вопрос о поступлении в ВУЗ. Некоторое время я размышлял о выборе ВУЗа, примеривался, в частности, к Университету (филологический факультет), прослушал там популярную лекцию профессора-литературоведа (и философа) С. Н. Дурьлина (1877 – 1954 гг.) о творчестве А. С. Грибоедова (1795 – 1829 гг.). Потом посоветовался с Эриком Спектором, который, окончив школу годом раньше меня, поступил в МИТХТ (Московский институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова (1711 – 1765-й год) и жил тогда в общежитии этого института близ подмосковного села Всехсвятское (станция метро "Сокол"). Я навестил его там и беседовал с ним и с его товарищами по курсу и по комнате Сережей Локтевым и Колей Морозовым (оба ныне покойные). Что касается Эрика, то мне известно, что он, после окончания института, работал в небольшом НИИ, располагавшемся тогда в одном из зданий бывш. Донского

монастыря, а ныне мне о нем ничего не известно. Тогда же все трое с энтузиазмом посоветовали мне поступить в МИТХТ. В этой связи я вспомнил о попавших немного ранее в мои руки учебниках по химии из домашней библиотечки погибшего на войне Жени Мажарова, полистал их (это был трехтомник Б. В. Некрасова), и после непродолжительных раздумий решил обучаться технической химии. Я поступил в МИТХТ, где изучал наиболее углубленно органическую химию, а также примыкающие к ней дисциплины, и технические науки. В 1950-м году я окончил этот институт и получил диплом с присвоением мне квалификации "инженер-химик-технолог". Здесь упомяну, что институт этот был тогда расположен в здании, построенном в начале 20-го века (до революционных потрясений) по инициативе и трудами академика С. А. Чаплыгина (некоторым образом раненбуржца) для обучения женщин в рамках Высших женских курсов. В ходе моего обучения нам преподавали различные дисциплины немало бывших выпускниц этих курсов.

Что касается моих соучеников по 10-му классу, то большинство их поступили в институты, где изучали в основном физику, математику, энергетику, неорганическую химию. Впрочем, двое из них, в том числе Моторин, поступили и окончили Институт международных отношений. Однако, Моторин вскоре после этого расширил свое образование, и, окончив еще и Энергетический институт, успешно занимался вошедшей тогда (60-е годы) в моду новой наукой — кибернетикой, с применением ее к компьютерам. Замечу, что Моторин рано умер, в возрасте 52 года. Из 13 10-тиклассников, получивших аттестаты зрелости в 1945-м году, один сразу же после окончания школы перестал общаться с остальными выпускниками, и "исчез". Оставшиеся 12 человек собирались вместе каждый год в начале декабря, 5-го числа или близко к нему. Из 12 человек к настоящему году (2004-й) остались в живых 6 (включая автора этих записок). Теперь в здании бывшей школы N 545 расположен Исследовательский центр эстетического воспитания Института развития личности; и при нем экспериментальная школа N 600.

Здесь я кратко изложил мои сведения и впечатления о ранних годах моей жизни — детстве и отрочестве (1928 – 1945-й гг.), когда закладывались основы моей личности. В дальнейшем эти основы получили некоторое развитие, кое в чем, может быть, и изменились. Но это уже другой рассказ, а этот свой я еще уточню и дополню сведениями о влиянии на меня некоторых локальных, то есть местных, впечатлений, а именно о влиянии архитектуры строений района, где я жил в то время (некоторые из этих строений относятся к числу выдающихся памятников русской архитектуры). Упомяну также и о некоторых "локальных" деятелях русской культуры (литераторы, ученые, деятели искусства); с тремя из них мне довелось встречаться в мои ранние годы. Об этом рассказ ниже.

Об архитектуре застройки Дальнего Замоскворечья

Во времена моего детства, в 30-е годы, мне довелось довольно много гулять в окрестностях моего дома, сначала в сопровождении моих родителей, главным образом отца, и частной воспитательницы О. Я. Ивановой, а в дальнейшем, по мере взросления, и самостоятельно. Хотя в те годы я не всматривался в архитектурные сооружения и тем более не осмысливал их и не оценивал их градостроительное и эстетическое значение, все же они, полагаю, оставляли в сознании какой-то благодетельный осадок, давая некоторое, пусть и неосознанное, представление о мире прекрасного, долговечного, стоящего выше заурядных, тривиальных жизненных забот. Не принижая значение последних, отмечу только, что представление о возвышенном в жизни (прекрасное,

свободное, правильное и т. п.) увеличивает кругозор человека на порядок, позволяет познавать и правильно оценивать явления окружающего мира и доставляет ему постоянное удовлетворение.

После кратких вводных замечаний перехожу к конкретным явлениям архитектуры. Для удобства изложения располагаю архитектурные объекты в хронологическом порядке, то есть в порядке их возведения.

На территории, которую я называю Дальнее Замоскворечье, имеются прекрасные образцы времен от конца 16-го века и вплоть практически до наших дней; здесь же будет поставлена временная граница рассмотрения — 1945-й год, дата окончания мною средней школы и поступления в ВУЗ (имеется одно малозначительное исключение).

От 16-го века вблизи моего дома осталось только одно строение — старый ("малый") собор Донского монастыря, построенный в 1591 – 1593-м годах. Это небольшой храм-памятник, четверик, крытый трехступенчатой пирамидой кокошников, увенчанный одним луковичным куполом на изукрашенном барабане.

Перенесемся теперь на 1,5 – 2 км к востоку, к Данилову монастырю. Этот монастырь в его сохранившемся виде был построен в основном в 17-м веке. В 30-е годы 20-го века, когда я ходил к нему в ходе прогулки в сопровождении отца, внутрь его ограды доступа для посетителей не было, так как там (до 1983-го года) располагался приемник-распределитель для беспризорных детей. Поэтому я в 30-е годы осматривал только стены (снаружи) и башни монастыря, а также входные ворота с расположенной над ними церковью в честь Симеона Столпника, увенчанной небольшой звонницей с куполом. Стены и башни монастыря, хотя и построенные в 17-м веке, сохранили, как я считаю, отпечаток 16-го века. Как видно, они почти только функциональны, почти лишены каких-либо украшений (за исключением зубцов, выполненных в виде ласточкиных хвостов), окна башен — это бойницы и только, кровля башен — скромные конические крыши. От этих стен и башен веет суровостью и серьезностью порученной им задачи обороны Москвы, поэтому я предполагаю, что построены они были в начале 17-го века. Более красочный вид имеют входные ворота с церковью и звонницей над ними. Портал ворот выполнен в виде множественных наплывов с украшениями — утолщениями. Видимо, ворота были построены во 2-й половине 17-го века. Еще изящнее надвратная церковь и особенно звонница над ней, которые были построены, видимо, уже в начале 18-го века.

Что касается строений внутри ограды монастыря, то тогда я их не видел, поэтому здесь упомяну кратко лишь однокупольный Троицкий собор 1835 – 1838-го годов, построенный по проекту архитектора О. И. Бове (1784 – 1834 гг.) в стиле позднего классицизма (ампир). Высокий купол собора виднеется из-за стен монастыря; он хорошо виден из проходящего мимо поезда проложенной в конце 19-го века Павелецкой железной дороги (по которой мне довелось, и еще доводится, часто ездить в Раненбург и Липецк, и обратно).

Перехожу к другим древним строениям района моего детства — зданиям Донского монастыря, возле которых мне довелось в те времена часто бывать. Главнейшие сооружения монастыря — Большой собор и стены ограды с башнями были построены во второй половине 17-го века. После сооружения Малого собора строительство в Донском монастыре приостанавливается (из-за Смутного времени и его последствий) и только во 2-й половине 17-го века возобновляется. В 1678 – 79-м годах к Малому

собору пристраивают два придела, трапезную и колокольню, в формах современной им архитектуры). Колокольня выполнена в форме "восьмерик на четверике", и увенчана шатром с двумя рядами изукрашенных "звонков" (окон), сверху маленький куполок.

Большой собор, расположенный в центре монастыря, сооружен в 1684 – 98 гг. Он выполнен в плане в форме лепестков, увенчан пятью высокими, массивными куполами. Окна расположены в два яруса, но внутри церковь не расчленена по вертикали, высота ее огромна; архитектура отражает стиль Московского ("Нарышкинского") Барокко. Собор поставлен на подклет и окружен широкой крытой галереей, построенной в нарядных формах середины 17-го века.

Массивные крепостные стены ограды монастыря с 12-ю башнями (из них 4 круглых и 8 квадратных) и двумя въездными воротами сооружены в 1686 – 171? годах. Стены и башни имеют нарядный вид. Вверху башен боевые площадки, украшенные изящными арками, откуда, как и со стен, велся навесной бой (стрельба). Пышное декоративное убранство стен и башен ограды показывает, что к концу 17-го века оборонное значение монастыря уже отошло на задний план. На рубеже 17-го – 18-го веков монастырские ограды охраняли лишь имущество монастырей. В Донском монастыре сохранилось, кроме этих главных сооружений, еще немало интересных строений, возведенных в более позднее время, которые будут упомянуты ниже. От 17-го века на территории Дальнего Замоскворечья сохранилось еще одно строение — это церковь Троицы в Кожевниках, построенная в 1686 – 89-м годах. Об этой церкви упомяну, что, как мне представляется, на внешнем облике ее сказалось влияние украинской архитектуры того века (граненые купола, стремление к округлости форм стен, и т. п.). На той же территории имеется еще одна церковь, главный храм Андреевского монастыря, построенная в 80-х годах 17-го века, однако, она была позднее перестроена и, в сущности, интереса не представляет. К тому же в те (30-е) годы я ее не видел, так как доступа внутрь монастыря тогда не было.

Перехожу к строениям, возведенным в 18-м веке. В начале века это главным образом культовые сооружения (но сохранилось и несколько гражданских).

К началу 18-го века, видимо, относится сооружение надвратной церкви Данилова монастыря, с характерными квадратными окнами и маленьким куполком над ее звонницей. К этому же времени относится сооружение портала – входных ворот Андреевского монастыря, с помещенной над ним надвратной церковью и также маленьким куполком. Над северными воротами Донского монастыря в 1713 – 14 годах воздвигли изящную четырехъярусную церковь Тихвинской Богоматери. Характерной чертой церкви являются небольшие окна восьмигранной формы в ее первом ярусе. Третий ярус представляет собой звонницу, а четвертый — узкий барабан со сложным, двухъярусным же очень небольшим куполком над ним.

К тому же времени — первая треть 18-го века, относится сооружение церкви Вознесения "что за Серпуховскими воротами", на улице Малая Серпуховская (или Люсиновская). Эта церковь относится к "столповому" типу; стены ее представляют собой вытянутый в высоту восьмигранник, вверху же небольшой барабан в виде ротонды и маленький куполок. Церковь начата сооружением в 1709-м году иждивением царевича Алексея Петровича (1690 – 1718 гг.); после смерти царевича строительство ее приостановилось и было закончено лишь в 1762-м году. Церковь хорошо видна с Большой Серпуховской улицы, и я, проезжая в детстве мимо нее по этой улице на трамвае, каждый раз видел ее, заброшенную, лишенную барабана и купола; в ней в те годы был какой-то склад. Теперь же, после реставрации, церковь

стала очень красивой, и, помимо исторической, эстетическая ценность ее очевидна.

В 1701-м году на дороге от Москвы к Донскому монастырю (ныне Донская улица) была построена Ризоположенская церковь, в распространенном тогда стиле Московского Барокко. Это высокий четверик, верх которого украшен кокошниками с вставленными в них белокаменными раковинами. Венчает храм пятиглавие с вытянутыми гранеными луковицами куполов.

Из гражданских зданий начала 18-го века сохранился небольшой фрагмент двухэтажных палат (на той же Донской улице, близ Ризоположенской церкви), характерный небольшими окнами квадратной формы. В середине Кожевнической улицы сохранился фрагмент купеческих палат начала 18-го века. На территории Донского монастыря есть несколько двухэтажных зданий середины 18-го века, выполнявших жилые или административные функции. Это настоятельский корпус, братские кельи, "караульная палатка" (канцелярия) и ризница Большого собора. Дома эти, ныне перестроенные, все же частично сохраняют черты барочных форм, например, характерные наличники окон. Западные ворота ограды монастыря с надвратной колокольней сооружалась в 1730 – 1753 гг. и имеет ярко выраженные черты стиля Барокко. Начиная строительство архитектор Д. Трезини (ок.1670 – 1734 гг.), его основание с аркой проездных ворот выполнено в формах архитектуры Петровского времени. Верхние ярусы со звонницей возведены по проекту А. П. Евлашева и имеют более ясно выраженный декоративный характер. Внутри ограды монастыря сооружено множество надгробий некрополя, размещенного в юго-восточном углу монастыря. Наиболее старые из них относятся к 30-м – 70-м годам 18-го века. Характерные образцы таких надгробий — белокаменные саркофаги. Они имеют причудливые изогнутые формы с резными украшениями, и возвышаются на ножках в виде львиных лап. К концу 18-го века появились иные типы памятников — "пирамиды" и "жертвенники" (отрезок колонны, пересеченный кубом с завершающей его каменной урной).

К концу 18-го века в Дальнем Замоскворечье стали строить здания в стиле классицизма; это в основном уже не культовые сооружения, но дома состоятельных дворян или больницы. Сохранились две крупных больницы: Павловская (ныне 4-я Городская), близ Данилова монастыря (она строилась попечением наследника престола Павла), и Голицынская (2-я Городская), строилась на средства аристократа князя Д. Голицына. Первая из них была построена в 80-х – 90-х годах 18-го века по проекту, согласно некоторым данным, В. И. Баженова (1737 или 1738 – 1799 гг.), но скорее всего — М. Ф. Казакова (1738 – 1812 гг.). Это величественное двухэтажное здание в формах раннего классицизма. Голицынская больница, построенная в 1796 – 1801-м годах) по проекту М. Казакова — трехэтажное здание с встроенной в центр его церковью и двумя выступающими далеко в сторону дороги флигелями, производит впечатление эстетической законченности и, для того времени, совершенства. На берегу Москвы-реки построены в то же время две садовых беседки-"миловида", ротонды, дополняющие ансамбль здания больницы.

На той же Большой Калужской улице в середине 18-го века был построен дворец для богача П. Демидова (в первой половине 19-го века он был перестроен). На территории прилегающего к дворцу обширного парка, спускающегося по склонам высокого берега к Москве-реке, сохранилось несколько парковых сооружений 18-го века. Это грот, чайный домик, купальня на берегу пруда и некоторые другие. В этом дворце жил в 1796 – 1807 г. екатерининский вельможа граф А. Г. Орлов-Чесменский (1737 – 1808 гг.). Водворившись в этой усадьбе, граф поручил построить в ближней роще ("Орлова

роща") летний домик, который и был построен в 1796 – 1801-м году. Он имеет форму двухъярусной деревянной ротонды на каменном квадратном основании; он носил название "дача-голубятня", в нем граф, любитель животных, содержал своих домашних голубей. Дом этот, очень изящный, сохранился и по сие время, в нем в 30-е годы была коммунальная квартира (в нее и мне тогда доводилось заходить), а теперь в нем размещается ресторан.

В первой половине 19-го века в архитектуре России широко распространились формы классицизма, навеянные, с одной стороны, античными сооружениями, а с другой — военными победами России в первые годы 19-го века. Встречаются такие здания и на территории Дальнего Замоскворечья. Одним из характерных строений этого типа является церковь Флора и Лавра близ построенного позднее Павелецкого вокзала. Церковь, сооруженная в начале 19-го века, имеет с севера и юга колоннады из четырех мощных колонн дорического ордера; венчает церковь высокий купол с небольшой маковкой (стиль Ампир, без внешних украшений). Примерно такой же облик имеет церковь Троицы на Воробьевых горах (1809 – 11 гг., тоже Ампир. Скажу о строениях первой половины 19-го века в стенах Донского монастыря. Это прежде всего церковь Михаила Архангела, получившая свой дошедший до нас облик в 1809-м году; она известна также под названием усыпальницы Голицыных. Это однокупольная церковь с парадным портиком северного фасада. К Голицынской усыпальнице примыкает обширный некрополь (уже упоминавшийся выше); здесь похоронены многие видные деятели русской культуры и науки 19-го – 20-го веков, и среди них: философ П. Я. Чаадаев (1793 – 1856 гг.), архитектор О. И. Бове, писатели и поэты В. Ф. Одоевский (1804 – 1869 гг.), И. И. Дмитриев (1760 – 1837 гг.), А. П. Сумароков (1717 – 1777 гг.), М. М. Херасков (1733 – 1807 гг.), художник В. Г. Перов (1833 – 1882 гг., прах перенесен из Данилова монастыря), историк В. О. Ключевский (1841 – 1911 гг.), математик Н. Е. Жуковский (1847 – 1921 гг.), артистка А. К. Тарасова (1898 – 1973 гг.) и многие другие, ныне безвестные люди — вельможи, дворяне и купцы. Среди захоронений отмечу склеп-усыпальницу Зубовых (церковь Александра Свирского) — небольшой храм-мавзолей в форме ротонды (1799 г.)

Упомяну еще две церкви: Воскресения Слопушего (близ Данилова монастыря, 1834-й год) и Духовская церковь на Даниловском кладбище (1832 г.), построенные в формах позднего классицизма, однокупольные, экономно украшенные. Так, у церкви Воскресения обычные для позднего классицизма пышные колонны портика заменены скромными пилястрами.

Сохранились от того периода и некоторые светские сооружения. Так, на Большой Калужской улице, близ Калужских ворот, дворянин (из богатых купцов) Полторацкий построил в начале 19-го века большой жилой дом (похожий на дворец) с двумя обширными флигелями. В 1812-м году в этом доме (сохранившемся после пожара Москвы) был устроен торжественный бал в честь освобождения города от интервентов. В 1835-м году Московское купеческое общество устроило в этом здании Мещанское коммерческое училище (для подготовки коммерческих и финансовых служащих), просуществовавшее до 1917-го года. После этой даты в здании обосновались три высших учебных заведения, в частности, здесь известный русский ученый академик И. М. Губкин (1871 – 1939 гг.) организовал Институт добычи и переработки нефти.

Рядом с этим зданием была построена в 1832 – 34 гг. по проекту О. И. Бове в стиле позднего классицизма, городская больница, известная впоследствии как 1-я Градская. Еще дальше по Большой Калужской улице (дальше Голицынской больницы) тем же архитектором в 40-е годы 19-го века был построен для разбогатевшего купца и

фабриканта М. Титова большой дом, типа дворца, с фасадом, скромно украшенным пилястрами вместо колонн. В этом доме, выкупленном у наследников Титова государством, была также открыта больница — 2-я Градская. В одном из флигелей этого дома в 30-х годах была поликлиника, которая обслуживала, в частности, и дом в Хавско-Шаболовском переулке, где я тогда жил. Что касается больниц, то все они: 1-я и 2-я Градские и Голицынская были недавно объединены под общим названием 1-я Городская больница. Рядом с домом Титова в положении торцом к дороге (улице) в то же время было построено общежитие для рабочих, длинное 3-хэтажное с низкими потолками и множеством мелких, частых окон. После продажи фабрики государству и ликвидации ее в этом здании был открыт приют для неимущих, так наз. "Титовка". В настоящее время дом этот еще цел, но заброшен, не используется.

В начале Малой Серпуховской улицы, против церкви Вознесения сохранилась небольшая усадьба — одноэтажный дом с флигелем, в стиле позднего классицизма. В этом же стиле (Ампир) были сооружены два флигеля при здании Павловской больницы, архитекторы А. П. Григорьев (1782 – 1863 гг.) и Д. И. Жилярди (1785 – 1845 гг.). На Дубининской улице сохранился жилой дом 30-х годов 19-го века. Это скромный, небольшой двухэтажный дом, принадлежавший, видимо, купцу средней руки, Один или два таких же небольших дома сохранились в начале ул. Щипок.

Дворец П. А. Демидова, построенный для него в 50-х годах 18-го века на Большой Калужской улице, в котором позднее жил граф А. Г. Орлов, был выкуплен у наследников Орлова государством и перестроен по проекту архитектора Е. Д. Тюриня (1792 – 1870 гг.) в 30-е годы 19-го века в стиле позднего Ампира. Близ дворца были построены в это время конюшня, несколько служебных флигелей (в одном из них в 30-е годы был Палеонтологический музей) и ряд парковых сооружений, в том числе двухэтажный "садовый" павильон, охотничий домик, пологий спуск к Москве-реке и белокаменный мост через него, несколько мостиков через овраги. У входа в имение, близ проезжей дороги поставлены фигуры из скульптурной группы А. П. Витали (1794 – 1855 гг.) "Времена года". Все это имение, включая прилегающий к дворцу обширный парк, названный Александринским в честь императрицы Александры, стало называться Нескучным садом. Во дворце останавливался, во время своего пребывания в Москве, император Николай I, а в остальное время парк был открыт для публики.

Упомяну еще об одном сооружении, построенном еще в середине 18-го века на Воробьевых горах (архитектор С. И. Чевакинский, 1713 – 1774 или 1780 гг.) и перестроенном в 30-х годах 19-го века для душевнобольного генерала Дмитриева-Мамонова (так называемая Мамонова дача). Здесь генерал прожил с 1833-го года до своей смерти в 1863-м году, а в 30-х годах 20-го века работал Музей народов СССР, в котором мне тогда довелось побывать.

В 40-х годах 19-го века на Малой Серпуховской (Люсиновской) улице близ Арсеньева переулкa были построены обширные продовольственные склады для муки, круп, масла и т. п., привозимых в Москву из провинции на продажу. Это длинное, скучное одноэтажное кирпичное строение без окон простояло до 50-х годов 20-го века; я часто его в 30-х годах видел, хотя тогда не знал его назначения.

Вторая половина 19-го столетия в Москве была отмечена энергичной индустриализацией, стимулом которой были известные реформы императора Александра II-го, и прежде всего освобождение крестьян от крепостной зависимости. Появились новые фабрики и заводы и в районе Дальнего Замоскворечья, например, текстильные фабрики на Шаболовке, на Варшавском шоссе. Вместе с тем, стали

открываться и металлообрабатывающие мастерские, вскоре выраставшие в машиностроительные заводы. Так, на той же Шаболовке появился проволочно-гвоздильный завод Ю. Гужона, на его месте в мое время был завод "Москарз" (карбюраторный). На Малой Калужской ул. близ Донского монастыря из кузнечной мастерской вырос завод, принадлежавший трем братьям Бромлей, на Дубининской улице завод Михельсона, возникли заводы и фабрики также в бывшей Кожевенной слободе. На всех этих заводах и фабриках работали бывшие крепостные крестьяне, переселившиеся в Москву из деревень; для них нужно было жилье, и был построен ряд общежитий, 3-х – 4-х – 5-тиэтажных домов, которые стояли еще в 30-е годы (а некоторые сохранились и по сию пору). Кроме того, началось бурное строительство одно-двухэтажных частных жилых домов, в большинстве деревянных, в которых жили тоже в основном рабочие заводов и фабрик, а также мещане и даже люди искусства и литературы. В 30-е годы таких домов было много по всему Дальнему Замоскворечью, теперь же их сохранились лишь единицы. Например, в 1-м Щипковском переулке сохранились еще руины 2-хэтажного (первый этаж кирпичный, второй деревянный) дома, в котором в 30-х – 40-х годах жила семья будущего выдающегося кинорежиссера Андрея Тарковского.

Более состоятельные люди — купцы, богатые мещане, строили себе 2-хэтажные кирпичные дома, в которых на первом этаже обычно устраивалась лавка. Таких домов в 30-х годах было еще немало; теперь же единичные дома этого типа сохранились еще на улице Щипок и в ее окрестностях.

Наконец, для служащих и других представителей среднего класса строились многоквартирные (3 – 4 – 5 этажей), так называемые доходные дома. Это были кирпичные дома с некоторыми несложными украшениями, выполненными с помощью "смещенной" кладки, например, простейшие наличники окон, и т. п. Таких домов было в 30-х годах немало, в особенности ближе к центру Москвы, в районе площадей Калужской, Серпуховской, у Павелецкого вокзала, на Тульской улице, и в др. местах. Были два таких 3-хэтажных дома и вблизи моего жилища; один на Хавской улице на углу Хавско-Шаболовского переулка, другой в Конном переулке, вблизи Арсеньевского. Некоторые особенности их облика (фасонная кладка кирпича и украшения фасада, и др.) наводят на мысль о том, что они относились к благотворительным учреждениям, по-видимому, к расположенному близ них Варваринскому сиротскому приюту. Таким образом, во второй половине 19-го века широко развернулось частное строительство жилых домов для рабочих и служащих развивавшихся промышленных предприятий. Дворянские усадьбы в Дальнем Замоскворечье в это время не строились. Сохранились некоторые общественные сооружения того времени. Характерным общественным зданием того периода является 2-хэтажная Даниловская баня в Самаринской улице, близ Даниловского рынка (ныне не сохранилось). Но некоторые общественные сооружения того времени сохранились, к ним относятся, в частности, Ляпинский приют для престарелых на Большой Серпуховской ул. (Ляпинка); в этом здании размещается теперь Ин-т хирургии им. акад. А. В. Вишневого (1874 – 1948 гг.). На этой же улице были построены в это время здания Дамского попечительства для бедных и 4-этажный (частично 5-этажный) приют для беспризорных детей Московского человеколюбивого общества. Оба здания сохранились и поныне. В Сиротском переулке, близ Хавской улицы в глубине квартала были построены два 3-хэтажных здания, имеющие такой же архитектурный облик, что и Ляпинский приют. Они явно были возведены в 80-х – 90-х годах 19-го века для Варваринского сиротского приюта. Вблизи этих зданий сохранялось в 30-е годы небольшое одноэтажное (частично 2-хэтажное) производственное здание, построенное, судя по архитектуре, в начале 20-го века; как мне говорили в 30-х годах, "пуговичная

фабрика". Тогда в нем была заметна производственная деятельность, возможно, это была производственная мастерская для подрастающих мальчиков-сирот. В настоящее время одноэтажная часть этого здания демонтирована. Отмечу в этой связи небольшое одноэтажное, частично 2-хэтажное здание с высокой вытяжной трубой в том квартале (Хавская улица – Шаболовка), где был сиротский приют для девочек. В настоящее время там (и в пристроенных позднее зданиях) располагается Институт лубяных волокон. Можно предположить, что в 19-м веке это производственное здание относилось к приюту девочек-сирот, и в нем подрастающие девочки учились работать на фабрике переработки льняных волокон на льняное полотно. Возможно, что и лен девочки выращивали тут же, на весьма обширной территории приюта. Таким образом, приют для детей-сирот, возможно, занимал обширную территорию в 3 квартала: приют для мальчиков, для девочек (не полный квартал) и приютский сад с огородом, да еще жилой дом в Конном переулке. Квартал с бывшим приютским садом был застроен в 20-х годах 20-го века (и позднее) жилыми домами.

Из общественных зданий 2-й половины 19-го века, сохранившихся на территории Дальнего Замоскворечья, следует упомянуть несколько 3-х- и 4-хэтажных корпусов Александровских казарм (1886 – 1888гг.), которые назывались в 30-е годы (как и ныне) Чернышевскими. Впрочем, в 30-е годы казарменные корпуса были скрыты за высоким забором (со стороны Большой Серпуховской улицы аж кирпичным), и для обозрения не доступны; ныне это положение изменилось.

От конца 19-го века осталось и несколько культовых зданий. На улице Шаболовка сохранилась церковь Живоначальной Троицы, начала 80-х годов, выполненная в традициях архитектуры 17-го века. В 30-е годы эта церковь служила клубом соседней фабрики, и архитектурный облик ее был искажен. В настоящее время она реставрируется. Два здания того времени сохранились и в пределах Донского монастыря, однако, архитектура этих зданий маловыразительна, что снижает их эстетическую ценность. От второй половины 19-го века, когда в архитектуре преобладал стиль "эkleктика", в Дальнем Замоскворечье остались лишь маловыразительные частные здания и несколько упомянутых выше общественных, и кроме того, 3-хэтажное здание бывшей богадельни на Шаболовке (близ радиостанции, будущего телецентра), в стиле, напоминающем древнерусский. Видимо, в то время эстетически ценных зданий строилось мало.

Положение изменилось в начале 20-го века, когда в архитектуре возник и широко распространился стиль модерн. Стиль этот характеризуется подчеркнутым изяществом и легкостью форм, тщательной отделкой деталей фасада; в последний период применения этого стиля (1908 – 1918 гг.) возвращение к элементам классицизма, но в переработанной, изящной форме (неоклассицизм). От этого периода на территории Дальнего Замоскворечья сохранилось немало эстетически значительных зданий, появились и выразительные инженерные сооружения. Из общественных зданий следует упомянуть Морозовскую детскую больницу (1903-й год), построенную попечением В. Е. Морозова; это яркий образец стиля модерн. В том же стиле были построены еще три здания: двухэтажный, с трехэтажной пристройкой, особняк на Серпуховском валу, близ Серпуховской заставы, и (как ни странно) здание станции Канатчиково на Окружной железной дороге. Недалеко от упомянутого особняка, метрах в 100, стоит изящная маленькая церковка, о которой мне известно, что ранее это был старообрядческий храм. Здание этой церкви стилизовано под древнерусский (17-й век) стиль, внешний облик его явно вписывается в рамки модерна. В настоящее время это строение не передано РПЦ, там организована закусочная. Перечисленные факты дают, по моему мнению, некоторые основания предположить, что все четыре здания были построены под

финансовой опекой богатого предпринимателя, старообрядца В. Е. (возможно, Василия Елисеевича) Морозова, а особняк, возможно, ему и принадлежал, и церковь играла роль домово́й для него и его семьи. Может быть, проектировал все эти здания один и тот же архитектор.

В том же стиле раннего модерна было построено и здание детской поликлиники на Житной улице, вблизи от Калужской площади; в эту поликлинику меня, ребенка, возили для осмотров, прививок и лечения. Там же напротив поликлиники была возведена в начале 20-го века церковь Казанской Богоматери, в том же стиле модерн, но в его византийской модификации. В 30-е годы в этом здании был кинотеатр "Авангард", который я нередко посещал. Оба эти здания в настоящее время не сохранились.

Поблизости от них, в начале Шаболовки (д. 12) в стиле модерн построено в 1912-м году 2-этажное здание богадельни, с встроенной церковью. Богадельня известна под именем С. и А. Тарасовых, вероятно, меценатов-спонсоров. Стиль здания эклектичен, напоминает и древнерусскую, и византийскую архитектуру. В этом же стиле построено здание Третьяковской богадельни Московского купеческого общества в начале Большой Серпуховской улицы. На Тульской улице расположено 3-этажное здание бывш. Рабочего клуба (1909-й г.), украшенное в стиле модерн (подражание романскому стилю).

На Большой Калужской улице расположена богадельня, впоследствии больница, им. Медведниковых (бывш. 5-я Советская больница). Она была построена в первые годы 20-го века, архитектор С. У. Соловьев. В облике комплекса зданий больницы заметны элементы романской и древнепсковской архитектуры. В здания больницы у главных входных ворот во двор встроены две церкви, по обе стороны ворот, но не симметрично друг к другу. В настоящее время эта больница относится к ведомству Московской патриархии Русской православной церкви. В стиле модерн сооружены и несколько надгробий и часовен в некрополе Донского монастыря.

К более поздней фазе стиля модерн (неоклассицизму) относится ряд строений. Это, в частности, два корпуса Экономического института им. А. Л. Шанявского в Стремянном пер.(1907-й г.), построенный в 1907-м году комплекс зданий Неврологической клиники на углу 1-го Донского проезда и Донской улицы, дом радио- (позднее телецентра) на Шаболовке, построенный в 1912 – 13-м году, а также клиника кожных и венерических болезней на Большой Калужской улице, рядом с Медведниковской больницей (клиника работает там и поныне).

Кроме общественных зданий, строили в то время и жилые дома. Это были многоквартирные "доходные" дома высотой 5 – 7 этажей, как правило, с украшениями на стенах фасадов (но только фасадов); иногда фасад был украшен мозаичным панно. Так украшен, например, один из двух таких домов на улице Щипок. Но таких домов и в 30-е годы было немного, а теперь еще меньше. Упомяну один такой дом в Арсеньевском переулке, один в 1-м Люсиновском переулке, а два 7-этажных доходных дома, стоявших в начале Шаболовки (близ Калужской площади) ныне не сохранились.

Возводились на рассматриваемой территории и сооружения промышленной архитектуры. Замечательным сооружением является Андреевский Железнодорожный мост на Окружной дороге близ одноименного монастыря и вблизи Нескучного сада. Это однопролетный мост, стальная серповидная арка длиной 134 м., перекрывающая Москву-реку, опирается на обоих берегах на мощные устои. Проезжая часть моста не

положена на арку (мост с ездой "поверху") и не подвешена к ней (мост с ездой "понизу"), а расположена по центру, чуть выше центра тяжести несущей арки (мост с ездой "по середине". Мост такой конструкции вызывает чувство равновесия и устойчивости. Автор проекта моста архитектор Л. Д. Проскураков (1858 – 1926 гг.), постройка 1903 – 1906 гг.. В 30-е годы я довольно часто ходил на прогулки с отцом или дядей Володи в Нескучный сад, при этом я смотрел и на этот мост, и, может быть, что-то в нем видел.

К числу производственных сооружений следует отнести и новый цех завода бр. Бромлей (потом "Красный пролетарий"), построенный в 1915-м году напротив Донского монастыря. Здание не имеет никаких "украшенческих" модификаций: это только кирпичные стены и окна простой четырехугольной формы. В отличие от этого здания, главный корпус протезного завода, расположенного неподалеку, сооружен с добавлением некоторых несложных украшений; это, главным образом, усложненная форма оконных проемов, и т. п.. К производственным сооружениям начала 20-го века следует отнести также здание управления Замоскворецкого (теперь Апаковского) трамвайного парка, построенное, не без своеобразного изящества, в начале улицы Шаболовки.

Как видно, в Дальнем Замоскворечье в 1895 – 1918-м годах было построено немало сооружений в стиле модерн, многие из них отличались высоким эстетическим уровнем. Немалую часть этих зданий я в годы моего детства и отрочества видел, но глаза мои "смотрели, но не видели", то есть, я не обращал на них внимания. Долгое время сооружения эти находились вне общедоступного информационного поля, были в пренебрежении, их не замечали красоту их не видели и не отмечали. Только в конце 80-х – начале 90-х годов 20-го века они были отремонтированы, красота их выявилась и была отмечена, в частности, здесь, мною. В те же далекие 30-е годы я просто водил по таким зданиям глазами, и, надеюсь, какое-то впечатление от них, хотя и бессознательно, но осталось.

Начиная с 1918-го года в Москве, в частности, в окрестностях дома, в котором я жил, было возведено немало домов в новом, отличном от модерна, стиле, так называемом конструктивизме. Характерными особенностями этого стиля являются простота внешнего оформления зданий, отсутствие украшений в виде мелких деталей, стремление к прямолинейным формам. Часто применялось усиленное застекление стен, особенно, общих помещений (коридоры, вестибюли и др.) Эстетическое воздействие на зрителя достигалось варьированием форм крупных составных частей зданий.

В рамках этого направления в 20-х годах стало бурно развиваться жилищное строительство, необходимость которого было обусловлено ускоренным ростом промышленного производства и назревшей потребностью улучшения быта трудящихся на производстве. Вокруг моего дома, наряду с устаревшими небольшими домами, упомянутыми выше, было уже немало новых 5-этажных жилых домов, в оформлении которых были явственно видны признаки конструктивизма. Были поблизости от моего дома целые поселки из таких домов. Так, внутри квартала, где стоял мой дом, возник в 1924 – 30-м годах поселок из пятиэтажек, под названием "Коммуна". Всего там построили 14 таких корпусов. Мне приходилось часто бывать в этом поселке, где в одном из корпусов (N 8) жил мой дядя Володя и его семья, и там же жил Александр Петрович Иванов с семьей, квартиру которого мне довелось (и даже, можно сказать, посчастливилось) часто посещать, о чем было рассказано выше. Кроме этого поселка, в окрестностях Даниловской площади возник поселок "Новые дома", аналогичный небольшой поселок был за Серпуховским валом (но вблизи от него). Было также

разбросано по соседним кварталам несколько (в общей сложности до десятка) таких отдельно стоящих пятиэтажек.

В связи со сказанным, упомяну о жилом доме, называвшемся "дом-коммуна", расположенном почти напротив моего дома, метрах в 50 от него. Дом этот был построен по проекту архитектора Г. Вольфензона и др. в 1926 – 28-м гг.. В плане он имеет форму "покоя" (буквы П), украшен только варьированием прямоугольных форм и характеризовался (в то время) коридорной системой расположения небольших квартир (или комнат). На первом этаже дома в глубине "покоя" была большая (и хорошая, дешевая) столовая и зал для собраний жильцов.

В этой связи скажу несколько слов и о доме, в котором я жил. В дополнение добавлю, что дом этот, в составе ансамбля из двух подобных, симметрично расположенных домов (по разным сторонам Хавско-Шаболовского переулка) был построен в 1927-м по проекту неизвестного мне архитектора. Этот архитектор относился к тому направлению внутри конструктивизма, которое придавало весомое значение эстетическому оформлению возводимых домов. К этому направлению относился известный архитектор Н. Я. Колли (1894 – 1966 гг.). Многие подробности архитектуры дома, действительно, хорошо соответствуют "творческому почерку" Н. Колли (оформление внешнего вида фасада, планировка палисадника во внутреннем дворе и др.). Наконец, едва ли совпадением было то, что в моем доме жил художник Алексей Владимирович Колли, родной племянник архитектора Н. Колли. Однако, на деле оказалось, что несмотря на ряд косвенных признаков, дом этот был спроектирован каким-то другим архитектором, не Н. Колли. Учитывая вышеупомянутые характерные черты архитектуры дома, можно предположить, что дом был спроектирован кем-либо из учеников или помощников (единомышленников) Николая Яковлевича Колли. Возможно, это был Г. Б. Бархин (1880 – 1969 гг.).

Другие общественные здания: трехэтажные Донские бани (очень удобные), здании крематория на новом Донском кладбище (впрочем, для крематория архитектор Д. Осипов перестроил храм Серафима Саровского, построенный в начале 20-го века); его формы соответствуют функции — напоминают о древнем высоком погребальном костре); здания заводууправления (сплошные на 3 этажа, окна) и столовой завода "Красный пролетарий" (последнее не сохранилось), здание фабрики-кухни для рабочих на Тульской улице.

К общественным зданиям в стиле конструктивизма относилась школа (№ 540), в которой я учился с 1936-го по 1941-й год (мои первые пять классов). Школа была расположена напротив моего дома, через Хавскую улицу, она была построена в конце 20-х годов, и внешний облик ее и внутренняя планировка соответствуют представлениям конструктивизма. Фасад здания школы имел высокое застекленное окно во всю высоту дома над входными дверями. Во внешнем облике — варьирование крупных форм, без малейших внешних украшений, большие окна; внутри высокие потолки, широкие коридоры, большие помещения классов. Отмечу оригинальное планировочное решение: входящие в дом через центральный вход (практически все приходящие на занятия школьники) сначала спускаются в довольно глубокий полуподвал, где расположены раздевальные помещения для пальто, и лишь потом поднимаются по светлым, удобным лестницам на один из трех рабочих этажей.

Упомяну еще здание общежития текстильного института в 5-м Донском проезде, ныне улица Г. Орджоникидзе, представляющее собой длинное 6-этажное здание, опирающееся в некоторой своей части на опорные столбы вместо фундамента. Здание

построено в 1928 – 30-м годах по проекту архитектора И. С. Николаева (1900 – 79-й гг.). На каждом этаже во всю длину здания тянутся сплошные невысокие ленточные окна. Это — чисто функциональное здание, эстетически маловыразительное.

Гораздо более эстетически выразительны, даже красивы здания научно-исследовательских институтов различных разделов химии. Они построены по проектам архитектора Д. Кокорина в конце 20-х – начале 30-х годов (не позднее 1933-го года). Эти здания (институт химии нефти, твердых горючих ископаемых, биохимии и др.) отличаются оригинальностью форм (как самого здания, так и окон), скупостью внешних, не органичных для здания украшений, скромным серым, разных оттенков, цветом стен. В одном из этих зданий лестница для подъема на верхние этажи (которых было везде не более трех) вынесено наружу и смонтирована под открытым небом. К этой же группе зданий относится расположенный несколько поодаль дом, где помещается Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского (1872 – 1959 гг.). Скажу между прочим, что для пола в общественных зданиях 20-х годов (напр., столовая в доме-коммуне, крематорий, Серпуховский универмаг и др.) часто употреблялась метлахская плитка, которую теперь не применяют.

В конце 30-х годов мне нередко доводилось посещать кинотеатр "Ударник", расположенный в так называемом "Доме на набережной", ул. Серафимовича 2 (писатель А. С. Серафимович, 1863 – 1949-й гг.). Архитектор дома Б. М. Иофан (1891 – 1976 гг.). Также посещал я кинотеатр ЦПКиО на Крымском валу. Оба эти здания были построены строго в стиле конструктивизма, здание Б. Иофана (1931-й год) характерно для домов этого стиля и очень выразительно.

К концу рассматриваемого этапа моей жизни (1944 – 1945-й годы) я посетил один или два раза библиотеку завода ЗИЛ, помещавшуюся в клубе этого завода. Здание клуба было построено также в стиле конструктивизма. Однако, регулярно в то время я стал пользоваться Российской Государственной библиотекой РГБ, носившей в то время имя В. И. Ленина (Ульянов). Я читал интересовавшую меня тогда литературу в юношеском зале, куда допускались старшеклассники (имевшие уже паспорта); зал располагался в одном из флигелей старинного здания так называемого дома Пашкова, офицера владельца здания (арх. В. И. Баженов). Позднее, став студентом, я посещал общий зал (для взрослых) этой библиотеки, а впоследствии залы, расположенные уже в новом здании библиотеки (1928 – 1940 годы, архитекторы В. А. Щуко, 1878 – 1939 гг., и В. Г. Гельфрейх (1885 – 1967 гг.). Так как здание строилось очень долго, то начато было его сооружение в стиле конструктивизма, а кончено в стиле, как я сказал бы, "неоампир". Здание и снаружи, и внутри имеет величественный, импозантный вид.

Несколько сооружений промышленной архитектуры возникли на территории Дальнего Замоскворечья в 1918 – 1939 годах, конструкцию их можно отнести к стилю конструктивизм. В середине 30-х годов был построен мост через Москву-реку на восточной стороне ее излучины, где река покидает пределы города. Этот мост был возведен вблизи Южного порта и начала Варшавского шоссе, чуть выше текстильной и камвольно-суконной фабрик. Мост был выполнен наскоро, архитектурно не оформлен, проезжая часть и тротуары были, насколько я помню, дощатые, но по мосту проложили трамвайную линию и начали трамвайное движение, напрямую соединившее Дальнее Замоскворечье с промышленным районом Восточной Москвы (автозавод АМО, затем ЗИС, машиностроительный завод Динамо, и пр.). В настоящее время мост этот демонтирован и заменен другим, чуть выше по течению реки, возведенным уже в 50-е годы.

Еще одно строение было возведено (на расстоянии около 300 м. от моего дома) в 1921 – 22-м годах, это известная башня Шухова, она была предназначена для организации в стране дальнего радиовещания. На улице Шаболовка по проекту знаменитого инженера-механика В. Г. Шухова (1853 – 1939 гг.) была сооружена из стальных балок ажурная башня высотой 160 м., в качестве опоры для антенн радиостанции им. Коминтерна (Коммунистический Интернационал, существовавший с 1920-го по 1942-й годы). Башня представляет собой коническое (точнее, гиперболоидальной) сооружение и состоит из 6 (по горизонтали) секций. Строительство башни осуществлялось оригинальным способом — секции собирались на земле, по "телескопическому" методу, то есть, все секции на одном и том же месте, внутри первой, самой большой по диаметру секции. По мере готовности очередной секции ее поднимали и скрепляли ее нижний обод с верхним ободом предыдущей секции. После окончания строительства башни на верху ее смонтировали высокую антенну, и в августе 1922-го года началось радиовещание. В начале 30-х годов началось вещание также по радиотрансляционной сети, то есть по проводам. Во второй половине 30-х годов с башни начались экспериментальные передачи коротковолнового телевидения, а с 1948-го года начался переход на высокочастотное телевидение. До 1967-го года высотная башня была главным трансляционным и ретрансляционным узлом всех радио- и телевизионных программ в СССР. Она и поныне является частью системы радиовещания в Москве. Башня является памятником российской архитектуры и инженерной мысли.

К концу 30-х годов в Москве стало проявляться новое направление архитектурной практики, которое я называю "неоампир", характеризующееся более ярко выраженным украшательством, причем, с элементами стилизованной эклектики. Впрочем, архитектура жилых домов этого направления довольно скромна, но здания производят впечатления большей монументальности, чем конструктивистские. Примером являются два дома на Серпуховском бульваре, дом на Большой Калужской улице, спроектированный А. Щусевым (1939-й год), дома, построенные по проектам архитекторов Г. П. Гольца (1893 – 1946 гг.) и А. П. Мордвинова (1896 – 1964 гг.) там же, 1940 – 41 годы. Эти дома, так сказать, нового поколения, характеризуются более высокой этажностью (7 – 9 этажей), чем конструктивистские пятиэтажки, и наличием лифтов (мусоропроводов еще нет). Повышенным вниманием к эстетическому впечатлению от здания характеризуются уже дома Гольца и Мордвинова, и особенно ярко это выражено у здания, возведенного (1949-й год) тоже на Большой Калужской ул. по проекту акад. архитектуры И. В. Жолтовского (1867 – 1959-й гг.).

В том же стиле — "неоампире" — оформлено здание школы N 545, построенное в 1937-м году на Хавской ул., эту школу я окончил в 1945-м году. Перед входом в здание поставлена колоннада из 4 массивных колонн; входящий в школу попадает в просторный, высокий вестибюль, поднимается на второй этаж по довольно широкой лестнице со ступеньками из светлого камня. Эта деталь дома напоминает вестибюль помещения московского Музея изобразительных искусств. В коридорах и классах школы паркетные полы, но высота потолков в классах (впрочем, хорошо освещенных) несколько ниже, чем в моей первой школе (N 540), построенной в стиле конструктивизма. В целом, у меня возникло представление, что строители 545-й школы старались создать у посетителей школы "впечатление" о школе, несколько (немного) снизив уровень реальных удобств учащихся и учителей.

Из промышленных сооружений упомяну Крымский мост, построенный в 1936-м году по проекту архитекторов А. В. Власова (1900 – 1962 гг.). Это висячий мост, проезжая часть его подвешена на двух цепях из жестких звеньев — стальных пластинчатых пакетов, цепи переброшены через металлические пилоны — клепаные столбы высотой

27 м. Мост является одним из красивейших в Москве.

На этом кончается краткий очерк архитектурных сооружений района, которые были постоянно в поле моего зрения в пору моего детства и отрочества. Полагаю, что какое-то влияние на мой "менталитет" архитектура его, в целом доброкачественная, а кое-где и выдающаяся по эстетике, все же оказала. В последующие годы архитектурный облик района интенсивно менялся, возникли новые, более совершенные постройки, но все конструктивистские пятиэтажки сохранились, правда, некоторые из них подверглись коренной реконструкции. Однако, эти изменения выходят за рамки настоящих заметок.

Очерк о "локальных" деятелях науки и культуры

Здесь будет кратко охарактеризовано творчество некоторых "локальных" деятелей российской научной и культурной жизни, чей жизненный и (или) творческий путь так или иначе связано с Дальним Замоскворечьем. Иных из них (тогда еще школьников) мне довелось знать в годы моего отрочества. Творчество всех этих деятелей культуры и науки едва ли повлияло на формирование моего образа мыслей и чувствования, но краткая характеристика их приводится здесь для формирования у читателя представления о культурной жизни в отдаленном (тогда) районе Москвы в те (1930 – 45-е) далекие годы.

Начну с известных деятелей науки.

В моем доме, по некоторым (не проверенным) сведениям, жил (на первом этаже) и работал известный литературовед и историк литературы, д-р филологических наук профессор Александр Григорьевич Цейтлин (1901 – 1962 гг.), сотрудник Ин-та мировой литературы АН СССР, уроженец г. Рязани. Он специализировался на истории и теории русской художественной литературы 19-го века. Ему принадлежит авторство монографий о писателях И. А. Гончарове (1812 – 1891 гг.), К. Ф. Рылееве (1795 – 1826 гг.), И. С. Тургеневе (1818 – 1883 гг.), и др. В области теории художественной литературы придерживался ортодоксальных марксистских взглядов, к которым уже с 50-х годов 19-го века обычно прилагается эпитет "вульгарно-материалистические".

В моем доме в 30-е – 40-е годы жил мальчик 1931-го года рождения Андрюша Тартаковский (среди детей известный как "Андрюша маленький"), сын врача-психиатра. Среди детей было известно, что он, учась еще в начальной школе, интересовался общественными науками. Он получил университетское образование, впоследствии стал доктором исторических наук. Интерес Андрея Григорьевича Тартаковского (1931 – 1999 гг.) концентрировался на русских мемуарах, в числе военных мемуарах участников войны 1812 – 1815 годов с наполеоновской Францией. В 1991-м году издал (впервые) военные дневники и мемуары российских военных и исторических деятелей о военной кампании 1812-го года. Андрей Григорьевич был автором нескольких монографий по теме мемуаров; специалисты высоко ценили его труды.

Кроме Тартаковского и, возможно, Цейтлина, жил в моем доме еще и ученый-психолог, точнее, психотехник Леонид Иванович Барабанов (мой отец). Научная деятельность его была охарактеризована выше. К сожалению, вследствие его хронической болезни (гипертония), начавшейся в середине 30-х годов, существенного прямого влияния на мой психический облик он оказать не смог, но косвенное влияние, именно, стремление к старательности, тщательности, законченности и т. п. своих работ он, надеюсь,

некоторым образом, оказал.

Упомяну еще об ученом, жившем в одном из корпусов поселка "Коммуна", поблизости от моего дома. Это профессор химии Сергей Иванович Скляренко. О нем мне известно только то, что он преподавал физическую химию в одном из московских военных академий (кажется, в Военно-инженерной), и выпустил по крайней мере один печатный труд — сборник задач по физической химии.

Теперь скажу о будущих ученых, тогда учеников средней школы, с которыми я вместе учился. В 545-й школе в 8-м классе учился в одном классе со мной Натан Ройзин. Натан очень интересовался физикой, делился со мной своими впечатлениями и чувствами. В частности, рассказывал мне о выдающихся советских физиках того времени, академиках Г. С. Ландсберге (1890 – 1957 гг.) и Л. Д. Ландау (1908 – 1968 гг.). Однако, эти его разговоры не оказали на меня существенного влияния, потому что мои интересы склонялись в иную сторону. В дальнейшем он вышел из поля моего внимания, наше общение прекратилось. Много позднее мне встретилась статья старшего научного сотрудника одного из физических институтов Москвы Натана Моисеевича Ройзина в научно-популярном журнале.

Еще один будущий ученый кончал вместе со мной 10-й класс (и школьный курс) в 545-й школе. Это — Лев Петрович Феоктистов (1928 – 2002 гг.), впоследствии крупный ученый-физик, как принято говорить "атомщик". Он работал в области атомной и ядерной физики и активно участвовал в создании мощного советского атомного и ядерного вооружения. Деятельность его в этом направлении протекала вначале в Горьковской обл., вблизи города Серов, а позднее в Свердловской обл., в г. Снежинск. В конце 70-х годов Лев Петрович вернулся в Москву и работал в Физическом институте Российской АН. В последние годы он опубликовал ряд статей и книг, в которых призывал к свертыванию атомного и ядерного видов армейских вооружений, которые, по его мнению, утратили эффективность в связи с изменением как характера войн, так и вообще военно-политической обстановки в мире. Он осознал и отстаивал мнение, что произведенные и накопленные огромные запасы ядерного оружия следует использовать в мирных целях, и предложил технический проект работ, необходимых для перехода к этим целям. В дальнейшем производство ядерного оружия следует, по его мнению, прекратить и развить использование атомного и ядерного производств для мирных целей, под эффективным международным контролем. Военно-политические события последних нескольких лет показали, что ядерное вооружение после сентября 2001-го года стало не только бесполезным, но и вредным. Это ярко выявило широкий политико-философский кругозор и дальновидность ученого.

Теперь напишу о некоторых выдающихся деятелях художественной литературы, связанных в своей жизни и (или) деятельности с Дальним Замоскворечьем.

Прежде всего, это писатель 18-го – начала 19-го веков Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826-й гг.), упомянувший в повести "Бедная Лиза" пейзаж Дальнего Замоскворечья, каким он ему виделся с противоположного высокого берега Москвы-реки из окрестностей Симонова монастыря. На переднем плане был виден Данилов монастырь, дубовая роща чуть севернее монастыря (где в то время строилась Павловская больница, и на заднем плане Донской монастырь. Равнина между монастырями занята огородами и обширным конным рынком. Эта картина относится к далекому теперь 18-му веку (точнее, к концу века).

Уже в 20-м веке, в мое время (когда я уже жил на Хавской улице) в районе Шаболовки

жили и творили три известных писателя-прозаика. Наиболее значительным из них был Георгий Витальевич Семенов (1931 – 1992 гг.). Г. Семенов происходил из семьи икусного и известного в начале 20-го века столяра-краснодеревщика Георгия Жирнова. Жирнов был человек состоятельный, имел собственную столярную мастерскую и при ней довольно большой 2-хэтажный жилой дом в самом начале Большой Калужской улицы, близко к Калужской площади, где близко сходятся Б. Калужская, Донская и Шаболовка улицы. Будущий писатель жил в доме деда до середины 50-х годов, когда дом этот, наряду с другими, соседними, был снесен в связи с реконструкцией с реконструкцией улицы. Родственники же писателя со стороны отца (в частности, дядя и бабушка) жили на Татищевой улице. В одном из его произведений некоторые действующие лица (второго плана) жили в Хавско-Шаболовском переулке, в новом (50-е годы) доме. Действие многих произведений раннего Семенова происходит в районе Шаболовки или Большой Калужской улицы. Похоронен Семенов на Даниловском кладбище.

В первые годы своей писательской деятельности (50-е – 60-е годы) основное внимание Семенов уделял отношениям мужчины и женщины, им отмечается сложность и трудность основания и поддержания этих отношений, трудности любви. Вместе с тем, описывается им и подлинное, глубокое чувство любви, которое, в итоге, непреодолимо и может терпеливо ждать своего часа многие годы (роман "Вольная натаска", повесть "Ум лисицы" и др.). По мере того, как шли годы, в произведениях Семенова усиливался мотив, имевший в основном общественный характер. Годы застоя называются им провальными годами, в последних его крупных произведениях (роман "Чертово колесо", повесть "Путешествие души") имеются сатирические сцены в отношении партийного и советского руководства страной, но также и "среднего класса" (служащих) в России до 1914-го и после 1917-го года. В его произведениях стали постепенно усиливаться мотивы перерождения советских служащих — продажность, подхалимаж, неравенство в распределении продуктов потребления (бывших при советской власти в дефиците как количественно, так и качественно). Отмечается также пренебрежение к простым людям со стороны власть имущих, но и пассивность и "потакание" со стороны простых людей относительно руководителей общества. Заметна критика "мещанской" (средний класс в советское время) среды, показана косность и безынициативность ее представителей, и вместе с тем, ярко выраженное стремление к стяжательству, желание "красиво" обустроить свою жизнь, и одновременно обладать высоким уровнем престижа.

В последних произведениях писателя явственно прослеживаются пессимистические нотки касательно общественного развития, называемого писателем "чертовым колесом"; в нем писатель не замечает за последние примерно 100 лет никакого прогресса, несмотря на случающиеся повороты и перевороты. Писатель непрерывно и постоянно совершенствовал свое мастерство изображения. В последние годы жизни в его выдающихся произведениях ("Чертово колесо" и др.) явственно просматриваются черты гротеска, даже с некоторым оттенком мистицизма.

Творчество Семенова проникнуто пониманием и любовью к природе (пейзажные сцены, сцены ружейной охоты, рыбной ловли и т. п.). Описания природы многочисленны и подробны, в них слышатся отголоски русских классиков 19-го века — И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова (1791 – 1859 гг.). Иногда эти описания подробны до натурализма.

Семенов был склонен придавать значение только двум своим жизненным мотивам: любви к природе и писательской работе. Он полагал, что нужно писать "по совести", то

есть искренно, и тогда у писателя получится художественная и общественная правда. Высшим из искусств он считал литературу, в которой подчеркивал эстетический элемент. Однако, он знал толк и в декоративном искусстве (которое одно время изучал в профессиональном училище), колористике, декоративной лепке, искусстве столяра-краснодеревщика.

Произведения Г. В. Семенова являют яркую и искреннюю (по мере возможности) картину частной и общественной жизни людей при советской власти времен ее "зрелости" и упадка (60-е – 80-е годы 20-го века).

Другим замечательным "шаболовским" прозаиком в 20-м веке был Юрий Алексеевич Додолев (род. в 1926-м году в Москве, ум. в конце 90-х годов там же, похоронен на Рогожском старообрядческом кладбище). Жил в отрочестве и юности на ул. Шаболовка, в средней ее части, близ Конного переулка и неподалеку от 2-го Шарикоподшипникового завода. Додолев с 1943-го по 1945-й год воевал на фронте против германской армии, после ранения учился, получил высшее педагогическое образование, работал в школах, потом в московских издательствах, стал публиковаться с 1972-го года.

В своих первых повестях Додолев изобразил жизнь своего дворика и обитателей окружавших его старых, деревянных домиков как до войны 1941 – 1945-го годов, так и сразу после ее окончания. В творчестве его освещаются две темы: критика беспринципного приобретательства материальных благ, и любовь мужчины и женщины, в частности, глубокая, искренняя любовь, ее сила, отличие этой ее формы от мимолетных увлечений. С этим же связаны темы постоянства в любви, силы или слабости характера людей.

В его творчестве звучит также, хотя и робко, критика догматических политико-социальных установок в советском обществе. Также робко затронут и вопрос о значении религии (христианской) в атеистическом, по преимуществу, обществе, и в связи с этим подняты (но не обсуждены в должной мере) коренные социально-философские вопросы жизни человека в обществе: об эгоизме и альтруизме его, о смысле жизни человека вообще. Касается писатель и жизни крестьян в деревнях, дается ее достаточно правдивая, но, на мой взгляд, излишне оптимистическая оценка.

Писателем затронуты многие коренные жизненные вопросы, образы персонажей очерчены ярко, они достаточно убедительны и некоторые из них описаны весьма подробно и четко охарактеризованы. Вместе с тем, следует упрекнуть автора за некоторую натуралистичность изображения быта и поведения его персонажей.

В целом можно сказать, что Додолев — писатель даровитый, однако, талант его достаточно скромн, но при этом большинство его произведений читается с интересом.

Третьим заметным писателем, изобразившим жителей окрестности моего дома, был Владимир Ильич Амлинский (1935 – 1990-й годы). Правда, творчество его локально относится, главным образом, к другому району Москвы — Чистым Прудам, однако, и в Дальнем Замоскворечье Амлинский жил, по-видимому, но не слишком долго. В одной из своих повестей, "Нескучный сад", он упоминает, что жил недалеко от Хавско-Шаболовского переулка, якобы, на расстоянии одной трамвайной остановки. Это могло относиться к окрестностям Донского монастыря или Серпуховской заставы. В. И. Амлинский пришел в художественную литературу из журналистики: он занимался организацией воспитания "трудных" подростков, писал на эту тему публицистические

статьи и очерки. Имеет значение и происхождение его: отец писателя, сын члена Гос. Думы созыва 1906-го года, деятеля левого направления, меньшевика, был научным работником, биологом генетиком, и во время гонения на генетиков был временно выслан из Москвы, работал в Свердловске, однако, вскоре вернулся в Москву. Сын его, Владимир Амлинский, написал об этом повесть-очерк "Оправдан будет каждый час", в которой отмечена стойкость его отца в отстаивании его научной (истинно научной) точки зрения в генетике и в биологии вообще. Что касается "Нескучного сада", то эта повесть на тему о мерах против хулиганства трудных подростков.

Повесть Амлинского "Борька Никитин" — это чисто художественное произведение, в ней трактуется актуальный в 70-х – 80-х годах 20-го века вопрос о принципиальности художника, правдивом отображении жизни и правильной оценке явлений искусства, в данном случае живописи.

Произведения В. И. Амлинского представляют интерес как правдивые, искренние отражения явлений социальной жизни времени 60-х – 80-х годов; что же касается их художественных достоинств, то они (произведения), видимо, и не очень настойчиво на них претендуют.

Переходя к "локальным" поэтам, скажу о ныне здравствующем Якове Лазаревиче Акиме (род. в декабре 1923-го года в г. Галич Костромской обл.). Мне довелось видеть его у моего старшего приятеля Игоря Иванова в году 1939 – 40-м. Яков Лазаревич был товарищем Игоря по школьному классу. Это поэт по преимуществу детский и подростковый. Занимался он также переводами поэтических произведений, в основном с языков народов СССР. Однако, в некоторых его книгах опубликованы и стихи для взрослых читателей. Стихи его, непритязательные по форме (традиционные) подкупают своей искренностью, любовью к людям и животным, жизненным оптимизмом. Он ценил и воспевал чувство дружбы людей, в том числе детей, и животных. Следует отметить также "педагогическую", наставническую деятельность Якова Лазаревича в Союзе писателей СССР, он ввел в литературу ряд талантливых молодых поэтов.

Известный русский поэт С. А. Есенин (1895 – 1925 гг.) жил короткое время (до войн и переворотов 1914 – 21 гг.) в одном из переулков Дальнего Замоскворечья, близ улицы Щипок. В доме, где он жил, ныне открыт его мемориальный музей. Творчество Есенина подробно охарактеризовано в других источниках, и в дополнительной характеристике не нуждается. Другой известный русский поэт, ныне здравствующий Андрей Андреевич Вознесенский (род. в 1933-м году) жил в детстве на Большой Серпуховской улице, близ завода бывш. Михельсона (ныне Ильича) в надстройке над корпусом, принадлежавшим заводу. Однако, раскрылся он как поэт главным образом в районе Замоскворечья (но не Дальнего), поэтому творчество его и значение в этих записках не рассматриваются.

В одном из переулков Дальнего Замоскворечья долгие годы жил выдающийся, даже гениальный кинорежиссер Андрей Арсеньевич Тарковский (1932 – 1987 гг.). С 1932-го по 1962-й год он жил в 1-м Щипковском переулке, близ ул. Щипок и Большой Серпуховской, в старом 2-хэтажном доме постройки 80-х годов 19-го века. Андрей Тарковский был сыном выдающегося русского поэта Арсения Александровича Тарковского (1907 – ум. не ранее 1985-го года), и детство его прошло, видимо, в среде небогатого мещанского быта времен еще "уходящей" России. Возможно, отсюда его стремление к разрешению метафизических противоречий жизни: Добра и Зла, Красоты и Уродства; к преодолению страха и тайны, сопровождающих человека с

высокоразвитым сознанием (и подсознанием), стремление к Истине в отвлеченном (обобщенном) смысле. Отсюда и некоторая усложненность формы его кинокартин, в которых можно при желании усмотреть и мистические мотивы (при всем совершенстве показанных в них реалистических деталей). Фильмы А Тарковского — это фильмы, видимо, для грядущего времени и будущего зрителя. Теперь же они предназначены для "подготовленного" зрителя, и на "человека с улицы", "из толпы" они произведут мало впечатления. А. Тарковский был для его времени и для Советской России кинорежиссером уникальным и малопонятным, недаром относительное признание своего таланта и значения он обрел только за рубежом. Дом же в 1-м Щипковском переулке, в котором он долго жил, сохранился, но сильно пострадал от времени. Он подлежит восстановлению, в нем должен быть открыт мемориальный музей знаменитого кинорежиссера. Однако, пока (май 2004-го года) реставрационные работы там не ведутся.

Скажу о некоторых деятелях изобразительного искусства, живших в описываемых здесь местах.

Жил в том же доме, что и я, художник Алексей Владимирович Колли (1927 – 1996 гг.), племянник известного архитектора Н. Я. Колли. Алексей Владимирович был и живописцем, и графиком. Он принадлежал к художественному направлению "Русский авангард 2-й половины 20-го века, его учителем был известный в то время теоретик искусства Э. М. Белютин, род. в 1925-м году. Алексей Владимирович выставлялся на многих художественных выставках, был членом Союза художников СССР. В одном из сборников под названием "Другое искусство. Москва 1956 – 76-й годы" воспроизведены несколько его картин. Например, картина "Швея" хотя и имеет некоторый налет абстракции и символизма, однако, в целом понятна доступна даже неискушенному зрителю (напр., автору этих строк) Алексей Владимирович иллюстрировал также некоторые научно-популярные книги, выходившие в 60-е – 80-е годы 20-го века.

В конце 30-х годов я познакомился у моего старшего приятеля Игоря Иванова с его товарищем по школьному классу Валей Горчуковым, впоследствии профессиональным скульптором Валентином Алексеевичем Горчуковым (1924 – 2000 гг., похоронен на Даниловском кладбище). Я был моложе его на 4 года (что в отроческие года имеет немалое значение), но он, со свойственным ему уже тогда добродушием, благожелательно со мной общался. Уже тогда Валентин проявлял интерес к скульптуре и профессии скульптора. Из работ Валентина Алексеевича мне известен памятник воинам-бауманцам, павшим в 1941 – 45-м годах, поставленный на территории Московского высшего технического училища (ныне Технический университет) им. Н. Э. Баумана (1873 – 1905 гг.). Кроме того, ему принадлежит оформление нового главного входа на Московский ипподром — ряд горельефов на тему скачек, в том числе изображения лошадей. На станции метро "Каховская" имеются два панно его работы на тему гражданской войны 1918–21-го годов в России. Эти панно выполнены в технике настенного стального литья. Небольшая статья Валентина Алексеевича с прекрасными цветными фотографиями автора помещена в журнале "Вокруг света" за 1966-й год, № 6. В статье рассказывается о русской деревянной скульптуре 16 – 19-го веков, образцы которой хранятся в провинциальных краеведческих музеях ряда городов, в основном Северо-Восточной России (напр., Перми, Переславля-Залесского, но и Моршанска). Стиль статьи свидетельствует о склонности ее автора к поэтическому и романтическому образам мышления.

Вместо послесловия

На этом кончаю настоящие записки. Рассказ мой можно представить себе состоящим из двух компонентов. Первый — это по возможности полное изображение моей семейной и окружающей общественной обстановки 30-х годов 20-го века, в хронологическом порядке. Здесь я постарался вспомнить и упомянуть как можно больше фактов, явлений и действующих лиц из моего далекого уже теперь детства и отрочества. Вследствие несовершенства памяти и давности тех времен (60 - 70 лет назад) рассказ получился, может быть, неполным, но я старался сделать его возможно полнее и избежать искажения тогдашней действительности. Прошу читателя (буде таковой окажется) извинить меня за несовершенство (мягко выражаясь) формы изложения (многословие, повторы, излишняя детализация изложения, и т. п.). Второй компонент изложения — это историко-краеведческие очерки по истории тех мест, где протекло мое детство и отрочество, а также об архитектуре застройки их, и краткие характеристики выдающихся локальных деятелей культуры этих мест. Назначение этого компонента — привлечь внимание как можно более широких слоев читателей, интересующихся общими вопросами истории и культуры России, в ее историческом развитии.

Приношу искреннюю благодарность за помощь мне в поисках фактов и обсуждении их: моим двоюродному брату Борису Владимировичу Барабанову двоюродной сестре Ксении Борисовне Денисовой; жителю Москвы, но усердному радетелю истины о Раненбурге и его окрестностей, хранителю и обновителю их красот Вячеславу Павловичу Шлыкову, директору Раненбургского краеведческого музея Татьяне Николаевне Тарасовой, а также жителю Раненбурга, ныне покойному Виктору Дмитриевичу Федорову, и москвичу Леониду Борисовичу Шукину.

Содержание

Вводные замечания.	1
Семья моих отца и матери.	1
Семья моего деда со стороны отца.	2
Семья моего деда со стороны матери.	11
Мой двоюродный дед Николай Гаврилович Рыжков и его семья.	23
Резюме предыдущих разделов.	25
Город Раненбург (Чаплыгин), характеристика его и частной жизни в нем в 30-е годы.	26
Местоположение города.	26
Кратко об истории Раненбурга.	27
Природные особенности Раненбурга и его окрестностей.	34
Сады и дома моих дедушек.	36
Элементы хозяйственной жизни Раненбурга в 30-е годы.	44
Некоторые черты быта в Раненбурге.	46
О моем времяпрепровождении летом в 30-х годах в Раненбурге.	47
Кратко о здравоохранении в Раненбурге.	55
О народном просвещении в Раненбурге.	56
Замечания о развитии архитектуры в Раненбурге.	58
О литературе и искусстве в Раненбурге.	64
О деятелях российской науки — жителях Раненбурга, повлиявших на мое умственное развитие.	65
Заключительные замечания по части, касающейся Раненбурга.	69
Заметки о моей жизни в Москве (30-е – первая половина 40-х годов).	71
Вводные замечания.	71
Местоположение и общая характеристика района моего жительства.	72
Об истории района Дальнего Замоскворечья (освоение, застройка).	73
О доме, в котором жил автор записок в его детстве и отрочестве.	92
О жизни моих родителей в Москве; первые годы моей жизни.	104
О детстве и отрочестве автора записок.	116
Об архитектуре застройки Дальнего Замоскворечья.	144
Очерк о "локальных" деятелях науки и культуры.	157
Вместо послесловия	163